

ТАТЬЯНА
СОЛОДКОВА

ПРИЗРАКИ МАРТА

18+

Татьяна Солодкова
Призраки Марта
Серия «Реонерия», книга 1

<https://litres.ru/73946013>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где темная магия под строжайшим контролем светлой, быть черным магом непросто.

Работать на благо короны и одновременно вести незаконную деятельность – еще сложнее.

Дружить с братом убийцы своих родителей — та еще задача.

Найти сестру, с которой вас разлучили в далеком детстве, — и вовсе почти невозможно.

Но если ты хочешь добиться справедливости, будь готов к тому, что будет нелегко.

Приготовься к боли и потерям.

Не оборачивайся! За твоей спиной призраки тех, кто «ушел» по твоей вине.

Удачи, Март, ты сможешь сломать любые оковы

Если не сломаешься сам...

Первая книга цикла "Реонерия", но может читаться отдельно. Связь с другими книгами цикла — то же королевство и некоторые второстепенные герои.

Внимание: ранее книга была размещена на сайте с другой обложкой и аннотацией.

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Нарушая правила	16
Глава 1	16
Глава 2	38
Глава 3	58
Глава 4	76
Глава 5	88
Глава 6	104
Глава 7	119
Глава 8	130
Глава 9	144
Глава 10	153
Глава 11	164
Часть 2. По правилам	180
Глава 1	180
Глава 2	195
Глава 3	211
Глава 4	226
Глава 5	241
Глава 6	253
Глава 7	264
Глава 8	281
Глава	295

Татьяна Солодкова

Призраки Марта

Пролог

В камине весело потрескивали поленья, окутанные языками красно-желтого пламени. Их вид завораживал, притягивал взгляд, околдовывал.

Колдовство... Март усмехнулся, вспомнив слово, которым невежды до сих пор иногда называли магию. Колдовство и колдуны. И плевать они хотели на общепринятые названия.

Плевать, плевать на все... Хотелось бы и ему просто взять и наплевать. Послать все к черту: и сестру, и выбор, который она перед ним поставила, просто уйти.

Но сбежать можно не из всякой западни. Да и разве он беглец?

Март сполз по спинке кресла еще ниже, водрузил ноги на невысокий табурет, поближе к огню, чей вид по-прежнему притягивал взгляд. Мартин даже не потрудился снять сапоги — зачем? Не хватало еще потом встречать гостей босиком и обуваться в спешке. Пустое. Ждать осталось недолго.

Он только расстегнул несколько пуговиц рубашки и привычно закатал рукава.

Мятая одежда, растекшееся по креслу тело, бокал с янтарной терпко пахнущей жидкостью на столике у правого локтя. Будь в помещении сторонний наблюдатель, он решил бы, что молодой человек перед ним пьян. Март и впрямь, должно быть, в этот вечер представлял собой жалкое зрелище. Вот только он не выпил ни капли спиртного. Наполнил стакан на треть, поставил на стол, но передумал и так к нему и не приоткрылся — ясная голова сегодня ему еще пригодится.

Одно из поленьев снова издало треск и осыпалось в пламени в труху, другие еще сохраняли свою форму, несмотря на то что огонь уже порядком их потрепал. Март подумал, что он сам теперь сродни этим деревяшкам — осталась только форма, внешний вид, но языки пламени с себя уже не стряхнуть.

Тихо отворилась боковая дверь, впуская в комнату рыжеволосого мальчишку. Огненная шевелюра подростка, как всегда, оказалась растрепана, будто не чесана много дней, хотя Март своими глазами видел Пьетро утром, и прическа у него была почти что опрятная.

Мартин бросил на визитера ленивый короткий взгляд и вновь уставился в камин. Вот и второе полено истлело...

— Опять потерял расческу?

— А? — Замерший было у двери мальчик вздрогнул. — Я... это... — Март повернул к нему голову, красноречиво приподняв бровь. Пьетро тут же подобрался, вытянул руки по швам. — Простите, господин! — выпалил на этот раз чет-

ко и громко, будто солдат перед командующим. — Никак нет! — Похоже, ветеранские истории Густава плотно осели в подсознании мальчишки. — Расческа при мне! — В подтверждение своих слов подросток даже извлек ту из кармана и несколько раз прошелся деревянными зубцами по волосам. — Уй! — Ожидаемо, зубчики запутались в непокорных прядях.

Март поморщился.

— Петька, брось, — попросил устало, отворачиваясь.

— Э-э... — Раздался звук падения маленького предмета на пол. — Расческу — бросил, господин!

Мартин с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться — Петька, с его тонкой душевной организацией, непременно обидится.

— Господин? — в голосе мальчика появились жалобные нотки.

— Да, Петь?

Третье полено. Что-то «гости» тянут. Если так и пойдет, придется вставать и подбрасывать в камин новую порцию дров.

Пьетро сделал несмелый шаг к креслу, в котором все еще валялся Март, и робко замер.

— Я опять понял вас буквально, да?

На этот раз Мартин улыбнулся от души и не таясь. Есть же толк, есть. Раньше парнишка и заговорить первым не решился бы, вопрос задать.

— Ага. — Март, не поворачиваясь, оторвал ладонь от подлокотника кресла, согнул указательный палец. Брошенная на пол расческа взлетела в воздух и послушно заняла свое место в кармане юного хозяина.

— Ох, — выдохнул Пьетро. Что тоже было успехом — вспомнить хотя бы, как он визжал, словно раненый поросенок, при любых проявлениях магии рядом с ним.

Март наконец взял себя в руки, обхватил подлокотники и подтянулся, садясь ровнее; поставил ноги на пол.

— Петь, ты что-то хотел?

Мальчик смущенно переступил с ноги на ногу.

— Хотел спросить, не нужно ли вам чего? Спать пойти...

— И резко замолчал, видя, как господин хмурится.

— Сколько раз я тебе говорил, что ты больше не раб? — строго спросил Март.

— Много, господин. — Успех, конечно, налицо, но с парнишкой еще работать и работать. Жаль, что...

— И не «господин», — продолжил Мартин. — И на «ты».

Пьетро упрямо поджал губы, мотнул головой, как норовистый конь, взмахнув огненно-рыжей челкой.

— Не могу, господин.

Вот ведь упрямец! Март не сдержал улыбки.

— Хорошо, что ты зашел, — сказал он, снова становясь серьезным. — Вон там на столе деньги, — кивнул, указывая направление. — Передашь завтра с утра поверенному господина Переуса. Это арендная плата.

— Конечно, господин! — Мальчик тут же ожил и встрепенулся. Задание — это привычно, это просто, это то, что нужно.

— Там же твои документы...

Пьетро вскинул на Мартина расширившиеся от ужаса глаза.

— Господин, вы меня гоните? Потому что я плохо учусь?

— Глупости не говори, — огрызнулся Март. — Никто тебя не гонит. У каждого уважающего себя человека документы должны быть при себе. Давно следовало их тебе отдать.

Пьетро сделал шаг по направлению к столу и остановился, посмотрел недоверчиво.

— И никакого подвоха?

И как только в этом парне умудрялись уживаться угодничество и покорность бывшего раба и наглость беспризорника?

Март серьезно кивнул.

— Никакого подвоха.

Во всяком случае, никакого в том, что касалось вольной Пьетро и банковского счета на его новое имя. Но документы из банка мальчик рассмотрит завтра утром. Если прочтет и поймет не все, то банковский вензель и имя точно узнает, а дальше разберется.

Пьетро наконец добрался до стола, как Март и думал, не стал изучать бумаги при нем, молча сгреб и спрятал за пазуху, одернул кафтан.

Хороший пацан, подумал Мартин, поглядывая на него из-под полуопущенных ресниц, и все у него будет хорошо.

— Господин?

Март не ожидал, что мальчик снова решится заговорить, поэтому удивленно поднял голову.

— Да, Петь? — поощрительно улыбнулся.

— Что-то случилось? — Ответная улыбка Пьетро была робкой и едва различимой, но все-таки была.

Случилось. Тщательно выстраиваемый мир Марта в одночасье рухнул. Цель, на которую он потратил всю свою жизнь, оказалась разочарованием. А единственный выбор — очевидно, роковой ошибкой. Потому что в данном случае ошибкой будет любой из выбранных вариантов.

Слишком... много всего. Слишком сложно для только-только начавшего оживать мальчика Пьетро.

Март уверенно покачал головой.

— Ничего, Петь.

— Мне показалось, вы грустите.

— «Ты», — поправил Мартин. Пьетро закусил губу, но не сдался — упрямый. Март усмехнулся. — Настроение просто такое, лирическое. Что ж я, не человек, что ли?

— Человек... Скажете тоже, — возмутился мальчик. — Вы же самый великий черный маг!

— В городе? — Март скептически скривился.

Пьетро выпятил колесом грудь.

— В нашем королевстве!

Вероятно, один из, если судить по силе дара. Только не о величии. Март мог получить величие, а выбрал...

Он напрягся, почувствовав приближение тех, кого ждал весь вечер. Выходит, Март думал о Брэнигане слишком плохо и тот помучился целых полдня, прежде чем сдать его со всеми потрохами тем, кому следовало. И все же он в нем не ошибся.

Мартин подобрался — все, не место лирике.

— Пьетро, сядь, пожалуйста, — указал на табурет перед камином, напротив своего кресла. На пустую болтовню больше не было времени.

Мальчик вздрогнул от резко переменившегося тона «господина» и послушно пересек комнату, чтобы выполнить приказ.

Март на мгновение прикрыл глаза: чужая энергия стремительно приближалась — целый отряд, сильные маги... Мартин не сдержался и хмыкнул — высоко же они его оценили. Или слишком низко — так бы он и ждал облавы, нежась в кресле перед камином.

Март подался вперед.

— Молчи и слушай, — заговорил быстро и строго. — Скоро сюда придут люди...

Пьетро растерянно моргнул.

— Гости? Накрыть на стол?

Мартин раздраженно мотнул головой.

— Не перебивай, пожалуйста. — Петька тут же виновато

потупил взгляд. — Они будут задавать тебе вопросы. Обо мне.

Мальчик тут же вскинулся вновь.

— Что вы, господин! Вам не нужно напоминать! Я никому, ни одного словечка, я...

Верность, самоотверженность. И самое поганое, что Пьетро действительно умрет, но не выдаст его. Ничего толком не знает, но будет защищать до последнего.

— Идиотом не будь, — перебил Мартин, злясь больше не на собеседника, а на себя. За то, что привязал к себе мальчишку, но дело до конца не довел. — Эти люди придут не на чай и, если надо, развяжут язык любому. На любой их вопрос — отвечаешь правду. Говоришь — *все*. Действительно все. Это понятно?

— Но как же?..

— Это понятно? — повторил Мартин с нажимом.

— Да, господин.

— «Да, Март», — поправил скорее по привычке, чем осознанно.

— Да, господин, — как и всегда, уперся Пьетро. Ну да боги с ним.

Ощущения обострились. «Гости» были совсем близко. Март почувствовал, как покрывается «гусиной кожей» — дом накрывали куполом.

Мышеловка, из которой не уйти.

Но разве он собирался уходить?

Март встал и принялся раскатывать рукава рубашки; застегнул манжеты.

— И чтобы покорнее мыши, — бросил взгляд на растерянного Пьетро. — Полное содействие.

Кажется, до мальчика наконец дошло.

— Это что же... — У него даже губы побледнели. — *Они?*

Март усмехнулся.

— И еще группа поддержки, — проворчал себе под нос. Пьетро услышал, часто заморгал, не понимая. — Уши закрой! — резко велел Мартин.

Пьетро послушался мгновенно — привык доверять и полагаться на своего «господина», — накрыл ладонями уши. В следующее мгновение рвануло: ухнуло, грохнуло, дверь сорвалась с петель и улетела в другой конец помещения, со звоном и грохотом сбивая все на своем пути.

Пьетро согнулся, как под обстрелом. А Март остался стоять. Посреди комнаты. С идеально прямой спиной. Только повернулся лицом в сторону так агрессивно и совершенно нелепо открытого выхода.

О да, их было много. Столько гостей в период обитания тут Мартина этот дом еще не видел.

— Не двигайся! — рывкнул седовласый светлый маг в необъятной хламиде, первым ворвавшийся в помещение. Можно подумать, он сам, своей белой, «святой» силой вышибал дверь. Март не шелохнулся. Только стоял и смотрел. — Подними руки! — Поднял, нарочито медленно, тягуче —

вверх, немного в стороны, ладонями к визитерам, чуть расставив пальцы, демонстрируя, что не собирается использовать магию; внутри купола и не смог бы. — Взять его!

Мартин не сопротивлялся, ни когда к нему подбежали двое огромных «служак» и заломили руки за спину, заставив согнуться, ни когда светлый накидывал на него «Пелену покорности». Только повернулся к вжавшемуся в угол Пьетро и чуть смежил веки, напоминая об обещании.

Отвернулся.

Его повели к выходу.

Часть 1. Нарушая правила

Глава 1

За 15 лет до описываемых событий

Двор, озаряемый магическими фонарями, наполнился людьми, залаяли собаки.

Всадники. Пятеро. Один — в длинном плаще с капюшоном, опущенным на лицо, — словно безликая тень. Остальные — обычная охрана, — в темной одежде, с оружием. А потому, кто в этой компании главный, не вызывало сомнений.

Только кому взбрело в голову пожаловать в гости на ночь глядя? Кто бы это ни был, он не желал быть узнанным посторонними. Тем не менее охрана у ворот его пропустила...

Хлопнула боковая дверь особняка, по ступеням сбежал запыхавшийся Кермит. Старик был уже слаб, скорость и ловкость давались ему нелегко, но он старался, чтобы не потерять свое место.

Кермит приблизился к Плащу-с-капюшоном, поклонился. Ничего себе! Завязался негромкий и весьма короткий разговор, и управляющий повел гостя в дом.

Вит торопливо присел на корточки под подоконником,

чтобы не быть замеченным незнакомцем. Вдруг ему взбредет в голову поднять глаза и увидеть незваного наблюдателя?

Собаки продолжали лаять. Чей-то грубый голос окрикнул их. Солман? Выходит, и конюх не спит... Как интересно!

Вит осторожно приподнялся из своего укрытия, медленно, почти не дыша, приоткрыл оконную створку пошире. В детскую ворвался порыв прохладного ночного ветра, и он еле успел ухватить раму, чтобы она не грохнула о стену. Успел. Еще бы чуть-чуть...

И словно в издевательство над его стараниями, дверь в комнату вдруг с грохотом распахнулась.

— Вита! — Вит резко повернулся к двери. Кто пожаловал без стука и приглашения, он знал наверняка.

Сестра, как и он сам, была уже переодета к ночи. Ткань белоснежной сорочки, доходящей почти что до пят, струилась при ходьбе и даже сияла в отсутствие освещения в комнате, отчего Вита напонила брату приведение. Он не сдержал смехок.

— Чего ржешь? — Вита тут же уперла руки в бока.

Начинается. Вроде бы в обед уже подрались и оба получили взбучку от няни Агаты, а затем и от матери, но этой все мало.

Однако упрямство не позволило смолчать.

— А ты чего шумишь? Услышат же.

Вита дернула плечиком.

— Как же. Вон как собаки надрываются. Не услышат.

— Все равно, — уперся Вит.

Отец обещал подарить ему на день рождения личного коня, если сын будет прилежно себя вести. Вит уже даже присмотрел себе нового друга — черного, как вороное крыло, жеребца. Их сосед, господин Нуриаш, как раз выставил того на продажу. А до дня рождения — рукой подать. Через неделю Виту исполнится восемь и у него появится свой собственный конь. У Виты, конечно, день рождения в ту же дату, но она запросила у матери новое платье с ажурной шляпкой. Вряд ли мама откажет ей в обновке, хоть сестрица будет качаться на люстре — вот ничего и не боится.

— Как думаешь, кто это? — Девчонка нагло пересекла комнату и остановилась у окна рядом с братом; вытянула шею, напомнив Виту цаплю.

— Понятия не имею, — буркнул тот.

Любопытно было до ужаса. В последние месяцы дом Викандеров редко принимал гостей. У отца, лорда Виттора Викандера, случился какой-то конфликт с королем, и высшее общество, ранее не слезающее с их диванов в гостиной и нахваливавшее мастерство кухарки Эльзы, быстро забыло дорогу в имение. Тем загадочнее выглядел сегодняшний ночной визит незнакомца.

— Пойдем подслушаем! — Вита ухватила брата за рукав пижамы и потянула за собой.

Вит нетерпеливо вырвал руку.

— Если нас застукают... — прошипел в ответ.

Но сестра насмешливо закатила глаза.

— Да купит он тебе эту лошадь. Пугает только, а ты веришь.

Вит не стал спорить. Это крошка Виттория для отца — нежный цветок, с которого только и делать — что сдуть пылинки. А с сыном у лорда Викандера разговор короткий: «Ты мой наследник, и спрос с тебя другой». Когда Виту было лет пять, он обижался. Потом понял. И правда, какой с девчонки спрос? Дурная, и все тут.

— Ну, как хочешь! — Вита встряхнула своими длиннющими, спускающимися ниже спины волосами и пошлепала босыми ногами прочь из комнаты. И сразу — вниз по лестнице.

Теперь уже Вит закатил глаза. Верно отец говорил: женщины — это гибель для мужчины. Не видать ему теперь Мрака — он даже имя уже придумал.

А все-таки своя, хоть и дурная...

Вит тяжело вздохнул и бросился вслед за сестрой.

Вита уже успела пристроиться на верхней ступени лестницы и жадно вглядывалась вниз, впившись тонкими пальцами в балясины. Обернулась, когда брат приблизился, подвинулась, освобождая место, и снова обратилась в зрение и слух.

Вит присел рядом. Все-таки было безумно любопытно.

Видно только отсюда плохо, да и слышно не очень. Жаль,

что отец давно разгадал все их магические хитрости и почистил гостиную. Последнее «ухо» из дивана у чайного столика он извлек, наконец порядком разозлившись на бесконечные шалости детей. После чего уже пострадало собственное ухо Вита. Вите-то что — девчонка, с нее другой спрос.

Так что оставалось рассчитывать только на собственные глаза и уши. Никакой магии в доме — правило, которое лорд Викандер требовал выполнять неукоснительно. Либо во дворе, либо на уроках с учителем, но никогда самовольно и в стенах особняка.

А посмотреть было на что.

Сегодняшнего гостя Вит видел впервые. Тощий, длинный, как палка, с большим горбатым носом и узкими прищуренными глазами, он не понравился ему сразу. Обычно друзья отца были добрыми и улыбчивыми, да и навевались они в приличные часы для посещений, а не ночью. А этот... коршун на ветке.

Гость занял одно из кресел у чайного столика, отец — другое. Лорд Викандер сидел к лестнице спиной, но по чересчур прямой осанке и расположению рук на подлокотниках Вит безошибочно определил, что отец напряжен — тоже не рад ночному визитеру.

В гостиной царило молчание, отчего становилось совсем не по себе. Только бы не чихнуть ненароком и не выдать себя, тогда точно не отделаешься ухом.

Из двери, ведущей на кухню, появилась мать с подносом

в руках. Сама, лично — прислуга будто вымерла.

Леди Викандер еще не успела переодеться к ночи и была в том же платье, в котором дети видели ее на ужине. На лице — дежурная улыбка, а глаза — серьезнее некуда. Вит пожегся.

Сестра обернулась, округлив глаза, молча спрашивая, заметил ли он. Вит поджал губы — заметил.

— Спасибо, Лу. — Отец ласково коснулся тыльной стороны ладони матери, когда та ставила поднос с чайными принадлежностями на столик. — Дальше мы сами.

— Конечно, Вит. — Она все так же безжизненно улыбнулась; выпрямилась. — Виттор, — кивнула мужу, — лорд Ширадин, — гостю.

— Леди Викандер, — отвесил тот вежливый кивок в ответ, а затем проводил хозяйку дома взглядом до самой двери на кухню, из которой она появилась и за которой вновь скрылась. — Не боишься за нее? — заговорил затем, обращаясь к лорду Викандеру, жестко, требовательно. — За детей?

Пальцы отца сжались на подлокотнике.

— Я не делаю ничего предосудительного, чтобы беспокоиться об их безопасности, — ответил сухо.

— Ой ли? — тон гостя резко изменился. Лорд Ширадин откинулся на спинку кресла и перекинул ногу на ногу. — Вит, я сколько лет тебя знаю? Двадцать? Двадцать пять? — Отец дернул плечом, давая понять, что числа уже не имеют значения. — И как бы мы ни расходились во мнениях в по-

следние годы, — уже совсем неофициально продолжал Ши-
радин, — мы все еще друзья. — Лорд Викандер скептически
хмыкнул. — Я — твой друг, — ничуть не смутился гость. —
И ты в опасности. Вы все.

Повисла пауза. Отец побарабанил пальцами по бархатной
обшивке подлокотника.

— Что ты предлагаешь? — спросил через некоторое вре-
мя, очевидно, что-то обдумав.

— Принеси присягу Лионару, — коротко.

Виту показалось, или отец скрипнул зубами?

— Я уже сказал этому юному наглецу, что готов прине-
сти присягу новому королю так, как было принято нашими
предками, и так, как это соблюдалось много веков подряд:
слово, клятва.

Гость покачал головой.

— Мы оба знаем, что на черных магах не держатся маги-
ческие клятвы.

А теперь отец совершенно точно заскрипел зубами. Виту
сделалось совсем жутко.

— Ты называешь меня клятвопреступником? Сомнева-
ешься в моей чести?

Если бы лорд Викандер таким тоном обратился к своему
сыну, Вит, должно быть, провалился бы сквозь землю. Но
Ширадин не выглядел ни напуганным, ни впечатленным.

— Я называю тебя упрямым бараном...

Вит часто заморгал, не веря своим ушам. Вита снова рас-

терянно оглянулась.

— Дай пацану закрепиться на троне, — спокойно продолжил незванный гость. — Ему всего семнадцать. Партии раздирают его на части. Лион еще молодец, что пытается думать своим умом.

Лион? Коршун так запросто говорил о короле? В голове не укладывалось.

— Хочешь сказать, он своим умом придумал использовать эти серьги? — в последнем слове отчетливо было слышно отвращение.

— Конечно нет, — согласился Ширадин. — Но ты знаешь, что предлагали ему ранее? Белые хотели вживить всем черным магсерьги, которые убивали бы на месте при любом магическом воздействии на человека без дара.

— А он, ангел во плоти, согласился на три звена, — передразнил отец. — Теперь черные будут умирать с третьей попытки. Ты сам-то себя слышишь? Это прежде всего клеймо. Рабство.

Гость помолчал, покусал губы, уставившись на сложенные на своем колене руки.

— Это унижительно, — согласился затем. — Тем более для тебя и других лордов, долгое время пребывающих при дворе и внесших немалый вклад в благополучие королевства.

— Но? — едко подсказал лорд Викандер.

— Но Лионара можно понять, — тверже продолжил Ши-

радин. — Его отца только что прикончил именно черный маг.

— Дуглоаса и его сообщников казнили, — отрезал отец.

Эта история Виту была известна. Всего несколько месяцев назад было совершено успешное покушение на жизнь короля Реонерии, его величество Лагуста Третьего, после чего трон перешел его семнадцатилетнему сыну, Лионару.

Однако о том, что короля Лагуста убил черный маг, Вит слышал впервые. А в чем связь опасности, нависшей над их семьей и каких-то магических серег, не понимал до сих пор. Их с сестрой с пеленок учили именно тому, что разницы между светлой и темной магией не существует: одна умеет лечить, другая истреблять нечисть и нежить — не более.

— А до этого на Лагуста было совершено покушение Шед-реем, и он тоже был черным.

— Тоже казнен.

— А побоище в переделе Санса?

На этот раз отец ответил не сразу и не так категорично.

— Любой может тронуться умом, не только черный маг.

— Только если бы помешался белый, то он бы разве что засадил площадь в Сансе цветами. Две сотни трупов, Вит.

— Случайность.

— И все же, — настаивал гость. — Причин бояться черных у Лиона достаточно.

— Серьги — это как рабское клеймо! — рявкнул отец. Вит заметил, как сестра испуганно втянула голову в плечи.

— А если на меня и на мою семью нападут эти самые люди без дара, которых сопляк так свято защищает? Три магических действия — и я труп?

Гость поморщился.

— На тебя хотя бы раз нападали люди без дара?

Однако отец оставался непреклонен.

— Нет. Но как раз потому что знали, что получают отпор.

Ширадин облизал губы. Пересохли? Волнуется? Тем не менее никто из мужчин так и не притронулся к подносу с чаем и сладостями, оставленному на столике хозяйкой дома.

— Вит... — Гость помолчал и попробовал снова, даже подался вперед. — Ты же Викандер. Один из самых сильных черных магов Реонерии, у тебя оба ребенка — наследники мощнейшего темного дара. К кому, как не к тебе, прислушается король, если ты пойдешь ему навстречу? Можно ведь торговаться. Не три звена — пять. А со временем, когда все устаканится, уберут эти серьги, я уверен.

— У тебя нет дара, — нетерпеливо огрызнулся отец, — тебе легко говорить. Не твоим детям собираются ставить смертельное клеймо, надевать ошейник.

— Детей не тронут, — возразил гость. — До шестнадцати лет точно. А до тех пор, пока твоим детям исполнится по шестнадцать, много воды утечет. Все еще изменится.

— Нет, — отрезал лорд Викандер.

Но собеседник его словно не слышал.

— Законопроект еще на рассмотрении. Возможно, им

придется учиться в закрытых учебных заведениях, но это все равно жизнь. Если Лионар решит, что ты представляешь опасность его интересам, то вы все — и Луиза, и Виттор с Витторией — погибнете.

Сердце забилося сильнее. Этот человек и их имена знал. Как такое возможно? Друг отца, которому столько известно, и ни разу не был у них в гостях? Вит не так представлял себе дружбу.

— Нет, — еще раз повторил отец.

— Хотя бы поговори с Лионом.

— Я уже изложил ему свою точку зрения.

— Виттор.

— Ривен.

И все. Минута напряжения глаза в глаза — и гость встал, одернул полы плаща, который так и не снял за все время разговора.

— Все, что я могу обещать, это то, что попытаюсь смягчить Лиону твой ответ.

Лорд Викандер тоже встал.

— Так и знал, что это не визит друга, — сказал обвинительно.

— Друга, — возразил Ривен Ширадин, — но по просьбе его величества.

— Вот и скажи его величеству, — королевский титул из уст отца прозвучал с явственной издевкой, — что Виттор Викандер готов служить ему верой и правдой, но я и мои люди

не псы, чтобы носить ошейники.

Гость вздохнул и, не прощаясь, покинул дом.

Отец остался стоять посреди гостиной, глядя прямо перед собой и только теперь чуть ссутулив плечи.

— Виттория! — внезапно раздавшийся гневный голос хозяина дома стал для его детей как гром среди ясного неба. Оба немедленно вскочили, а Вит сразу же распрощался с мечтой о Мраке. — Живо в постель! Виттор! Иди сюда!

Как всегда, с девочки спроса нет...

Вита показала брату язык и унеслась в свою комнату.

Вит проводил сестру тоскливым взглядом.

Так и знал, что влетит.

К удивлению Вита, отец не стал отчитывать его за подслушивание. Впрочем, он и сам знал, что подглядывать за кем-либо исподтишка — непорядочно, и готов был принять свое наказание. Да, они оказались здесь из-за неугомонной Виты, но у него был выбор — остаться в комнате. Тем не менее Вит последовал за сестрой. Значит, сам и виноват.

Глупо было рассчитывать на то, что такой сильный маг, как лорд Викандер, не почувствует чужое присутствие неподалеку. Наивно и глупо. Вит окончательно перестал злиться на сестру и разозлился на себя.

Однако, когда сын спустился в гостиную, взгляд отца уже перестал метать молнии.

— Сядь, — попросил он устало, что слишком резко контрастировало с тем тоном, которым он окликнул детей ранее. Вит молча занял недавно покинутое гостем кресло. — Молодец, — рассеянно похвалил отец. Вит удивленно приподнял брови: за что его хвалят, за то, что сумел сесть и не промазать мимо кресла? — Ты ведь все слышал? — Вит кивнул. А лорд Викандер вдруг опустился на корточки перед сыном (Вит окончательно растерялся), сжал его кисти в своих больших теплых ладонях. — Виттор, не знаю, как обернется, — заговорил негромко, даже глухо, — но запомни одно: ты Викандер. За этим именем история, честь и гордость. Викандеры не преклоняют коленей, но служат верно и никогда не предадут тех, кто от них зависит.

Вит знал. «Верность и честь», — было написано на их семейном гербе, под мечом и рукой с растопыренными пальцами в черной перчатке.

— Я постараюсь отстоять эти серьги, — продолжал отец. — Если нет, у меня есть еще кое-какие варианты. Никто не сделает из моих детей рабов.

— Лучше быть мертвым и свободным, чем живым рабом? — спросил Вит, вглядываясь в удивительно серьезные и одновременно печальные глаза отца, такие же синие, как у него самого.

Лорд Викандер вздрогнул, как от удара.

— Кто тебе такое сказал? — потребовал строго.

Вит только дернул плечом.

— Так, слышал.

Тогда отец водрузил ладони сыну на плечи.

— Мы не будем ни мертвыми, ни рабами, — пообещал серьезно.

— Да, отец, — покорно отозвался Вит.

А сам подумал, что отец совсем не так уверен в своих словах, как хотел показать.

Дом горел.

Все произошло слишком быстро, Вит толком ничего не понял. Он спал в своей кровати, когда в комнату ворвалась мама с испуганной Витой за руку; обе в ночных сорочках.

Сестра терла глаза.

Дом наполнялся запахом гари.

— Вит, скорее! — Леди Викандер схватила его ладонь и практически силой вытащила из постели. — Бежим!

— Куда?! — прокричал он испуганно и тут же закашлялся. Горло драло неимоверно.

— Вниз! — Мать уже бежала по лестнице. — Белые поставили купол. Не казнь, всего лишь пожар... Может, купол вас пропустит...

Если защитный купол ставить заведомо против кого-то, то жертву он не выпустит, это Вит знал — учитель рассказывал, и отец тоже. Но кто? За что? Коршун Ширадин? Нет, он не маг, отец сказал. Тогда кто приказал? Король, которого лорд

Викандер называл сопляком?

— Скорее!

Первый этаж оказался весь в дыму. Из глаз хлынули слезы.

— Жжет, — захныкала Вита.

Мать бросилась к столику. Схватила нож для масла, с его помощью оторвала два больших куса ткани от подола своей сорочки, сделав ее длиной даже выше коленей; обильно полила водой из графина и вручила детям.

— Прижмите к лицу!

Все так быстро. Твердая рука и твердый голос. Вит никогда не видел свою мать такой. Теперь-то он по-настоящему испугался.

Не казнь — пожар... Их решили убить всей семьей, как и предупреждал Ширадин, и выставить все как несчастный случай.

— Туда, к задней двери! — Мать потащила детей за собой, на ходу пытаясь создать защитное заклинание, снова и снова. Магия осыпалась с ее пальцев черными искрами.

Внутри купола использовать магию не удастся, это Вит тоже знал — бесполезно.

Открытого огня не было, только дым, серо-бело-голубой, густой — однозначно, магический.

Они почти добежали до двери в кухню, как с грохотом распахнулись главные двустворчатые двери.

Их было много, людей в черном с обнаженными мечами

в руках. Без дара, но достаточно было и того белого мага, который оставался на улице, держа купол.

Пришли добивать.

Чтобы наверняка...

Что могут двое детей и слабая женщина, неспособная использовать свой дар, против десятка вооруженных мужчин?

— Где папа?! — заплакала Вита. — Где он?!

Мать не ответила, только крепче сжала и без того бледные губы. Ее грудь тяжело и быстро вздымалась, светлые волосы разметались. А в глазах... в глазах леди Викандер Вит прочел что-то такое, отчего вдруг отчетливо понял: отца больше нет в живых.

Глаза защипало сильнее.

— Где папа?!

— Не реви! — рявкнул Вит на сестру.

Удивительно, но та испуганно затихла.

Они отступали спиной к задней двери. Вооруженные люди — на них. Леди Викандер расставила руки в стороны, своей грудью прикрывая детей и пряча их за собой.

Вит громко всхлипнул и поднырнул под рукой матери, встал впереди. Он мужчина и не станет прятаться за ее спиной. Это он должен защитить и маму, и сестру. Кто знает как — как-нибудь.

В этот момент Вит вспомнил, что мать сказала о куполе и о том, что тот может быть не настроен на детей.

Времени на раздумья не было, поэтому он просто выбро-

сил руку вперед. С пальцев сорвались черные молнии и впечатались в лицо ближайшему из нападавших.

Что-то ухнуло, грохнуло, взорвалось. Во все стороны полетели брызги крови и ошметки чего-то горячего и склизкого. Кто-то закричал.

А в следующий миг Вита уже отбросило в сторону. Сверху со стены упала картина, больно припечатав его по затылку и на время лишив способности видеть и что-либо понимать. Влажная тряпка потерялась, гарь снова забила ноздри.

А когда Вит вновь обрел способность видеть и осознавать реальность, то увидел глаза матери — широко распахнутые, мертвые. Она лежала прямо перед ним, раскинув руки в стороны, так, как и защищала своих детей только что, а поперек ее груди зиял окровавленными краями... разрез? Разруб? Кто-то просто перерубил тело леди Викандер мечом. Белая сорочка быстро пропитывалась кровью.

Вит забыл, как дышать, не в силах отвести взгляд от мертвых глаз матери.

В себя привел визг сестры. Именно визг, не крик. Вита забилась в угол, накрыв руками голову, и отчаянно визжала.

Как-то отец взял сына с собой на охоту. Там был маленький кабанчик, раненый. Он похоже визжал, пока лорд Викандер милосердно не закончил его мучения.

Подступающий к Вите мужчина с огромным мечом в руках собирался совершить такое же «милосердие».

— Нет! — закричал Вит, мгновенно оказавшись на ногах.

— Не смейте!

Если бы его попросили вспомнить, как всего за мгновение он умудрился пересечь комнату и загородить собой сестру, — не смог бы.

— Убей щенка! — крикнул кто-то. — Скорей, пока он опять что-нибудь не выкинул!

Его боялись после прошлой выходки? Хорошо. Это придало смелости. Между пальцев заплясали черные молнии. Сейчас...

Вит не успел.

— Немедленно прекратить! — рывкнул уже знакомый ему голос. — Немедленно!

Ширадин проталкивался между чужаков, заполнивших дом. Остановился рядом с тем, который только что заносил над детьми меч, а теперь растерянно опустил; обвел взглядом открывшуюся перед ним картину: мертвое тело леди Викандер, Вита и Виту, прячущуюся за его спиной.

Вит вдруг не к месту подумал, что дышать стало совсем легко — дым вытягивался на улицу в открытые двери, а помещение заполнял свежий ночной воздух.

— Кто приказал?! — рывкнул Ширадин. На его щеках играли злые желваки.

— Приказ короля, — равнодушно отрапортовали ему. — Лорд Ширадин, вы бы видели, что...

Коршун властно поднял руку в черной перчатке, прерывая рассказ о том, что сделал Вит.

— Я сам разберусь с детьми.

— Лорд Ширадин, — попытался возразить ему мужчина с мечом, но прозвучало это не слишком уверенно, — приказ короля...

Ширадин даже не потрудился взглянуть в сторону говорившего.

— Они умрут, не сомневайся, — отрезал холодно. Перевел ледяной взгляд на Вита. — Идешь со мной, — безапелляционно.

Вит мог бы разорвать молнией и его голову, как тыкву, как голову того, кто первым ворвался в дом. Но что-то не позволило, он сам не смог бы объяснить — что-то во взгляде этого человека или что-то в разговоре между ним и лордом Викандером.

— Вставай. — Вит схватил сестру за руку, рывком поставил на ноги и силой поволок за собой.

— Мама! Мамочка! — вопила Вита. — Я не пойду!

И тут впервые в жизни брат отвесил ей подзатыльник. Не думал, не собирался — само вышло и показалось правильным. Крик оборвался. А идущий рядом лорд Ширадин бросил на него взгляд и кивнул. Одобрительно.

Карета ждала их у самого дома.

Вит пытался крутить головой по сторонам, но Ширадин решительно распахнул перед детьми дверцу и велел забираться внутрь, не дав ничего рассмотреть. Вит только про себя отметил, как тихо кругом: ни лошадиного ржания, ни

лая собак.

Карета тронулась, едва захлопнулась дверца.

Вит потерял счет времени. Он не знал, сколько они ехали и куда. Карета подпрыгивала на ухабах.

Ширадин сидел напротив, подперев кулаком подбородок. Вита испуганно жалась к брату, время от времени всхлипывая и, кажется, сморкаясь в пижаму на его груди. В любой другой момент Вит оттолкнул бы ее. Но не сейчас.

Долго, ехали долго. Вит несколько раз засыпал, обессиленный, и просыпался вновь.

Ширадин молчал. Только поглядывал на брата с сестрой из-под густых нахмуренных бровей. И молчал.

— Вставай. — Вит все-таки умудрился крепко уснуть, очнувшись оттого, что его трясли за плечо. — Вставай — и на выход, — скомандовал Ширадин. — Ты, — уперся своим коршуновым взглядом в Виту, — остаешься здесь.

— Нет! Вит! — испугалась девочка.

Ему тоже хотелось завопить, точно так же. И разреветься, непременно разреветься.

— Не реви, — буркнул он, сдерживая собственные слезы; вышел из кареты.

После темноты экипажа свет ослепил. Рассвет только начинался, но яркий свет шел от фонарей прямо над головой. Подъездная дорожка, какое-то большое трехэтажное здание,

множество окон.

Вит часто заморгал, не понимая, что это за место.

Заскрипели ворота, и из них вышел тощий мужчина в темной хламиде, напоминающей монашескую рясу, только подпоясана она была не веревкой, а кожаным ремнем. Вышел и остановился в ожидании, спрятал кисти рук в широких рукавах.

— Послушай меня... — Вит так засмотрелся на мужчину в воротах, что вздрогнул от звука голоса Ширадина. На самом деле, совсем не страшного голоса, даже немного доброго. — Послушай меня, — повторил старый друг отца, опустившись на одно колено, чтобы иметь возможность смотреть Виту прямо в глаза. — Если кто-то узнает, кто ты, ты умрешь. И она тогда тоже, — наклон головы в сторону кареты. Вит сглотнул. — Ты меня понимаешь? — Вит кивнул. — Никто и никогда не должен узнать, кто ты, — повторил Ширадин с нажимом в голосе.

— Я понял, — буркнул Вит, сообразив, что мужчина замолчал не просто так — ждал ответа.

— Отныне тебя зовут Мартин, — продолжил Коршун, уже не напоминающий коршуна, — ты сирота, и у тебя нет родового имени. Ты никто. Понял?

Виту вдруг захотелось растянуть рот пальцами, закапать слюной и поворачивать глазами. Мол, я дурачок, ничего я не понимаю.

Он понимал.

— Мартин, — повторил, опустив взгляд. — Мартин. Никто.

— Молодец. — Ширадин ободряюще хлопнул его по плечу и поднялся. Повернулся к мужчине у ворот. — Принимайте! — сказал громко. — Это Мартин. Мартин, поздоровайся.

— Здравствуйте, — буркнул Вит.

В руку встречающего перекочевал внушительный мешочек с монетами.

Спрятав плату за пазухой, мужчина приобнял Вита за плечи, увлекая за собой в ворота странного здания. Приюта?

Вит подчинился; только обернулся уже у самых ворот.

Ширадин стоял и смотрел ему вслед.

— Удачи, Март! — Улыбнулся натянуто, словно с усилием.

Виту показалось, что тот хотел сказать ему еще что-то. Не сказал.

Он кивнул в ответ и вошел в ворота вслед за незнакомцем в подобию рясы.

Больше не Виттор Викандер.

Мартин.

Просто Март.

Никто.

Глава 2

15 лет спустя

— Мартин Халистер, — повторил тучный трактирщик в рубашке с засаленными рукавами. Протянул пухлую ладонь через прилавок, принимая у визитера его удостоверение личности.

— Угу, — отозвался Март, подтверждая, что тот расслышал имя верно.

Трактирщик углубился в изучение документов, а он вполоборота повернулся к залу.

В это время суток трактир был полон народу, не наблюдалось ни одного свободного стола. Люди ели, пили и громко разговаривали, отчего в помещении стоял беспрерывный гул голосов. Посетители — в основном мужчины. Мартин углядел только одну женщину в темном скромном платье. Та приютилась под боком своего спутника, очевидно, супруга, и молчаливо пила, обхватив тощими ладонями глиняную кружку. Супруг в это время шумно общался с сидящим напротив приятелем и время от времени громогласно хохотал. Чем не семейная идиллия? Между столов сновали молоденькие девушки-разносчицы с полными подносами — еды или грязной посуды.

Все были заняты своим делом и не обращали внимания

на только вошедшего в двери и заговорившего с хозяином заведения молодого человека в черном плаще. Убедившись в этом, Мартин отвернулся.

Перехватил-таки заинтересованный взгляд одной из девушек-подавальщиц, криво усмехнулся и как бы невзначай заправил волосы за ухо. Улыбка на лице девчонки погасла мгновенно, разносчица потупила взгляд и поспешила скрыться в подсобке.

Март усмехнулся повторно: вид серебряного кольца в мочке уха и еще двух других звеньев, составляющих когда-то единую цепочку, а теперь вплавленных в шею и оставивших заметные круглые шрамы, действовал на нежелательных поклонниц безотказно. Бывали, разумеется, исключения — любительницы острых ощущений, мечтающие провести ночь с черным магом. Но такие встречались нечасто. Если Март сам планировал завести знакомство с девушкой, то он предпочитал не демонстрировать серьгу раньше времени.

С местной работницей ему не хотелось знакомиться определенно — совсем девчонка, лет шестнадцать от силы. Она скорее вызывала у него желание подарить ей куклу, чем затащить в постель.

— Мартин Халистер, — повторно произнес трактирщик, все еще усиленно делающий вид, что читает врученный ему документ.

А притворялся хозяин заведения превосходно: шурился, будто подслеповат, часто моргал, старательно пробегал стро-

ки глазами. Мартин, пожалуй, даже поверил бы, что тот на самом деле читает... не держи мужчину его удостоверение вверх ногами.

Неграмотность в приграничных городках Реонерии — не редкость, хотя и удивительна для владельца трактира. Тем не менее правила требовали неукоснительного выполнения: пришел — представься и покажи документы. В противном случае заказчик имеет право отказаться от оплаты за вызов, да еще и пожаловаться в гильдию. А те только обрадуются — оштрафуют, в лучшем случае заплатят за выполненную работу пару медяков, в худшем — обязуют еще раз отработать бесплатно.

Мартин знал правила.

И не нарушал.

— ...Черный маг.

Март натянуто улыбнулся.

— Он самый.

Не стал добавлять, что кого звали, тот и пришел. Хамить заказчику — тоже против правил.

Трактирщик поцокал языком. Мартин не отреагировал — все как обычно: люди считали своим долгом выразить пренебрежение к носителям темного дара, даже тогда, когда сами платили кругленькую сумму за их визит.

— Зови меня Крол, — коротко и очевидно нехотя представился хозяин заведения, возвращая документы. Держал за самый край, двумя пальцами, чтобы ненароком не кос-

нуться руки «нечестивца».

Март не ответил. Он вообще не собирался звать трактирщика ни Кролом, ни как-то иначе. Выполнил работу — ушел. Он здесь только за этим.

Убрал удостоверение во внутренний карман плаща и вопросительно приподнял брови, глядя на нанимателя.

— Какая проблема? — спросил кратко, по-деловому.

Была ли проблема в принципе, можно было не спрашивать — он тут оказался не мимо проходя. Гильдия магов получила заказ, взяла предоплату и отправила исполнителя не просто так.

Крол замялся. Отвел глаза, побарабанил толстыми пальцами по щербатой поверхности прилавка, бросил досадливый взгляд в полный зал.

— Не ко времени... — пробурчал себе под нос.

Хотел бы Март знать, когда еще, как не поздним вечером, хозяин заведения ожидал заказанного мага. Разумеется, тот боялся распугать посетителей, но учитывая то, что трактир «Кролик и лис» пользовался среди местных большой популярностью, застать его пустым можно было разве что на расвете — тогда, когда визит не имел бы смысла.

Мартин позволил себе легкую усмешку.

— Хотите сказать, у вашей нежити особый распорядок дня?

При слове «нежить» трактирщик испуганно округлил глаза, вскинул голову и вновь поглядел в зал, на этот раз опас-

ливо — вдруг кто услышал.

— Тихо ты, — зашипел на Марта. — Пошли со мной. — И громко: — Лесса! Присмотри тут!

За прилавком на невысоком табурете, привалившись спиной к стене и сложив под массивной грудью руки, дремала дородная женщина в линялом переднике. С «кроликом» мы уже познакомились, а вот и «лис», отметил про себя Мартин.

Женщина распахнула заспанные глаза, обвела мутным взглядом трактир.

— Все бы этим бабам спать, — недовольно пробормотал Крол и кивнул Марту в сторону подсобки, в которой недавно скрылась строившая ему глазки девчонка. — Пошли, Мартин Халистер. — Запомнил, значит. — Потолкуем.

Подсобка оказалась маленькой темной комнаткой. Полки, заставленные стеклянными банками различной формы, опоясывали тесное помещение до самого потолка. Воздух стоял сырой и затхлый.

Трактирщик пропустил гостя вперед, затем вошел следом сам и притворил за собой дверь.

Темно.

Пока Крол шумно дышал и шарил по стене в поисках выключателя, который запустил бы установленный на потолке магический накопитель, Март шелкнул пальцами. Созданный «светлячок» выскользнул из его ладони и повис над во-

шедшими, осветив помещение мягким дневным светом.

— Чур тебя, — выругался Крол. — Напугал!

Мартин пожал плечом.

— Все включено, — отозвался равнодушно, осматривая помещение. — За подсветку дополнительных денег не возьму.

— Еще бы, — проворчал трактирщик. Впрочем, его можно было понять: зная местную гильдию, они уже содрали с него три шкуры за вызов.

Полки, полки, банки с соленьями, копченая оленья нога на веревке под потолком...

Март обернулся к сопящему за его плечом Кролу.

— А разве девушка-разносчица не заходила сюда несколько минут назад?

— Ларка, что ли? — Мужчина потер полное лицо. — Так быстрая она, вымахнула уже, наверно.

Мартин поджал губы и еще раз внимательно осмотрелся. Вымахнула, говорит. Вполне возможно, не считая того, что все время разговора с трактирщиком Март стоял к двери подсобки лицом.

Полки, полки, соленья, оленья нога, темные потолочные балки...

Мартин присел на корточки и распростер ладони над полом.

— Почему не сказал, что тут есть погреб? — бросил через плечо.

— Так это... — удивился Крол. — Ты не спрашивал. Тоже верно.

Март выпрямился, отряхнул руки ладонь о ладонь. То, что он чувствовал в этом месте, ему не нравилось. Что бы ни поселилось в «Кролике и лисе», на обычную нежить оно не походило — слишком сильные вибрации. К тому же искусно умело прятаться, так, что он ничего не почувствовал, пока не оказался в непосредственной близости.

А еще девчонка...

— Что было? — Мартин уперся в заказчика взглядом. — Быстро и подробно! — рывкнул, наплевав на правила. Черт с ним со штрафом. Вибрация под половицами усилилась — то, что там спряталось, тоже почувствовало присутствие чужой магии.

Крол испуганно заморгал и попятился.

— Ну же! — прикрикнул на него Март.

— Так это... — замямлил трактирщик, позабыв о своем пренебрежении к представителям «темной профессии». — Скрипы, шаги ночью, посуда бьется... На глазах с полок падает...

— Умер кто? — перебил Мартин, тем временем извлекая из кармана плаща кольца-накопители и надевая их на пальцы. Всего четыре — так себе усиление, но лучше, чем ничего. Кто же знал, что тут может понадобиться подпитка?

— Да никто... — растерялся Крол, продолжая пятиться до тех пор, пока не уперся спиной в дверь.

— Кошки, собаки, крысы, лошади? — перечислил Март, понимая, что толку с заказчика без подсказки не будет.

В погребке продолжала вибрировать чужая, холодная, мертвая энергия. А еще другая — теплая, живая, очень слабая.

Трактирщик заморгал.

— Так это... крысы были дохлые. Куда без них? — И тут же сам себе: — Всегда бывают. Что тут необычного? Ничего. Да Гашка, псина наша дворовая, померла. Так ей тоже лет было...

Мартин сцепил зубы. «Что ж тут удивительного?» — передразнил мысленно. Тем не менее что-то сподвигло хозяина заведения достать деньги из заначки и дунуть в гильдию.

Теплая энергия снизу стала едва уловимой.

Под пристальным взглядом трактирщика, кажется, уже готового к тому, что у гостя вот-вот отрастут на лбу рога, Март закатал рукава плаща, поправил кольца.

Крол нервно сглотнул при виде множества шрамов, старых, бледных, и еще совсем свежих, розовых, пересекающих руки гостя от запястий до самых локтей.

— Людей выводи, — велел Март коротко.

— Чего? — Крол вздрогнул от неожиданности.

— Людей. Из зала, — повторил Мартин с нажимом. Снова присел на корточки. На этот раз не просто поводил ладонями над полом, а прижал их к деревянным половицам. — Живая, — пробормотал себе под нос.

— Кто живой? — не понял Крол. Март не ответил, и трактирщик даже набрался смелости, чтобы оторваться от двери и сделать шаг по направлению к нему. — Как я людей-то прогоню? Они ж платили, как я...

Договорить хозяину не дали — половицы брызнули щепками в разные стороны. Мартин едва успел отскочить.

— Людей! На улицу! — рявкнул он. Но Крол словно врос в землю и с побелевшим лицом во все глаза смотрел на то, как его работница Ларка, на четвереньках, с неправильно вывернутыми руками и ногами, выбирается из погреба, клацая зубами. — Идиот! — разозлился Март, ухватил трактирщика за шкурку, благо тот ростом едва ли доходил ему до плеча, и пинком распахнул дверь в зал. — Все! На выход! — И для убедительности запустил молнию в потолок. Кто-то закричал, завизжал, опрокинутые в спешке столы полетели на пол. — Пошел! — Мартин отшвырнул от себя Крола, а в следующее мгновение сам очутился на полу.

Спина с грохотом встретилась с твердыми половицами, а ему на грудь взгромоздилась юная работница трактира, вернее, то, что наглым образом завладело ее телом.

— Уходи-и-и-и! — прозвучал неестественный для девушки глухой утробный голос, пробирающий своими вибрациями до самых внутренностей. — Уходи-и-и! — В сочетании с капающей изо рта слюной, должно быть, со стороны эффект был сногшибательный.

Бодрое начало рабочей недели, отрешенно подумал Мар-

тин, сбрасывая с себя напавшее нечто и вскакивая на ноги.

Проще всего было бы спалить магическим огнем нежить вместе с сосудом — быстро и эффективно. Но перспектива убить ни в чем неповинную девушку Марта не радовала.

Он бросил взгляд в опустевший зал — все-таки одна молния гораздо эффективнее слов.

Обернулся к наступающей на него нежити.

Вывернуло Ларку на славу: плечи поднялись чуть ли не выше головы, суставы на локтях вздулись, челюсть переключило в сторону, из глазниц по щекам пролегли кровавые дорожки.

— Уходи-и-и-и! — снова прошелестело нечто. — Убью-у-у!

Если могло бы убить, то убило бы с первого удара.

— Попробуй, — ласково предложил Март. Переплел пальцы и запустил в Ларку парализующим заклятием — на пробу.

Тело девушки только дернуло плечом, впитав в себя магическую энергию. Что ж, ожидаемо.

Он ударил сильнее. Нечто в девичьем теле взвыло, но осталось на ногах. Прыгнуло.

Мартин увернулся. Ларка пролетела мимо, снесла ближайший стол, ловко вскочила на криво вывернутые ноги.

Тело слишком перекошено — значит, нежить была человеком очень давно и успела отвыкнуть от физической формы. Тем страннее было ее появление здесь. И все же забрела,

пригрелась, подкрепилась крысами и дворовой собакой — и получите то, что получилось.

Не зря Крол рванул в гильдию, выходит, давно почуял неладное. Вовремя пришел: собака — животное крупное, энергетически сильное. А если домашняя и верная, то дает огромную энергетическую подпитку тому, кто ее «выпьет».

Если бы Мартин не появился тут сегодня — рвануло бы через пару дней. И было бы хуже — тварь успела бы подготовиться. Вселение в Ларку и внезапное нападение — не более чем паника из-за приближения чужой магической энергии.

Тело девушки взлетело под потолок, угнездилося на крупной поперечной балке.

— Убью-у-у! — прошелестело оттуда.

Март был вынужден признать, что парализующие заклятия для твари — как легкий весенний ветерок. А если эта зараза выберется из трактира и переберется в новое, более выносливое и сильное тело, то жертв потом точно не избежать.

Мартин как раз прикидывал, как стащить Ларкино тело с балки, не слишком повредив, как вдруг услышал жалобное поскуливание.

Еще одна собака? Это была его первая мысль.

Лучше бы собака — вторая.

Та женщина, с хохочущим спутником, оказывается, не ушла вместе со всеми. То ли испугалась, то ли решила остаться из любопытства. А теперь забилась в угол помещения под одним из оставшихся на ножках столов и жалобно

скулила, накрыв голову руками.

Нет, вряд ли такая осталась бы поглазеть. Скорее просто растерялась.

Ассоциация с Витой, в панике забившейся в угол комнаты в тот роковой день, была настолько сильной, что Мартин лично придушил бы муженька несчастной женщины, попадись он ему в этот момент под руку.

— Не смей! — крикнул Март, когда нежить в девичьем теле молниеносно переместилась по балке в другой угол помещения и кинулась к женщине.

Ответом ему послужил то ли рык, то ли хохот вперемешку с рычанием.

Женщина на полу завопила.

Мартин успел схватить тварь за ногу буквально в последний момент: еще мгновение — и она вонзилась бы зубами в шею своей жертвы. Дернул на себя, получил пяткой под дых; шумно выдохнул, но добычу не выпустил.

— Убью-у-у! — вопила тварь.

— Ага... разбе...жалась...

Марту очень повезло, что нежить запаниковала и выбрала тело Ларки, а не, скажем, Крола. Трактирщик был хоть и невысок, но весил больше него как минимум вдвое. А девушка — совсем легкая. Несмотря на то что ее тело и стало сильнее под воздействием вселившейся в нее твари, в весе оно не прибавило.

Тварь неистово брыкалась и пыталась укусить. Март на-

валился сверху, прижимая тело Ларки к полу и все еще пытаясь не навредить телу носителя — самая сложная задача.

Спасенная женщина продолжала жаться в угол комнаты, только теперь не накрывала руками голову, а смотрела на происходящее во все глаза, еще больше напоминая ему потерянную сестру.

— Нож дай! — крикнул он ей, не особо рассчитывая на помощь.

Во-первых, женщина испугана. Во-вторых, для большинства помочь черному магу — значит запачкаться. И о том, что их собственная жизнь может зависеть от благополучия темного, они, как правило, задумываются, когда уже слишком поздно.

Да, нож бы ему пригодился, не взял с собой сдуру... Ничего, придется зубами...

В этот момент тварь снова зарычала и попыталась вырваться. Март силой впечатал ее тело в пол. И тут что-то звякнуло рядом. Он, тяжело дыша, перевел взгляд: слева от головы Ларки лежал нож.

Тварь опять предприняла попытку дернуться. Мартин навалился сильнее, зажимая локтем горло несчастной Ларки, а второй рукой схватил брошенный нож и с силой резанул по своему предплечью.

— Пей! — прохрипел, поливая своей кровью лицо девушки, стараясь попасть в рот. Та билась так, словно ее обливают кипящей водой. — Пей! — От тех мест, где кровь черного

мага попадала на тело одержимой, в воздух поднимался пар, будто это и вправду был кипяток.

Наконец девушка дернулась в последний раз. Из ее раскрытого рта вырвалось темное нечто — маленькая и безобидная на вид тучка — и рванулось к окну.

Вскочивший на ноги Март сжег «тучку» сорвавшейся с пальцев молнией.

Возле редкого забора собралась целая толпа зевак — из бывших посетителей и жителей окрестных улочек. Только стража, как всегда, к месту происшествия не спешила. И экспертов из Гильдии магов пока тоже было не видно. Ничего удивительного — этих вообще можно ждать до следующего полудня.

Увы, покидать трактир, понесший убытки, до прибытия как тех, так и других, было нельзя. Поэтому Мартин разместился прямо во дворе, устроившись на перевернутом корыте-поилке для лошадей, упер локти в колени и опустил голову. Из-за забора на него глазели, но не трогали — галдели издали.

Март покрутил разряженные кольца на своих пальцах. Даже снять их не было сил. Несмотря на то что выбравшееся из девушки-разносчицы нечто выглядело весьма безобидно, энергии на него ушло немало. Не возьми он с собой накопители, выложился бы под ноль. Повезло, что оставил кольца в

кармане, — поэтому просто устал.

Кровь из разреза на правой руке успела остановиться, добавив еще один шрам к коллекции похожих.

Белые маги лечат белых магов и людей без магического дара. Черные маги лечат себя сами: без заклинаний и пассов руками — подсознательно. Раны, если они не смертельные, затягиваются довольно быстро. Только шрамы никуда не деваются.

Белый маг при желании мог бы убрать шрамы и с черного. Однако на своем веку Март такого не видел. К чему лечить темных, если они в состоянии исцелиться сами? Зачем помогать им избавиться от шрамов? Чем страшнее, тем лучше — вся их истинная сущность напоказ, не ошибешься.

Мартин сцепил зубы и тряхнул головой, отделяясь от ненужных сейчас мыслей. Не сейчас.

— Эй, маг! — донеслось до него от дверей трактира. Март только поморщился, но головы не поднял: кому надо — подойдет. — Черный, ты оглох?!

Нежить была уничтожена, молнии больше не били в разные стороны, а значит, можно было снова напомнить темному его место. Ожидаемо.

Расчет оказался верен: не дождавшись ответа, зовущий соизволил сам преодолеть разделяющее их расстояние. В поле зрения Мартина оказались разношенные грубые ботинки со стертыми носами.

— Сидишь? — с вызовом произнес Крол.

— Сижу, — спокойно отозвался Март, на этот раз таки подняв лицо к собеседнику.

Трактирщик тут же упер руки в бока — понравилось смотреть сверху вниз. Будто и не он всего-то час назад заикался от страха в тесной подсобке.

Мартин прошелся взглядом по шароподобной фигуре Крола. В прошлую их встречу на нем совершенно точно были черные штаны. Теперь — коричневые. Неужели обделался от страха?

Март усмехнулся.

— Чего скалишься? — тут же отреагировал трактирщик; оторвал ладони от боков и всплеснул руками. — Я спрашиваю, кто мне ущерб будет возмещать? Мне теперь ремонта на столько, сколько я не зарабатываю за год!

Наглая ложь. При том количестве посетителей, которое «Кролик и лис» имеет ежедневно, все работы окупятся максимум за неделю. Это учитывая расходы на средство для стирки — судя по внешнему виду штор и скатертей, тут на нем сэкономили.

Мартин равнодушно выдержал возмущенный взгляд хозяина заведения.

— Не я уж точно, — ответил спокойно.

Работа была выполнена чисто — ни одна комиссия не подкапается. Жертв нет? Нет. Нежить уничтожена? Уничтожена. Задание выполнено, как ни крути. Прочее — издержки. Осталось только дожидаться экспертов из гильдии, и можно

оставить Крола один на один с его расходами. Если бы не прожженный полоток, разбитая дверца погребца и пара сло-манных столов, нежить, на некоторое время занявшая тело разносчицы, могла подрасти и сожрать весь персонал трактира, включая самого Крола.

Трактирщик зло выругался и отошел. Смышленный — хватило ума не нарываться. Впрочем, Март слишком устал, чтобы вступать с кем-либо в споры. А несколько новых проклятий в свой адрес — не жалко, не впервой.

Поспать бы сейчас...

Мартин только вновь опустил лицо, как его опять окликнули.

— Господин маг, — тоненько, нерешительно и до того нелепо вежливо, что он резко вскинул голову.

Возле него стояла та самая Ларка, сцепив руки перед собой на уровне бедер и неловко переступая с ноги на ногу. Кроваподтек на скуле, лицо в саже и в кровавых разводах — а так ничего, живехонька.

Март даже улыбнулся.

— Все тело ломит? — спросил понимающе.

Ларка закивала; шмыгнула носом.

— Локти и колени болят, — призналась девушка. — А так все хорошо. Спасибо вам, господин маг.

Забавная. И правда, мелкая совсем.

Он сделал серьезное лицо.

— Не за что. — Покачал головой. — За все заплачено.

— Есть за что, — не согласилась девушка.

Но Мартин не ответил, снова опустил голову.

Ларка потопталась рядом еще несколько минут и ушла. Он выдохнул с облегчением.

Парадокс современного общества состоял в том, что черным магам было полностью запрещено использование своего дара как против белых коллег, так и против бездарных. Малейший выброс энергии в их сторону — и темного скручивало в бараний рог, а звено серьги-цепочки вплавлялось в шею. На третий раз и вовсе убивало на месте без суда и следствия. И плевать, была ли это самооборона или защита кого-то другого. Без исключений: действие — эффект. Зато если в тело человека вселялась потусторонняя сущность, как это случилось с Ларкой, — убивай не хочу, никто не осудит. Ни стража, ни гильдия. И цепочка в ухе не отреагирует. Потому все в основном так и поступали: быстрее и без риска для собственной кожи уничтожить нежить вместе с носителем. Потом разве что заполнить бумажки — и свободен. Ларке повезло, что на вызов отправили именно Марта.

Наконец появились стражи порядка. Опросили свидетелей, задали Мартину пару вопросов и отстали, признав его действия правомерными. Осталось дело за гильдией, но тех можно ждать до завтра.

Начинался рассвет, фонари во дворе стали светить слабее.

Марту надоело тратить свое время на ожидание тех, кто и не думал торопиться. Он встал, поснимал с себя кольца,

бросил их в карман очередного изорванного плаща и направился к калитке.

Пусть маги из гильдии разбираются без него. Они знали, где его найти.

Буквально за минуту до этого с территории трактира вышла та самая женщина, которая кинула Мартину нож, — тоже ждала допроса стражи и не могла уйти раньше.

— Вот ты где! — бросился к ней заждавшийся супруг. — Жду ее всю ночь! — Не ударил, только потряс кулаком перед носом да спрятал руки в карманы.

Ждал он. Улепетывал из трактира, спасая собственный зад, вот что он делал.

Когда Мартин тоже вышел из калитки, толпа расступилась, как речной поток перед препятствием, пропуская его. Он уже хотел уйти, как до него долетело:

— Что ты там делала?! — не желал униматься склочный мужик. — О чем ты думала?!

Магию использовать нельзя — это Март знал без подсказок. Последнее звено цепи в ухе — тому напоминание.

Но магия была нужна не всегда.

Мартин резко развернулся.

— Эй, ты чего? — выпучил на него глаза «заботливый» супруг.

— Ничего, — огрызнулся он и врезал кулаком тому в челюсть. Брызнула кровь. — Вот теперь — ничего.

Март вытер кровь с костяшек пальцев полой своего мно-

гострадального плаща, молча развернулся и пошел прочь, провожаемый десятками изумленных взглядов.

Окончательно рассвело — магические накопители на фонарных столбах погасли.

Глава 3

— Как ты мог так безответственно себя повести? — возопил контролер Гильдии магов уже в четвертый раз.

Мартин дернул плечом и отвернулся.

— Так получилось, — буркнул то же, что и в предыдущие разы.

К чему давать более развернутые ответы, если результат все равно один? Главное — не возражать и выглядеть пристыженным.

Март обвел взглядом кабинет, в котором месяц за месяцем и, как он подозревал, год за годом ничего не менялось. Тот же шкаф со старыми книгами с потрепанными корешками, на которых уже давно нельзя было прочесть названий. Тот же короткий тюль с легкомысленными ромашками на окне, сейчас развевающийся на весеннем ветерке, проникающем внутрь через распахнутую форточку. Сморщившийся, полусохший цветок в глиняном горшке на подоконнике. И стол, непременно стол — громоздкий, квадратный, на четырехгранных массивных ножках, с потертой столешницей, исчерченной сотнями царапин, и множеством ящичков, таящих в себе многовековые секреты Гильдии магов, о которых рядовому служащему и догадываться не положено.

За этим столом и восседал Ризаль, тощий, еще довольно молодой человек с редкими светлыми волосиками, об-

рамляющими не по возрасту лысую макушку, облаченный в светлую хламиду, какую предпочитали носить большинство светлых магов.

Март работал под надзором Ризаля уже второй год, и контролер был непременно им недоволен, раз за разом получая отчеты о проделанной работе. Тем не менее всегда заступался за подопечного перед вышестоящим начальством, за что Мартин его уважал, хоть и не питал особо теплых чувств — скорее привык.

У каждого черного мага, работающего на гильдию, имелся контролер из белых. Порой совместная работа превращалась в настоящее противостояние, а то и в бои, заканчивающимися увечьями той или другой стороны — Март был наслышан и видел пару примеров своими глазами. А потому полагал, что с Ризалем ему повезло. Контролер просто был педантом и занудой, но, в отличие от многих, не ненавидел темных коллег, а придирался исключительно к работе. И к отчетам — особенно к отчетам. Отчеты были слабым местом Мартина — чем короче, тем лучше. Ризаль же требовал подробностей, пояснений и обоснований каждому действию.

Контролер отложил в сторону последний листок изучаемого им отчета и поднял на подопечного глаза полные него-го укора.

Март пожал плечами, отвечая на все ранее высказанные и еще не успевшие сорваться с языка контролера вопросы. По его мнению, все они были риторическими.

Ризаль покачал головой с выражением мировой скорби на лице.

— Ты же разнес к чертям весь трактир, понимаешь ты это?

— Зато нет жертв, — возразил Март с самым невинным выражением лица, на которое был способен.

Однако аргумент не подействовал, Ризаль скривился, будто ему засунули в рот лимон.

— Учти, — погрозил указательным пальцем, а затем в своей излюбленной манере задержал его в положении «вверх» для обозначения особо важного продолжения своей речи, — если этот Крол подаст на гильдию в суд, мы переадресуем иск непосредственно на тебя.

Пустые угрозы: если он пошел на задание от гильдии, то ей за него и отвечать перед судом и законом. А вот лишить платы и оштрафовать — могут.

— Учту, — серьезно кинул Март, не желая нарываться.

Сам он сильно сомневался, что у трактирщика хватит смелости заявиться к судье: хамить черному магу-одиночке — это одно, а замахнуться на гильдию — совсем другое. Так что не посмеет, иначе со следующей нежитью в своем питейном заведении будет разбираться сам — всем известно, что Гильдия магов злопамятна.

— И всего-то надо было, что сжечь носителя с начинкой, — пробормотал Ризаль, наконец опуская палец и вновь возвращаясь к отчету, что-то в нем явно выискивая.

Март сжал челюсти, но смолчал.

— Кстати о «начинке»... — начал, но был прерван контролером, заговорившим одновременно с ним:

— А этот мужчина на улице...

Светлые брови белого мага недовольно сошлись на переносице.

Мартин приподнял руки, уступая.

— Говори. — Опустил ладони на колени, возвращаясь к позе примерного подчиненного. Это он уже хорошо усвоил: главное — побольше соглашаться и вообще поменьше говорить. Тогда быстрее отстанут, а если повезет, еще и не оштрафуют.

Ризаль кивнул, принимая очередь говорить первым как должное.

— Мужчина у ворот. — Контролер отложил лежащий перед ним листок и потянулся к другой стопке бумаг. — Господин Гирли, — прочел оттуда имя и уперся в подопечного тяжелым взглядом. — За что ты его ударил?

Слабое место его отчета. Вернее, пустое место, потому что о нем-то Март не написал вовсе. Значит, стража доложила. Или кто-то из сердобольных свидетелей. Если бы сам «избитый» написал официальную жалобу, Ризаль не оставил бы этот вопрос напоследок и точно не заговорил бы о нем так спокойно.

Ответа у Мартина не было. Во всяком случае такого, который устроил бы гильдию. То, что его взбесило отношение

того типа к спутнице — точно не аргумент.

Сделал невинные глаза.

— Устал. Помутнение.

Это он тоже давно понял: не можешь отвертеться — кайся. Кайся как можно жалостливее — есть вероятность, что простят.

Сработало и в этот раз. На лице Ризаля отразилось участие.

— Он что-то сказал, да? То, что тебя задело?

Марту очень захотелось сказать, что жестокий мужик ранил его в самую душу и теперь ему будут сниться кошмары до самой старости, но вовремя прикусил язык. Перебарщивать тоже вредно.

Отвел взгляд.

— Это неважно.

А важно — чтобы контролер принял отчет, выплатил заработанную сумму за вызов и отпустил его на все четыре стороны.

— Ладно, я тебя понял, — вздохнул тем временем Ризаль. — На, подпиши здесь и здесь. — Мартин послушно выполнил указание, стараясь не поднимать глаза, чтобы контролер не прочел в них насмешку. — Зайди к казначею, забери плату — я распоряжусь.

— Спасибо, — буркнул, сохраняя виноватый вид.

Виноватым Март себя не чувствовал, да и обязанным контролеру за его щедрость тоже — работа была выполнена чи-

сто, без жертв. То, что досталось обстановке трактира, — дело десятое, починят. Больше злило то, что если бы он сжег Ларку, не повредив столы, то его похвалили бы, а не заставили бы отчитываться.

— Можешь идти, — милостиво разрешил Ризаль и начал собирать разбросанные по столу бумаги в одну аккуратную стопку — педант есть педант. На мгновение оторвал взгляд от столешницы, прищурился. — Или тебе есть что еще сказать?

— Вообще-то, есть, — ответил Мартин. Больше всего ему хотелось поскорее покинуть здание гильдии, но если контролер и называл своего подопечного безответственным, то сам Март себя таковым не считал. Поэтому задержался. — Вчерашняя нежить.

Ризаль нахмурился и даже бросил растерянный взгляд на неубранный в стол отчет — он-то посчитал дело закрытым.

— А что — нежить?

Март подался на стуле вперед.

— Древняя. Очень сильная.

Контролер же, зеркаля его движение наоборот, отшатнулся.

— Что значит — древняя?

Мартин поморщился, ненадолго выходя из образа покладистого подчиненного.

— Давно умершая. Так понятнее?

Настолько давно, что забыла, как поддерживать человеке-

скую форму. Это и не давало Марту покоя — с таким в этом городе он еще не сталкивался.

Ризаль моргнул, осмысливая услышанное, затем решительно замотал головой.

— Так не бывает, — заявил контролер уверенно. Нашелся знаток нежити. — Умер. Не упокоился. Пошел бродить, — перечислил будто строки из ознакомительного курса для белых магов. Мартин и в пять лет знал, что между «умер» и «пошел бродить» может быть десяток самых различных вариантов и причинно-следственных связей.

— Или умер, упокоился и пробудился, — возразил он. — Вернее, был разбужен.

Покладистость — это хорошо и решает множество проблем с начальством, но, когда дело серьезное, можно и поспорить. В том, что в этот раз он не ошибся, Мартин был уверен.

Глаза контролера превратились в щелки. Теперь и он подался вперед, нависнув над столешницей с несобранными листками отчета.

— Думаешь, кто-то из ваших? — спросил внезапно осевшим до шепота голосом.

Еще бы, поймать черного, нарушающего правила, да еще и в таком мелком городке — успех и признание, сулящие быстрый рост по карьерной лестнице и звон монет в карманах.

«Своим» мага, поднимающего из могил нежить, Март не

назвал бы даже в бреду.

— Думаю, — тем не менее кивнул, понимая, что Ризаль имеет в виду темного.

— Разберешься? — Кажется, перед глазами контролера уже замелькали всевозможные почести, которые грянут на его голову, если подопечный раскроет правонарушение другого черного.

От этого дела пахло гнильцой, но отказаться (и отмолчаться изначально) значило и дальше доставать мощных «подселенцев» из таких вот Ларок. А в том, что случай не первый, не последний и не единственный, Мартин не сомневался. На прошлой неделе он уже слышал от одного из коллег о чересчур сильной нежити, влезшей в тело какого-то несчастного, но не придавал этому значения. Теперь же концы с концами сходились до омерзения четко.

— Разберусь, — твердо пообещал Март. — Дай мне пропуск на кладбище.

— Не вопрос, — расплылся Ризаль в улыбке и даже позабыл о беспорядке на собственном столе.

Несмотря на то что таверна «Одинокая подкова» располагалась на одной из центральных улиц города, пользовалась она куда меньшей популярностью, чем харчевня в трактире «Кролик и лис». Именно этим она Марту и нравилась.

Мартин переступил порог, кивнул занятому за стойкой

хозяину, вскинувшему голову на звук колокольчика над дверью, и привычно прошел к столику в углу. Этот стол был расположен так удачно, что уходящая к потолку широкая балка почти полностью закрывала сидящих за ней от любопытных глаз.

Девушка-разносчица, заметив посетителя, тут же побежала на кухню, точно зная, что следует подать гостю. Март был здесь постоянным клиентом и всегда приходил не таясь, отлично понимая, что гильдия никогда не оставляет своих сотрудников без присмотра. Ризаль даже как-то прямо интересовался, что он забыл в «столь гиблом месте». Мартин тогда сделал честные глаза и ответил, что очень уж вкусное жаркое готовят в «Подкове».

С тех пор он заказывал это блюдо чаще, рассчитывая на то, что гильдейцы скорее отследят его меню, пытаясь уличить во лжи, нежели обратят внимание на тех, с кем он там разговаривает.

Так в прошлый свой визит Март беседовал с молодым человеком в яркой одежде уличного торговца и в широкополой шляпе с цветными перьями. Сегодня к нему подсел старец в объемном линялом плаще с капюшоном, надвинутым на лицо, и с кривой грубо выструганной клюкой.

— Позволь присесть, добрый мальчик, — прошамкал старик.

Март не сдержал улыбки.

— Не переигрывай. Нас отсюда все равно не слышно.

Кард мученически вздохнул. Тем не менее доиграл сцену для возможных наблюдателей и опустился на скамью у стола, опираясь на клюку, пошатываясь и дрожа всеми конечностями. Талант, Мартин не смог не признать.

— У меня есть пропуск на кладбище, — сообщил «старцу» без предисловий.

Собеседник так удивился, что позабыл о старческой дрожи.

— Да ну! — Кард даже подался вперед, сверкая глазами из-под капюшона. — Как достал?

— По делу, — Март не стал вдаваться в подробности. Где Кард, а где нежить и некто, призвавший ее в мир живых? Это не по его части. — Но ты как-то обмолвился, что пропуск тебе бы не помешал.

— Шутишь? — Приятель расплылся в улыбке, окончательно выходя из образа; закинул ногу на ногу. — Фу, — выдохнул, — жарко, как в бане.

Мартин усмехнулся. Ничего удивительного — плащ «старец» выбрал явно не по погоде.

— Грешно смеяться над старыми и убогими, — «обиделся» Кард. Бросил взгляд в полупустой зал, убедился, что в их сторону никто не смотрит, и резко перешел на деловой тон: — Проведешь с собой? — заговорил своим обычным голосом. — Мне пара-тройка покойников позарез нужна.

Март улыбнулся.

— Я так и подумал.

Кард довольно потер руки, потом сообразил, что они выглядят слишком молодо для выбранного сегодня облика старика, и торопливо спрятал их в складках плаща.

Разносчица принесла еду, расставила на столе посуду и убежала встречать новых посетителей, на прощание одарив Карда многообещающим откровенным взглядом.

Март кашлянул в кулак и покосился в сторону только что вошедших мужчин, один из которых удивленно приподнял брови, заметив странное внимание молодой женщины к немощному старцу.

Кард понятиливо сгорбился и уставился в окно.

— Покойников дашь? — уточнил совсем тихо.

— Дам, — пообещал Мартин, отпив из кружки и тоже устремив взгляд в окно. На улице дети играли в мяч, зеленый с желтыми и красными кружками — у него в детстве был похожий. А потом они из-за чего-то поссорились с сестрой, и она спалила его из вредности. Март дернул головой и отвернулся. — Проверю, чтобы были упокоенные, и дам. Им тела без надобности.

Плечи «старца» дрогнули.

— Белые тебя бы порешили за такие речи, — усмехнулся Кард.

Мартин ответил саркастической улыбкой. Знай белые, чем они с приятелем занимаются, то сделали бы с ним такое, после чего смерть показалась бы милосердием.

— Клиенты есть? — спросил Март напрямую.

— Есть, — так же прямо ответил собеседник. — Как раз проверили — чистые, не шпионы.

— Для них и трупы?

Кард бросил на него укоризненный взгляд.

— Тебя послушать, мы будто работники борделя со странным набором услуг. — Воображение приятеля оказалось настолько богатым, что того даже передернуло. — Не *для* них. *А вместо* них. — Кард высвободил руку из широкого рукава и приподнял указательный палец, подчеркивая значимость последнего заявления.

Точь-в-точь как Ризаль этим утром.

Теперь передернуло Марта.

— Никогда так не делай.

— Как скажешь. — Кард тихонько заржал, снова зыркнув по сторонам и убедившись, что их беседа никого не интересует. — Так когда сможешь? Первого можем запустить хоть завтра. При деньгах, только и ждет, чтобы свалить из Реонерии подальше. Судно тоже готово: только пакуй — и в добрый путь. — Он даже покачал плечами, изображая волны. — Сегодня — кладбище, завтра — дело. Что скажешь?

Март посмотрел на сообщника над ободком глиняной кружки, отпил, покачал ту в руке, обдумывая предложение, и поставил на стол.

— Сегодня так сегодня.

Кард довольно потер руки.

— Люблю вести с тобой дела.

Мартин усмехнулся.

— Взаимно.

Домой Март вернулся под утро, злой, голодный и грязный с головы до ног.

К вечеру припустил мелкий морозящий дождь, превративший кладбищенскую землю в липкую хлюпающую жижу. И несмотря на то что Мартин поднимал мертвецов из могил магией, а погрузкой и транспортировкой тел занимались люди Карда, перепачкался он не меньше них.

К тому же дело затянулось.

Сначала Март исследовал кладбище на предмет неупокоенных душ или остаточного следа чужой магии, но не нашел ни того, ни другого — все было настолько тихо и спокойно, что вызывало двойные подозрения. Не бывает такого, чтобы по кладбищу не скитался ни один неупокоенный, не бывает. А тут будто кто-то выкосил все источники энергии подчистую. Заметал следы, или остаточный эффект?

Ответа Мартин так и не нашел. Бродил под дождем сперва меж старых покосившихся и поросших травой могил, затем среди свежих, но результат оставался прежним. Затем появился Кард, с телегой и двумя подручными, и стало хотя бы веселее.

Раньше на кладбищах обретались смотрители, черные маги, следящие за порядком, не пропускающие никого за огра-

ду в темное время суток. Ночь — время ритуалов и активности нежити, нечего живым делать ночью на кладбище. А потому места захоронения тщательно охраняли, не пропуская неположенных визитеров снаружи и следя за тем, чтобы никто не выбрался изнутри. Пятнадцать лет назад, после того как темные маги лишились доверия короля, должность смотрителя кладбища упразднили, заменив магическим контуром, разумеется, детищем белых магов.

Такой контур был абсолютно невидим и безопасен в светлое время суток, однако с наступлением темноты становился непроходимой преградой для любого, будь то человек без дара или маг — жег при попытке его пересечь не хуже раскаленного железа. К тому же при соприкосновении с ним выпускал в воздух целый столп искр, лишая нарушителя шанса остаться незамеченным, даже если тот не испугался ожогов.

Вот и вокруг местного кладбища был установлен мощный защитный контур, через который Март не прошел бы без выданного Ризалем амулета.

Мог ли другой черный маг сам изготовить подобный артефакт? Или же обезвредил защитный контур другим способом? Но тогда как поставил его на место?

Или же у того в сообщниках белый маг?

В итоге Мартин получил больше новых вопросов, чем ответов, порадовал Карда парой свежих трупов, договорился с ним о встрече следующей ночью и ни с чем вернулся домой.

Уже второй год, ровно столько, сколько прожил в Прибрежье, Март обитал на постоялом дворе. Ему давно хватило бы средств на то, чтобы снять себе отдельную квартиру, но проживание в этом месте решало сразу несколько проблем: во-первых, здесь всегда под рукой были услуги кухни, прачки и швеи, а во-вторых, вечно полный других жильцов постоялый двор позволял постоянно находиться на глазах у Гильдии магов и не вызывать подозрений.

Дождь почти кончился и превратился в густую завесу влаги, неприятно оседающей на лице.

Дом спал — ни огонька в окнах. Только дворовая собака приглушенно тявкнула, когда Март вошел в тоненько скрипнувшую калитку, но тут же затихла, узнав постояльца.

Мартин поднялся на крыльцо, отряхнул магией грязь с сапог и вошел в тепло и духоту нижнего этажа. Можно было бы точно так же высушить и очистить магией всю одежду, но тратить энергетический резерв на бытовые мелочи было бы глупо, особенно учитывая договоренность с Кардом на будущую ночь. Поэтому, приберегая силы, Март лишь зажег в пальцах крошечный огонек, чтобы по дороге к лестнице не споткнуться об хозяйского кота — тот из вредности и явно из-за недостатка чувства самосохранения всегда заваливался спать исключительно на проходе.

Кота на сей раз на горизонте не оказалось, зато обнаружилась хозяйская дочка. Мила спрыгнула с подоконника, на

котором до этого зачем-то сидела в темноте среди ночи, с видом воришки, застигнутого с поличным на месте преступления. От резкого движения взметнулась соломенная коса, заструился по ногам, опускаясь, подол ночной сорочки.

Мартин замер.

— Ты чего здесь? — Приподнял руку со «светлячком», чтобы лучше рассмотреть девушку.

Мила охнула и поспешила прикрыть лицо от света.

— Март... — проворчала, кажется, с облегчением. — Напугал.

Он улыбнулся — мало у кого могла быть подобная реакция на встречу с черным магом посреди ночи.

— Да. — Пожал плечами, отчего рука дрогнула и свет огонька заметался по комнате. — Всего лишь я. Ты чего здесь?

Мила опустила взгляд и промолчала. Март отметил дрожащие пальцы, нервно теребящие подол сорочки.

— Ладно, — кивнул понимающе, — я тогда пойду. До завтра. — И направился к лестнице.

Если бы Миле нужна была его помощь, она бы попросила — не чужие. А вмешиваться, куда не просят, Мартин не любил. У него за спиной было слишком много своих собственных тайн, чтобы он не ценил право на личное уединение и секреты.

— Март... погоди!

Внезапное отчаяние в голосе пригвоздило его к месту.

Обернулся.

— Нужна помощь? — спросил прямо, без предисловий.

Он приподнял руку со «светлячком» повыше, но разглядеть выражение лица девушки так и не успел.

— Нужна, — выдохнула она и в два широких шага преодолела разделяющее их расстояние, прильнула к Мартину всем телом, впилась своими губами в его губы.

Пропитавшая плащ холодная дождевая вода противно стекала по спине. Выжать бы, а лучше поскорее переодеться в сухое...

Март ответил на поцелуй — не посмел оттолкнуть. Мила целовала так жарко, даже жестко — отчаянно. Слишком пылко — почти болезненно. У нее что-то случилось, и да, она нуждалась в помощи. Не в словах или в уговорах, не в сочувствии или жалости. А в той самой помощи, которую она и сама оказывала ему не раз — забыться. Не прося ничего взамен и не задавая вопросов.

— Почему ты весь мокрый? — Девушка лишь на мгновение оторвалась от его губ — перевести дыхание и задать вопрос.

Март улыбнулся, представив реакцию на правдивый ответ: черный маг бродил по кладбищу — чем не страшилка на ночь?

— Гулял, — ответил коротко.

— Неважно, — верно расценила Мила и снова приникла к нему.

Осторожничать было поздно: ее тонкая ночная сорочка уже пропиталась от его плаща насквозь.

Глава 4

Когда Мартин проснулся, Милы в его комнате уже не было. Как и всегда, она упорхнула на кухню с первыми лучами рассвета. Это он, живя по большей части ночной жизнью, мог позволить себе проспать до обеда.

Солнце только-только обогнуло здание и заглянуло в комнату через не затворенное с вечера ставнями окно, а потому, несмотря на позднее время, вода в умывальнице оказалась по-утреннему холодной. Март поежился, бросил быстрый взгляд в настенное зеркало на свою помятую, невыспавшуюся физиономию и отправился собираться.

Ризаль до вечера ждать не будет.

Обеденный зал первого этажа постоялого двора был привычно пуст. С утра все жильцы разбредались по своим делам, и Март почти всегда завтракал (или обедал, учитывая время) в тишине.

Милы в зале тоже не оказалось, только ее мать в одиночестве натирала столы. Женщина быстро выдала ему еду и вернулась к прерванному занятию, поджав губы и время от времени бросая на постояльца опасливые взгляды.

В отличие от дочери и супруга, женщина относилась к Мартину настороженно с первого дня его появления на по-

стоялом дворе, и за два года ее отношение не изменилось. Март подозревал, что, будь ее воля, она давно бы избавилась от опасного жильца.

Мартин принялся за еду, мысленно прокручивая в голове события вчерашнего дня. По-настоящему пустое кладбище — это нонсенс. Не пустое, а зачищенное — еще хуже. И делать вид, что не заметил ничего необычного, он не собирался. Не затем, чтобы выслужиться перед Ризалем или гильдией, а просто потому, что по-другому не мог — уже вмешался.

А значит, предстояло посетить кладбище еще раз. Можно даже днем — сравнить ощущения. А если не поможет, и во все подежурить там пару ночей.

Осталось только убедить Ризаля в своей правоте, чтобы тот не отобрал пропуск.

К тому же Кард вряд ли успокоится, получив два трупа. Так что активный пропуск за кладбищенскую ограду лишним не будет...

Плавный поток мыслей прервал глухой хлопок, после чего в воздухе материализовался бумажный листок, покружился над столешницей, все еще гонимый магической энергией, и плавно опустился на ее поверхность.

Натирающая соседний стол хозяйка охнула и осенила себя святым знаком. Март еле сдержал усмешку.

Протянул руку к записке.

«Где тебя носит?» — гласило короткое послание без подписи. Только каллиграфический почерк и качество лощеной

бумаги не вызывало сомнений в личности адресанта.

Похоже, Ризаль устал ждать своего подопечного.

Как Мартин и подозревал, визит к контролеру не принес ничего хорошего.

Ризаль попенял ему на поздний подъем и радостно сообщил, что прошлой ночью был уничтожен еще один древний «подселенец». Радостно — потому, что теперь белый маг был абсолютно уверен в том, что, как Март и говорил, дело нечисто, а значит, разгадка принесет им славу и награды.

Мартин чуть было не брякнул, что разгадка может принести с собой еще и десяток-другой новых трупов, но вовремя передумал. Нужно не болтать, а решать вопрос. Наградят за это Ризалья или нет — не его дело.

Погода снова испортилась, и к тому времени, как Март покинул здание гильдии, солнце спряталось за набухшие влагой серые тучи, начал накрапывать мелкий дождь.

Мартин натянул капюшон плаща на лицо и зашагал в сторону кладбища.

Днем защитный контур кладбища «спал». Если прислушаться, то на грани слышимости можно было уловить его мерное гудение. Человек несведущий принял бы этот звук за стрекотание насекомых.

Март беспрепятственно вошел в кладбищенские ворота, огляделся. Плохая погода играла ему на руку, и поблизости не оказалось ни одной живой души. Мертвой, увы, тоже — с ночи ничего не изменилось.

Мартин даже прикинул, каковы риски и чем ему грозит, если взять да и самому пробудить чей-нибудь недавно упокоенный дух, чтобы расспросить о том, что тут творится. Но здраво рассудил, что едва ли первый попавшийся умерший будет в состоянии дать нужную информацию. А поднимать все кладбище — вариант трудозатратный и самоубийственный. За такие «шалости» уже не только личный контролер оторвет ему голову, а ее лишат самого Ризаля — за недомотр за подопечным.

Обойдя кладбище в три бессмысленных круга, Март только еще раз убедился в том, что искать в этом месте нечего. Кто бы тут ни поработал, следов он не оставил. А значит, нужно проверять связь между местами, где объявилась нежить, и пытаться вычислить преступника с другого конца нити. Ну и посоветовать Ризалю выставить охрану у ограды на ночь. Контур контуром, но кто-то же здесь побывал.

Для того чтобы окончательно убедиться в собственных неутешительных выводах, Мартин все же заглянул к ближайшим жилым домам.

— Шел бы ты к праотцам, нечестивец! — гаркнула на него старуха из-за первой двери, в которую он постучался.

— Пшел вон, отродье! — обласкал слух мужичок за вто-

рой.

Март выругался про себя и, преодолевая желание бросить все и обратиться восвояси, как ему только что посоветовали, постучал-таки в третью дверь. В том, что его «радушно» встретят и тут, сомнений не было. Тем не менее Мартин решил попытать судьбу еще раз.

Стукнула щеколда, и дверь приоткрылась.

— Здравству... — следуя правилам, начал Март, намереваясь представиться — сразу обозначить, что он тут легально и по долгу службы.

— Ох, — прервал его резкий выдох.

В прошлый раз женщина показалась ему младше. Теперь же, при свете дня и на расстоянии полушага, он мог хорошо ее рассмотреть: стройная, по-девичьи тонкая (что и обмануло его тогда), по возрасту она годилась ему в матери.

— Ты? — Губы женщины побелели, и она инстинктивно сделала шаг назад. Запнулась о край стоящего у двери ткацкого станка и чуть не упала.

Действительно испугалась. Так сильно, что Март даже почувствовал волны страха в энергетическом фоне. Как она вообще живет в непосредственной близости к кладбищу, если такая трусиха?

— Я уже все рассказала страже. — Женщина замотала головой и на всякий случай отступила еще на шаг внутрь дома. Однако дверь перед незванным гостем захлопнуть не попыталась.

Мартин поборол инстинктивное желание шагнуть следом и остался на месте, за порогом.

— Я не по тому случаю... — начал и понял, что это не совсем правда. — Вернее, не совсем по тому. Я даже не знал, кто здесь живет.

Женщина наконец перестала отступать, обняла тонкие плечи руками поверх цветастого платка.

— Говори, — велела сухо. — Но побыстрее, пока муж не вернулся и не увидел тебя.

Значит, тот мужик все же ее супруг. Как там сказал Ризаль? Господин Гирли?

— Госпожа Гирли, — начал Мартин еще раз, пока хозяйка жилища не передумала. Женщина удивленно вскинула брови, не ожидая, что ему известно ее имя. — Мне нужно всего несколько минут. Вы видели что-нибудь странное на кладбище в последние дни? — В ее глазах снова мелькнул испуг вперемешку с непониманием. — Что угодно, — Март заговорил быстрее, пока та не выставила его вон, как ее соседи, — люди, магические всполохи, свечение контура?

Женщина покачала головой, ожидаемо взявшись за край двери.

— Не было ничего. — Потом окинула оценивающим взглядом его высокую фигуру. — Ты, видать, вчера и был. — Мартин кивнул. Он зажигал «светлячки» и не таился прошлой ночью. Это Карда, его сообщников и их телегу пришлось прикрывать «щитом» от случайных наблюдателей. —

Я сплю по ночам. — Тонкие пальцы сжались на двери с явным намерением на сей раз ее захлопнуть. — И тебя увидела вчера потому, что собака моя залаяла — я в окно глянула.

Ясно. Март разочарованно поджал губы. Тот, кого он искал, был очень осторожен и, в отличие от него, не перебудил собак, а изначально работал со «щитами». Был, конечно, вариант, что преступник наложил на окрестные дома заклятие сна, но тогда отпадала версия с черным магом — серьга не позволила бы применять дар к людям.

— Ладно. — Мартин отступил от двери. — Все равно спасибо.

— Иди уж, — госпожа Гирли даже выдавила из себя улыбку. Правда, вымученную.

— И за нож той ночью... — Не дослушала, захлопнула дверь. — Не за что, всегда пожалуйста, — пробормотал Март сам себе и уже запертой двери.

Сбежал с крыльца под усиливающийся дождь.

С кладбища Мартин вернулся на постоянный двор, удивленно отметил, что Мила по-прежнему отсутствует в зале, и поднялся к себе. Кард ждал его в полночь, а потому можно было не торопиться.

Март написал краткий отчет о своем очередном посещении кладбища, заодно попросив не закрывать пока пропуск за контур, и отправил его контролеру тем же способом, ко-

торым тот сегодня торопил подчиненного к себе в кабинет. Завтра следует, даже без приглашения Ризаля, навеститься в гильдию и страсти с того отчеты по всем подозрительным вызовам за последнее время. Мартин не сомневался, что, если искать внимательно, связь обнаружится. Во всяком случае, очень на это надеялся.

Как ни странно, дело его захватило. Рутин — борьба с мелкой нечистью, уничтожение нежити, помощь горожанам в нашествии саранчи или крыс — все это стояло у него поперек горла, как и само Прибрежье, крошечный городок, который можно было обойти пешком вдоль и поперек за какие-то несколько часов.

Весна... Если все пойдет по плану, то к осени он уже будет в столице и займется тем, что для него по-настоящему важно. Но приехать в сердце Реонерии без денег и связей означало всего лишь сменить место, а не положение.

Остаться без средств и податься работать в столичную гильдию было равносильно сдаче в добровольное рабство. Как ни крути, местные белые маги не перегибали палку в общении с черными. Тот же Ризаль был одинаково придиричив как к светлым, так и к темным. Кроме того, не загружал подчиненных сверх меры, оставляя им достаточно времени, как он считал, для личной жизни.

Знал бы контролер, чем занимался Март вместо любовных утех, придушил бы его собственными руками.

Старые механические часы громко тикали на прикроват-

ной тумбе, отсчитывая минуты до встречи с Кардом. Мартин бросил на них взгляд, убедился, что собственное ощущение времени его не обмануло, и прошел в угол комнаты. Сдвинул кровать, открывая доступ к неплотно лежащей половице. Присел на корточки, провел ладонью над полом, снимая «щиты», а затем извлек из тайника скрученные в рулон бумаги. Он уже изучал их накануне, но решил перечитать повторно, чтобы наверняка исключить возможность, что что-то пропустил.

Март устроился за столиком у окна, повесив над собой «светлячок», и развернул документы.

Последние донесения нанятого им во время недолгого пребывания в столице сыскаря были еще более скудными, чем прежде. Сыскарь занимался его делом вот уже второй год. Сначала информации было много, и каждое послание состояло из трех-четырех листков, исписанных мелким почерком. Затем листов стало меньше, а почерк становился все крупнее, словно адресанту было неловко отправлять не до конца исписанную страницу.

Последний отчет и вовсе был скуднее некуда: «Проверил оставшийся женский пансион для черных магов. Никто, подходящий по описанию, в указанный период на воспитание не принимался». Далее шли заверения в том, что все прочие пансионы, детские дома и приюты в Столичном и близлежащих округах проверены, и сыскарь спрашивал, следует ли расширить зону поиска.

Мартин отвечал согласием каждые полгода. И еще через полгода получал один и тот результат — нулевой.

Мог ли Коршун увезти Виту далеко, если его самого посадил в приюте Халистера всего через несколько часов пути? Стал бы возиться с девочкой, присутствие которой рядом с ним компрометировало бы его самого?

Мартин потерял виски, до рези в глазах глядя ваясь в имена и имеющиеся сведения о девочках, принятых в учебные заведения для сирот в нужный ему период.

Несколько подходили по датам и по возрасту, но не соответствовали описанию. Например, имелась смуглокожая кудрявая Ванесса, родители которой погибли от несчастного случая. Была огненно-рыжая Марисабель, сирота с раннего детства, попавшая в приют после того, как от старости умерла ее бабушка, единственная родственница. Были и другие, но все они категорически не подходили под описание.

Сперва Март предположил, что Ширадин мог что-то сделать с внешностью его сестры — остричь или окрасить волосы. Неизвестно, как можно было бы добиться изменения цвета кожи, но в отчаянии Мартин рассматривал даже такие фантастические варианты. Однако сыскарь не только отыскал указанных в отчете женщин, но и встретился с ними лично, задал наводящие вопросы и получил... ничего. Их ответы полностью соответствовали сведениям о них в документах. А сами кандидатки искренне недоумевали, кто мог бы их разыскивать.

Март отложил в сторону лист, исписанный еще мелким почерком, в сторону. В нем были имена тех, кто хотя бы отдаленно попадал под описание и мог бы оказаться урожденной Витторией Викандер. Возможно, когда он доберется до столицы, имеет смысл встретиться с ними лично, убедиться в том, что умозаключения сыскаря не ошибка — Виты в списке нет?

Мартин тяжело вздохнул, опустил голову на лежащие на столешнице руки.

— Куда же ты подевал ее, Коршун? — прошептал едва слышно.

Увы, Ширадин ответить не мог. Старый друг отца (и друг ли?) скончался еще до того, как Март, достигнув восемнадцатилетия, покинул приют Халистера. У него остались наследники, но Мартин сомневался, что Коршун поделился со своими детьми историей об уничтожении знаменитого когда-то рода Викандеров.

Возможно, оставил записи в своем имении? В кабинете? В тайнике, таком же, в каком Март сам хранил ценные бумаги?

Однако, если еще можно было бы попытаться разговорить наследников, то перевернуть вверх дном их родовое гнездо ему никто не позволит. Попытаться пробраться в дом тайно? Самоубийство, учитывая то, что он понятия не имел, что и где искать.

Помимо семейного особняка, у Ширадина могла быть квартира в городе. И не одна, судя по его материальному по-

ложению и близости к трону. К тому же тот имел личный кабинет в самом королевском дворце.

Да и кто вообще сказал, что Коршун оставил письменное подтверждение того, что в свое время нарушил приказ короля?

«Стоит ли еще расширить зону поиска?» — последняя фраза лежащего перед Мартом послания все еще требовала ответа, который следовало дать сразу по получении конверта. Он не ответил тогда, думал перечитать бумаги и, возможно, прийти к каким-то новым выводам.

К выводам Март пришел.

«Нет», — написал он быстро на чистом листе.

Свернул вдвое и щелкнул пальцами, отсылая свой ответ.

Глава 5

В полночь Март убрал документы обратно в тайник, накинул на себя плащ и распахнул окно.

Снаружи шумели ветер и дождь, и, стоило приоткрыть створку, в лицо тут же полетели холодные капли. Не лучшая ночь для прогулки и просто отличная для противозаконных действий — в такую погоду патрули белых прячутся под крышей, а не прочесывают улицы.

Мартин накрыл себя «щитом», забрался на подоконник, потянулся, чтобы в темноте нащупать водосток. Пальцы коснулись мокрого металла, Март ухватился покрепче и перенес вес своего тела на водосточную трубу.

С тех пор как началось ночное сотрудничество с Кардом, Мартин пользовался лишь таким способом выхода из комнаты. Через дверь — когда шел по делам гильдии.

Уже у самой земли пальцы таки соскользнули, и Март был вынужден прыгнуть вниз с большей высоты, чем рассчитывал. Звук приземления удачно скрыли ветер и дождь, даже дворовая собака не залаяла, как и все разумные существа, не высываясь из конуры в такую погоду.

Мартин натянул капюшон поглубже, отряхнул руки и спрятал их в широкие рукава плаща. Проверил «щиты» и быстро зашагал по улице.

Как он и предполагал, на его пути не встретилось ни одного патруля: ни белых, ни обычной стражи — все попрятались от разбушевавшейся стихии. Отличная ночь для темных дел.

Из-за дождя в доках еще сильнее обычного воняло гнилыми водорослями и тухлой рыбой. Под ногами хлюпала дурно пахнущая жижа, в лужах, различимых в свете тусклых фонарей, плавали обломки древесины и прочий мусор.

Нужное Марту место располагалось на самой окраине доков. Наполовину прогнившие подмостки вели к одинокому деревянному строению с покосившейся крышей, под которой раскачивался на ветру, мигая неровным светом, и бился о стену подвесной фонарь.

Человек без дара решил бы, что вокруг ни души. Однако Март четко чувствовал несколько невидимых глазу людей слева от себя, еще двоих — притаившихся справа. Внутри деревянной постройки тоже была живая энергия, яркий ступок — один человек.

Именно там Марта ждали, поэтому он, не отвлекаясь на наблюдателей, не представляющих для него опасности, быстро преодолел расстояние до двери и толкнул ее без стука и приглашения войти.

Изнутри пахло теплом и спертым воздухом.

Пламя свечей колыхнулось и задрожало от ворвавшегося снаружи ветра.

Кард сидел за столом, расслабленно вытянув ноги и под-

перев кулаком щеку, и лишь лениво перевел взгляд на вошедшего. Он доверял своим людям и не сомневался в том, что незванный гость мимо них не прошел бы.

На этот раз приятель был не в маскарадном костюме для отвода глаз. Потертая кожаная куртка, темные брюки, высокие сапоги — ничего лишнего, не считая красного шейного платка (его Кард считал счастливым и неизменно надевал на «дело»). На столе стояли две глиняные кружки и бутылка с чем-то мутным и, судя по запаху, алкогольным.

Март скинул капюшон на плечи, провел ладонью по лицу, стирая воду. У его ног за пару секунд натекла целая лужа.

— И погулял, и помылся? — усмехнулся Кард.

Мартин послал ему в ответ «добрый взгляд», развязал шнурок под горлом и бросил плащ на стул. Пока что использовать магию для просушки не стал.

— Садись, — пригласил сообщник. — Ребята уже выехали. Вот-вот будут.

Март принял приглашение.

— Точно проверил клиента? — спросил, скопировав позу собеседника.

— Щедры и безопасны, — заверил Кард, потянувшись к бутылке с непонятным содержимым. — Будешь? — спохватился, вспомнив о гостеприимстве. Мартин покачал головой. — Ну, как хочешь... А заказчики — что надо. Подноготную проверили, за контактами и перемещениями проследили — чистые, не законники, не подсадные. Вчерашние

группы тоже пришлись как нельзя кстати. Так что все на мази. — Кард отсалютовал гостью кружкой и залпом ее осушил. — Хороша отрава! — прокомментировал довольно.

А вот Март напрягся.

— Что значит «заказчики»? — вычленил он главное из болтовни приятеля.

— Как — что? — Кард немедленно сделал невинные глаза и даже пару раз театрально взмахнул ресницами. — Заказчики — это люди, которые нам платят, чтобы мы... — начал приторно-сладким тоном.

— Кард.

Подельник закатил глаза.

— Вот умеешь ты...

— Кард, — настойчивее повторил Мартин.

— Ну да, их двое, — наконец сознался приятель. Развел руками в воздухе, мол, так получилось. Пламя свечи заколыхалось, заплясали тени на дощатой стене. — Ну а что? — тут же начал тот защищаться. — Ты сам говорил, что планируешь свалить из Прибрежья не позже чем через полгода и что тебе нужны деньги. Они и мне нужны. А тут два клиента — двойная оплата. Подумаешь, подустанешь.

— «Подустанешь», — передразнил Март. Полез в карманы, проверяя, что прихватил с собой.

Он рассчитывал на одного, поэтому не запасся накопительями как следует. Пара колец и подвеска на шею — небогато, учитывая объем работы.

Мартин выложил накопители на стол, задумчиво глядя на них и взвешивая силы. Выкладываться под ноль категорически нельзя — Ризаль может почуять неладное. А хватит ли резерва...

Задумавшись, он едва не пропустил момент, когда Кард с загоревшимся взглядом потянулся к магически заряженным предметам.

— Не трогай! — резко осадил его Мартин, сгребая «побрякушки» поближе к себе.

Опасность магических амулетов для людей без дара заключается в том, что они притягивают их к себе, манят. А если дотронешься — сожгут. Могут насмерть, могут покалечить — например, лишит конечности, на всю жизнь отучив тянуть руки к чему не следует.

— Ты дурак, что ли? — возмутился Март, на всякий случай сразу надевая кольца на пальцы.

Кард виновато потупился.

— Да знаю я, знаю, — пробурчал себе под нос и даже плеснул в свою кружку добавки из бутылки. — Сильные они у тебя, заразы. Так и кричат: «Потрогай меня!»

— Они кричат: «Останься без руки», — огрызнулся Мартин, закончив с кольцами и перекинув цепочку с подвеской через голову.

Сам, конечно, тоже хорош: выложил перед носом — только бери.

— Приятно, когда за тебя волнуются, — в свою очередь

ослабился Кард. — Ну а что? — ненатурально изумился, когда Март бросил на него тяжелый взгляд. — Я за тебя тоже и в огонь, и в воду. — И даже прижал ладонь с растопыренными пальцами к груди, будто на присяге.

— Да иди ты, — беззлобно огрызнулся Март. — Где твои клиенты? Ночь не бесконечная.

Кард моргнул, переваривая услышанное. Улыбка расплывалась на его лице прямо пропорционально пониманию того, что подельник не собирается уходить.

— Да справлюсь я, справлюсь, — ответил Март на невысказанный вопрос.

К тому же, если он собрался в столицу, лишняя тренировка не повредит.

Их действительно оказалось двое: мужчина лет пятидесяти и молодой человек чуть за двадцать. Судя по схожим потокам энергии и аурам, отец и сын.

Обоим завязали глаза и ввели в помещение, придерживая за плечи и направляя. На самом деле, забота совершенно бессмысленная — маг никогда не врежется в стену, даже с повязкой на лице.

А еще маг всегда почувствует собрата по ремеслу и запомнит его ауру — для этого глаза без надобности. Именно поэтому Мартин заблаговременно укрепил «щиты».

Использование подобной защиты — уже само по себе под-

судное дело. Так называемое тайное умение, неизвестное широкому кругу. Запретное, противозаконное. Узнай кто в гильдии, что Март владеет подобными навыками, его не только лишили бы работы и оштрафовали бы, но и сдали бы страже как представляющего опасность для общества. На этот счет все просто: если ты законопослушный гражданин, то к чему тебе прятаться и пытаться остаться неузнанным?

Спасибо старику Халу, научившему своего воспитанника всему, что умел сам.

— Проходите, проходите, гости дорогие, — засуетился Кард. Голос у сообщника изменился: стал слащавым и угодливым. Хотя Мартин молчал, но скулы свело даже у него. — Сюда, сюда, не ударьтесь. Пригнитесь, тут дверь низкая.

Март отошел к дальней стене и замер там, а Кард повел «дорогих гостей» в соседнюю комнату.

— Ну что, готов? — выскочил оттуда уже через минуту, сверкая глазами.

Кард предвкушал большой куш и разве что не потирал руки от нетерпения. Март сразу оценил одежду заказчиков — такие могут позволить себе раскошелиться, тут сообщник не прогадал.

Мартин кивнул.

— Готов. — Теперь-то уже глупо было идти на попятную.

И Кард прав: деньги нужны им обоим. Иначе можно всю жизнь прозябать в Прибрежье и горбатиться на гильдию. Смириться с положением дел и... забыть. Что-что, а забыть

и смириться Мартин был не готов.

— Вот так бы сразу. — Кард довольно подмигнул подельнику, отступая с пути. — Ну, с богами!

Март, шагнувший было к двери, удивленно обернулся.

— Ты серьезно?

Кард, благодарящий богов? Сколько же эти двое обещали за работу?

— Шучу, конечно, — заржал приятель. — Давай, давай. Ждут же!

Мартин еще раз окинул Карда подозрительным взглядом, получил в ответ пожатие плеч и одну из «невинных» улыбочек и наконец вошел в соседнюю комнату.

Помещение было тускло освещено тремя свечами, вставленными в подсвечник, прикрученный к стене. Рядом темным пятном выделялся разбитый магический светильник — пару месяцев назад Март не удержал магическое возмущение энергетического фона, и отдачей долбануло во все, что имело хотя бы минимальную частицу магии. С тех пор они с Кардом использовали внутри только свечи.

Оба заказчика топтались возле стола, который вместе с единственным стулом представлял собой всю обстановку тайной комнаты.

Март обернулся через плечо, бросив на вошедшего вслед за ним Карда красноречивый взгляд. По изначальному дого-

вору, условия которого за все месяцы их сотрудничества ни разу не менялись, с клиентами разговаривал исключительно Кард. Мартин должен был оставаться в тени до самого конца и исчезнуть так же, как тень, после того как работа будет завершена.

Кард понятно закивал и устремился к «гостям».

— Кто будет первым, господа? Первый, пожалуйста, на стол лицом вверх. Второй, на стульчик, будьте так добры.

Мартин беззвучно усмехнулся и решил, что надо бы посоветовать Карду в следующий раз не перебарщивать с любезностью, настолько неуместной в данной обстановке, что только еще больше пугающей клиентов.

— Ну же, ну же, — заторопил Кард, потому как те замерли, как два каменных изваяния, — время дорого, решайтесь, господа.

Наконец клиенты отмерли, переглянулись между собой, несмотря на наличие повязок на лицах. После чего старший молча отправился ложиться на стол.

Март пока что издалека следил за его перемещениями.

Стало быть, отец решил стать первым подопытным? Сомнительное решение. Неужели думает, что в случае провала сын выберется отсюда живым?

— А вы на стульчик, на стульчик, — продолжал Кард источать сироп в уши. — И не вмешивайтесь, что бы ни произошло.

— Понял, — буркнул молодой человек.

Март подумал, что ошибся в оценке его возраста: голос совсем мальчишеский.

Кард обернулся, пятась в сторону и давая отмашку — начинай. Мартин сделал страшные глаза — не торопи. Сообщник понятиливо закивал и изобразил, что зашивает себе рот. Март отмахнулся — не до шуток.

На всякий случай проверив, насколько крепко стоят «щиты», он приблизился к распростертому на столе телу. Мужчина дышал тяжело, грудная клетка поднималась и опускалась слишком быстро.

Мартин подал Карду знак, и тот тут же вновь оказался возле стола.

— Господин, дышите глубоко и ровно, не волнуйтесь. Наш человек имеет огромный опыт в этом деле.

Мужчина закивал, но дышать медленнее не стал. Запоздалый испуг — надо было думать прежде, чем ввязываться в сомнительную авантюру.

Впрочем, если бы Мартин сам планировал сбежать из страны, должно быть, он тоже рискнул бы.

— Вот, зажмите зубами. — Кард аккуратно вложил мужчине в рот небольшую деревянную палочку.

После первого раза опытным путем было принято решение сделать это обязательной частью процедуры. Повезло, что тогда «щиты» полностью поглотили крики клиента и их никто не услышал.

Мартин коснулся подбородка мужчины, вынуждая повер-

нуть голову. Тот вздрогнул, но подчинился.

Два звена цепи. Вплавлено только одно, и, судя по оставшемуся на шее шраму, случилось это очень давно. Должно быть, буквально в первые годы после того, как ношение серег для черных магов стало обязательным.

Звенья цепочки отозвались на прикосновение едва ощутимым теплом. Отклик был слабым, как, собственно, и дар их обладателя, но был — можно работать.

Мартин отстранился, освобождая себе место, вытянул руки перед собой — над клиентом. Переплел пальцы в необходимой последовательности, очищая пространство от возможных остаточных магических всполохов; а затем без предупреждения шагнул обратно к столу и накрыл ладонями виски мужчины. Тот дернулся, крепко сжал зубами деревяшку.

Да, это больно.

Март усилил поток энергии, потекшей от него к клиенту. Того выгнуло дугой, послышался сдавленный стон, переходящий в мычание.

Крайнее звено цепи лопнуло и упало на столешницу.

Со стороны — быстро и просто. Энергетически — настолько тяжело, что Мартин оперся ладонью на край стола, чтобы не пошатнуться. Перевел дыхание, вытер выступивший пот со лба, выдохнул и повторил манипуляции.

Второе звено развалилось на две части и со звоном упало к первому. Из раны в ухе мужчины потекла кровь.

Пока хватило собственного резерва. Если бы клиент был один, Март вернулся бы домой бодрым и полным сил. Но был еще и второй...

Подоспевший к столу Кард накрыл пострадавшее ухо клиента тряпицей, смоченной в спирте, и велел прижать. Март же в это время собрал остатки серьги и вложил освобожденному в ладонь. Тот понятливо сжал их в кулаке.

Все молча, слаженно, отработано с Кардом до последнего жеста.

— Выбросьте в море, как только отойдете подальше от берега, — напутствовал сообщник. — А теперь вставайте, вставайте. Время дорого.

Мартин отошел в сторону, выравнивая энергетические потоки и готовясь к новой нагрузке, в то время как отец и сын менялись местами. Бросил взгляд на ухо мальчишки — три звена. Ничего хорошего.

В том, что будет намного сложнее, чем он изначально рассчитывал, Март убедился, когда притронулся к серьге. Эта отвечала охотнее и от прикосновения стала не просто теплой, а горячей. Юнец взвыл от одного прикосновения — неженка.

— Терпи, терпи, — зашикал на него заметно приободрившийся отец. Видимо, хоть и решился на эту авантюру, до последнего все же не верил в ее счастливый исход.

Терпеть — дельный совет, но абсолютно бесполезный для человека, совершенно не умеющего выносить боль.

Пока Март ломал крайнее звено, мальчишка мычал, но держался.

Когда пришел черед второго, плакал и пытался отнять руки мучителя от своей головы, так что Карду пришлось помогать его держать, а отцу снова уговаривать.

Во время изъятия третьего звена парнишка уже сдавленно скулил и не дергался, пребывая на грани потери сознания.

Подвеска с шеи пошла в ход уже на втором звене. Оба кольца, одно за одним, разрядились на последнем. Сильный дар мальчишки подпитывал серьгу и значительно усложнял задачу.

Когда дело было сделано, Мартину пришлось ухватиться за край стола обеими руками. Перед глазами плыло. Сердце гулко билось в груди, дыхание перехватывало, как после долгого бега. Пять звеньев за один раз он уничтожил впервые и мог гордиться собой. Резерв, правда, спустил ощути-мо. Но это ничего — полностью восстановится за пару дней.

Кард что-то растолковывал нанимателям, те что-то уточняли. Март не стал слушать, оторвался от стола и побрел в первую комнату.

Вот теперь можно было и выпить.

— Говорил же, сдюжишь! — Кард разве что не приплясывал.

Март с трудом оторвал голову от сложенных на столеш-

нице рук, в которые он уперся лбом.

— Много хоть заработали?

— Спрашиваешь! — И сообщник гордо водрузил на стол три пухлых мешка с монетами. Развязал один, приоткрыл, демонстрируя содержимое: золото.

Мартин невольно присвистнул. Столько они с Кардом заработали за весь прошлый год, а тут за один раз. Приятель был прав: игра стоила свеч.

— Отсчитай мою долю, и я пойду, — попросил маг.

В ответ улыбка Карда стала еще шире.

— *Этот*воя доля!

Март изумленно моргнул и даже усомнился, не троится ли у него в глазах. Три мешка золота!

А в следующее мгновение внутри похолодело.

— Кард, мать твою, кто они такие?!

— Да какая разница?

Ясно, имена своих заказчиков Кард не выдавал даже подельникам.

— А такая, что богатых и знатных будут искать с особым рвением!

— Не ори. Зачем, по-твоему, мне нужны были трупы? — Кард блеснул белозубой улыбкой и плеснул в свою кружку безумного пойла, крепость которого Мартин оценил несколькими минутами ранее. — Прямо сейчас наша парочка садится на судно к Рону и навсегда прощается с Реонерией. А Пол и Швейх разделяются с их богатым домиком,

где к утру найдут два обгоревших тела. Делов-то!

Мартин откинулся на спинку стула, обреченно посмотрел на все еще стоящего у стола и возвышающегося над ним подельника.

— Они хоть местные?

Кард дернул плечом.

— Пару месяцев как из столицы. — Март хлопнул себя ладонью по лбу. — Да чего ты бесишься?!

Он не бесился, нет. Просто вдруг понял, что они с Кардом всерьез заигрались. Местные беглецы — это одно. Приезжие из других мелких городков — то же самое. Тем и хороши такие дела в захолустном прибрежном городке, до которого никому нет никакого дела, а до границы рукой подать. Только знатные жители столицы — уже другое. Их исчезновение, как и их якобы смерть, не останется без внимания и при наличии трупов, или без них, и повлечет за собой разбирательство. Не хватало еще, чтобы приехали столичные сыскари и затеяли полномасштабное расследование.

— Нам нужно лечь на дно, — твердо сказал Мартин.

Кард расстроено заморгал, плюхнулся на второй стул.

— Думаешь? — Посмотрел жалобно.

Кард не был дураком и самоубийцей тоже не был. Но деньги любил и терять их стабильный источник, естественно, не хотел.

— Уверен, — кивнул Март на полном серьезе. Помолчал и добавил: — Не хочу увидеть тебя с веревкой на шее.

Подельник польщенно ухмыльнулся.

— Да и я не хочу, чтобы нас с тобой повесили.

— Магов не вешают, — напомнил Март, вставая и пряча золото в карманы плаща. — Магов жгут. Заживо и на костре. Не знал?

Теперь сидящий Кард смотрел на него снизу вверх, задрав голову.

— Так вроде давненько такого не было, — отозвался растерянно, явно впечатленный последними словами сообщника.

Потому что все прижали хвосты и попрятались по углам, трясаясь за то, что у них есть. А тех, кто сопротивлялся, уже сожгли еще лет десять назад. Пока недовольные не закончились и все в срочном порядке не стали счастливы и довольны.

Но эти мысли Март придержал при себе. Ни к чему это Карду, это не его война.

— Вот пусть и не будет, — коротко сказал на прощание. — До встречи.

— Удачи, Март! — крикнул в ответ подельник.

Он вздрогнул. И слова, и интонация точь-в-точь как у Ширадина в их последнюю встречу у ворот приюта Халистера — будто призрак коснулся плеча.

Мартин тряхнул головой, сбрасывая наваждение.

— Взаимно, — буркнул Карду и вышел под дождь.

Глава 6

Это впервые случилось, когда ему было пятнадцать. За три года до выпуска из приюта.

Бориш, тощий угловатый мальчишка, был на год старше Мартина, и ему только недавно успели вживить серьгу черного мага.

Так же, как и другие воспитанники приюта Халистера, Бориш был сиротой. Но только легенда Марта основывалась на том, что он никогда не знал своих родных и был переведен к Халистеру из другого учебного заведения. Бориш же лишился семьи в тринадцать. Его родители участвовали в одном из частых в то время восстаний черных, и оба были признаны виновными в измене и казнены. А их сына лишили родового имени и наследства и отправили в приют для черных магов-сирот.

Мартин не знал, насколько знатен был род Бориша — как ни странно, при всех своих громких речах, сосед по комнате ни разу так и не произнес фамилии вслух, — но подозревал, что они были не последними участниками очередного бунта.

С их смертью Бориш так и не смирился, не желая считать себя таким же сиротой, как другие. Бросался злыми фразами вроде: «Дети крестьян мне не указ». Прятал свою боль за грубостью и высокомерием.

Другие сироты, в свою очередь, высмеивали Бориша и его

умерших родителей, «самих виновных в своей смерти». Они ненавидели его, а он их. Чужой среди чужих. Острый на язык мальчишка среди не менее жестоких в своих словах детей.

С Мартом они неожиданно сошлись. Нет, не стали друзьями не разлей вода, но, после того как старик Хал поселил их в одной комнате, сосуществовали вполне мирно. Так, подрались разок, когда Бориш попытался провести очередную политагитацию, не к месту ввернув что-то нелестное о родителях Мартина. Сейчас он уже и не вспомнил бы, что именно сказал ему сосед, но тогда это задело его всерьез.

Они не были друзьями... Но когда Алуса выкрикнула в лицо Боришу в ответ на какую-то его колкость: «Твои родители тебя никогда не любили! Им было проще умереть, чем воспитывать такого, как ты!» — Март не смог не вмешаться.

Бориш был сильным магом, слабее Мартина, но одареннее большинства воспитанников. И точно гораздо способнее Алусы, слова которой настолько его задели, что, наплевав на запрет использовать магию вне занятий, он швырнул в нее пламенем. Удар приняла на себя стена, Алуса увернулась и бросилась бежать, а Бориш под взглядами изумленной, но не собирающейся мешать смертоубийству толпы понесся следом.

Март догнал его раньше, чем подросли преподаватели. Повалил на пол до того, как палящий магическим пламенем сосед успел бы кого-либо покалечить.

— Пусти! Я убью ее! — в ярости рычал Бориш, пытаясь

сбросить Марта со своей спины.

— Да лежи ты!

Мартин отчего-то отчетливо запомнил именно эти слова: «Пусти! Я убью ее!» — Бориша и «Да лежи ты!» — свои. А потом он прижал ладонью голову соседа к полу, пытаясь заставить его перестать брыкаться и потянуть время до прихода подмоги или до того момента, когда Бориш сможет вновь нормально соображать.

Бориш не успел.

Ни сообразить, что происходит, ни успокоиться.

Мартину показалось, что он почти мгновенно отдернул руку от раскалившейся под его пальцами серьги. Но этого мгновения хватило. Все три звена цепи вдруг покрылись мелкими трещинами и развалились на части. А глаза Бориша закатились, его тело выгнуло дугой, изо рта пошла пена...

Он умер в лазарете через два дня.

Старый Хал сказал, что это кровоизлияние и ничего нельзя было сделать. Может, белые бы смогли. Но светлые больше не лечат темных...

Еще год ушел на изучение его способностей самим владельцем приюта. Старый Хал не успокоился, пока не выяснил, как работают уникальные способности воспитанника, а потом научил его, как их сдерживать, чтобы дар не проявлялся самопроизвольно.

— Если кто-то узнает о том, что ты умеешь, то тебя разорвут на части. Потому что слишком многие желают освобо-

диться от ограничивающих артефактов, — сказал старик Халистер в тот день, когда они в последний раз касались с ним этой темы. — А если узнает король, тебя уберут еще раньше. Пусть это будет нашей тайной, Март, и клянусь, что заберу ее с собой в могилу.

Старый Хал не солгал — могила ждала его уже через год, и никто так и не узнал, чем они занимались с «любимым» воспитанником, закрываясь в зале для тренировок один на один.

Только слухи ходили разные. Со временем Мартин научился не обращать на них внимания.

— Ты пил вчера, что ли? — было первым, что спросил его Ризаль, когда он появился в его кабинете на следующий день.

Бессонная ночь, растрата резерва, а потом не к месту нахлынувшие воспоминания о погибшем соседе по комнате сделали свое дело. Если бы потерявший терпение контролер не прислал ему срочное послание-вызов, которое, полавировав над кроватью, не опустилось бы ему прямо на лицо, Мартин вряд ли поднялся бы с постели до вечера.

— Угу, — отозвался он. Провел ладонью по лицу, с усилием поборов зевок. — Пил.

В общем-то, состояние и правда напоминало похмелье. Контролер осуждающе поцокал языком, но углубляться в

тему вреда алкоголя не стал. Март даже проснулся от неожиданности: Ризаль — и без нравоучений.

— Я, собственно, чего тебя вызвал, — заговорил тот таким серьезным тоном, что спать окончательно расхотелось. — Слышал уже про Глостеров?

Мартин мысленно выругался. Эту фамилию он слышал впервые, но даже не сомневался, о ком пойдет речь.

Отрицательно покачал головой.

— Дом сгорел этой ночью. Богатые люди. Недавно из столицы.

— У богатых не горят дома? — не слишком удачно пошутил Март.

Ризаль ожидаемо даже не улыбнулся.

— Горят, — согласился сухо. — Но не тогда, когда хозяева — черные маги и с вечера распускают всю прислугу и дают ей полный расчет. А наутро в особняке обнаруживаются два обгоревших трупа господ.

— Ого! — Мартин даже присвистнул.

Кард тщательно проверял клиентов на то, не связаны ли они с властями, но забыл проверить, не идиоты ли они. Рассчитать прислугу перед якобы неожиданной гибелью — верх идиотизма.

— Вот и я так подумал, — кивнул контролер.

— Трупы-то опознали? — осторожно спросил Март, взвесив все за и против и решив, что, даже ничего не зная о том, что произошло на самом деле, непременно задал бы такой

вопрос.

— Нечего там опознавать, — проворчал Ризаль, начав нервно перекидывать перед собой бумаги. — Все сгорело. Остатки серег найти не смогли. Может, и поплавились. Может, и не было их там. Там такое пепелище!

— Думаешь, сбежали?

В ответ контролер одарил его тяжелым взглядом.

— А ты сам-то как считаешь?

Март считал, что они с Кардом совершили непростительную оплошность, и пока не совсем представлял свои дальнейшие действия.

— Похоже на подлог, — ответил осторожно. — Но серги...

Ризаль глубоко вздохнул, потом полез в ящик стола, покопался там и извлек оттуда картонную папку для бумаг.

— Посмотри. — Кинул на край столешницы, ближе к гостю. — Информация секретная, но в свете последних событий я считаю, что ты должен знать.

У Марта неприятно похолодело внутри. Не последует ли за этим высокопарное: «Ознакомился со всеми своими преступлениями? А теперь вытяни руки — ты арестован»? Но нет, Ризаль не настолько любит театральность, это по части Карда.

— Что это? — Мартин изобразил живой интерес и потянулся к документам.

— Читай, читай, — благосклонно закивал Ризаль. Все-

таки он его ни в чем не обвиняет, иначе не вел бы себя так ласково. — И скажи, что думаешь?

Март положил папку к себе на колени, осторожно открыл. Это был список. Длинный список имен с датами. Имелась и парочка местных. Они были подчеркнуты красными чернилами и отмечены большими восклицательными знаками в начале строки.

Мартин никогда не вмешивался в дела, которыми занимались Кард и его команда. Он был всего лишь исполнителем. Но даты сходились — в списке были именно их «клиенты», Март даже не сомневался.

— То есть это не первый случай? — спросил, изобразив удивление.

На этот раз Ризаль долго вглядывался в его лицо. Март отвечал прямым взглядом. Он же обычный черный маг, работник гильдии, незнатный и небогатый, выходец из приюта. Его дело маленькое, откуда ему знать, куда пропадают из Прибрежья люди?

Кажется, контролер купился, отвел взгляд.

— Это тянется около года.

На самом деле вдвое дольше, но сначала они с Кардом были осторожнее, а заказы появлялись гораздо реже. Однако потом слухи об умельце снимать магсерьги разошлись далеко за пределы Прибрежья и желающих избавиться от них становилось все больше. Их кошельки росли, как и риски быть пойманными. Похоже, пришла пора не просто сделать

паузу, но и полностью прекратить свою деятельность.

— Ходит... э-э... слушок, — продолжал контролер, устремив взгляд на свои сложенные на столешнице руки, — что у нас завелся кто-то, кто умеет снимать серьги без вреда для носителя.

Марту следовало бы изумиться и возопить, что подобное невозможно. Однако в данной ситуации он усомнился в собственном актерском таланте.

Только переспросил:

— Слушок?

— Знаю, знаю. — Ризаль поморщился и на этот раз уставился в стеклянные дверцы книжного шкафа у стены. Контролер нервничал и не знал, куда деть ни взгляд, ни руки. — Доказано, что это невозможно. Мы, — он имел в виду белых магов, — можем вынуть серьгу, работая только в команде. Черные, как только ни пытались, никто не смог. А тут... И все же слухи и пропажа людей наводят на определенные мысли. Все эти черные, — Ризаль указал подбородком на документы, все еще лежащие у Марта на коленях, — по показаниям свидетелей, были замечены недалеко от Прибрежья незадолго до исчезновения. Местных пропала всего парочка. Они могли незаметно уехать и поселиться в другом городе, но, когда получаешь отчет о пропаже темных по всей Реонерии, это... настораживает.

— И... следов нет?

— Нет. — Контролер протянул руку, ладонью вверх, и

Март понятливо вернул ему бумаги. — Вчера от Прибрежья отошло рыбацкое судно некоего Рона Мастерса. Его допросят по возвращении, но это единственная ниточка. Если бы не такая грубая работа с поджогом, и этого Мастерса бы не вычислили по горячим следам. Теперь у нас хотя бы есть зацепка.

Мартин сжал зубы. Нужно предупредить Карда, и срочно. Ему и остальным следует свернуть любую преступную деятельность в Прибрежье, а еще лучше покинуть городок, пока тот не стали прочесывать камень за камнем.

— И вот я что подумал... — Задумавшись, Март прослушал начало фразы, вскинул голову. Пронесло, собеседник по-прежнему не смотрел на него, мечась взглядом по помещению. — Твои неупокоенные древние, зачищенное кладбище... Это же неспроста. Тут орудует кто-то сильный, темный и потерявший всякий стыд! — Наконец Ризаль посмотрел прямо на него. Глаза контролера пылали праведным гневом.

«Сильный, темный и потерявший всякий стыд», — мысленно повторил Март. Да, он подходил под описание. А то, что Ризаль связывал два несвязанных дела и приписывал его преступления другому, ему определенно играло на руку.

— А это неплохая теория, — согласился Мартин.

— Вот именно! — Контролер важно приподнял указательный палец. — Помощь из столицы уже выехала. — Март выругался про себя: так и знал ведь. — Но если мы справимся до их приезда, то все лавры достанутся нам.

А вот это Мартину не понравилось еще больше.

— Что ты?..

Он не договорил, так как контролер уже оказался на ногах. Взметнулась его широченная светло-серая хламида. На пол полетели несколько листков бумаги, но Ризаль не обратил на них внимания. Вскинул голову, как заправский полководец, и поспешил к двери, впечатывая подошвы ботинок в пол.

— Это значит, что отныне мы занимаемся этим делом вместе! За мной! — И выскользнул в коридор.

Март же хлопнул себя ладонью по лбу.

Вот только напарника в поисках самого себя ему не хватало.

В итоге день закончился не лучше, чем начался.

Март просидел в архиве до самого вечера. Он любил работать с документами, но, в его представлении, это требовало тишины и концентрации, чего было невозможно добиться в присутствии Ризаля.

Контролер то и дело делился своими размышлениями вслух:

— Думаешь, это кто-то местный?..

— Заезжий тоже мог избежать регистрации и затаиться...

— Да еще и силища же должна быть какая... Подумать только, делать то, с чем едва может справиться команда бе-

лых...

— Давай-ка с тобой прикинем, кто у нас в городе с приличным уровнем дара?..

С каждой фразой Ризаля Марту становилось все больше не по себе. Если так пойдет и дальше, контролер без чьей-либо помощи придет к выводу, что происходящее — дело рук его подопечного.

Мартина даже посетила малодушная мысль смотаться из города прямо сейчас, пока на него не пали подозрения. Но, поразмыслив, он укорил себя за трусость. Бесспорно, обстоятельства изменились, но совесть не позволила бы ему уехать, предоставив кладбищенскому преступнику и дальше орудовать в Прибрежье.

Почитав отчеты, Мартин только еще больше утвердился в своем решении. Потревоженная нежить по-прежнему вселялась в любого, кто попадался на ее пути. А черные маги, приезжающие на вызов, жгли всех без разбора: мужчин, женщин, детей, стариков. Март только скрипел зубами, читая подробности кровавой расправы. В одном из рапортов нашлась жалоба хозяина одного из постоянных дворов, куда тоже забрел «подселенец». Мужчина жаловался на кишки, намотанные на люстру в главном зале харчевни, и требовал, чтобы гильдия прибрала за собой.

Мартин захлопнул папку.

Вечером Март наведлся в «Одинокую подкову», надеясь найти там Карда.

Приятеля по месту жительства не оказалось. Камилла, местная подавальщица и по совместительству женщина Карда, как она сама себя называла, сказала, что в последний раз видела их вместе и с тех пор Кард в таверне не появлялся.

Мартин ушел ни с чем. Пофлиртовал для вида с Камиллой, чтобы можно было объяснить свой поздний визит в «Подкову» в случае слежки, получил от девушки дружеский поцелуй в щеку, который со стороны можно было принять за нечто большее, и отправился домой.

Расщедрившийся Ризаль разрешил ему взять с собой кое-какие материалы по «делу», и теперь Март знал, за каким занятием проведет следующую ночь.

Как ни странно, спать больше не хотелось. Он куда больше волновался за Карда и его людей, чем думал о собственном состоянии.

Это пошло только на пользу — резерв восстанавливался сам собой, обещая уже на следующий день наполниться до краев.

На постоялый двор он вернулся, когда уже смеркалось.

После вчерашнего шторма день выдался теплым и солнечным. Хозяйская собака с довольным видом дремала возле своей конуры и даже ухом не повела, когда постоялец про-

шел мимо.

В здании горел свет. Все окна первого этажа были ярко освещены, там и тут зажигались лампы на верхних этажах — поужинав, жильцы разбредались по комнатам.

В обеденном зале оказалось всего несколько постояльцев. Один мужчина, живущий здесь уже длительный период времени и имени которого Март почему-то до сих пор не знал, миролюбиво кивнул, заметив знакомое лицо. Двое других, доедающих свой ужин, напротив, поспешно отвели глаза, заметив человека с приметной серьюгой в ухе. Один даже поморщился, словно увидел жабую лапку в своем супе.

Мартин кивнул в ответ приветливому соседу и проигнорировал реакцию остальных; прошел к суеющемуся за стойкой хозяину.

— Вечер добрый, — буркнул ему Ларс.

В отличие от суеверной супруги, хозяин был готов приветать хоть самого черта, лишь бы платил исправно и не безобразничал. Мартин был примерным жильцом: не шумел, не пил, гостей не водил, во время сезонного увеличения платы не роптал и не спорил, а молча выкладывал необходимую сумму.

Март даже подозревал, что Ларс был в курсе того, что его дочь время от времени заживала в комнату молодого мага. Но тот ни разу не подал вида, а Мартин не нарывался.

Сегодня же отсутствие Милы второй день подряд вызвало у него беспокойство. К тому же в их последнюю встречу она

вела себя странно. Может, случилось что-то серьезное и он был не прав, выбрав политику невмешательства?

— Добрый, — кивнул он Ларсу. Оперся локтем на стойку, бросил взгляд в зал. Двое, недовольные его присутствием и следящие за ним исподтишка, тут же отвели глаза. Хорошо — нарываться не станут, просто любопытствуют. — А что с Милой? — спросил, вновь повернувшись к хозяину. — Давно ее не видел. Приболела?

Ларс крикнул, заставив Марта удивленно приподнять брови. Впервые в вечно прищуренных хитрых глазах хозяина постоялого двора он прочел нечто очень близкое к превосходству.

— Приболела, — сообщил тот. — Любовью. Вчера свадьбу сыграли. Проспал ты все, господин маг, проспал. — И уже привычно прищурился в ожидании реакции.

Реакции не последовало.

Теперь стало ясно, чего ждала и страшилась Мила в их последнюю ночь. И если не обмолвилась ни словом, то приняла правила игры и свадьбу, явно сговоренную отцом.

— Передай ей мои поздравления, — спокойно сказал Март.

И под удивленным взглядом Ларса направился к лестнице.

Дверь комнаты хлопнула за спиной, отрезав от него звуки с первого этажа.

За окном уже совсем стемнело.

Март подошел к нему, рывком отбросил штору и несколько минут просто стоял, опершись ладонями на подоконник, и смотрел в темноту.

Нет, он не ревновал Милу, не страдал из-за разбитого сердца. Но в то же время Мила давно стала ему не чужой. А когда из твоей жизни исчезает кто-то, кто долго был рядом, это всегда больно.

Март выдохнул и снова зашторил окно. Ему предстояло еще перебрать бумаги, взятые из архива.

А у Милы все будет хорошо. Ларс — хитрый старый жук, он не отдал бы единственную дочь в плохие руки.

Глава 7

Ночной разбор бумаг не принес ничего особенного.

Единственное, что Март выяснил, это то, что все «подселенцы» почему-то объявлялись в местах общественного питания: трактиры, таверны, постоялые дворы. Причем все они некоторое время наводили страх на живых обитателей, тихонько подпитываясь и никого не трогая, но резко шли в атаку и вселялись в первого, кто попадался под руку, когда на пороге заведения оказывался черный маг.

Принимала ли нежить самостоятельные решения или подчинялась приказу призвавшего ее? Боялась ли черных магов, вызванных для ее уничтожения, или изначально была направлена для нападения на работников гильдии и не просто подпитывалась, набирая мощь, а ждала визита именно темных?

Мартин допускал оба варианта. Но не взялся бы с уверенностью судить о разумности «подселенца», с которым столкнулся сам. Он говорил с ним и угрожал расправой. С другой стороны, нежить, некогда бывшая человеком, могла сохранить в памяти простейший набор фраз, а теперь действовала на одном единственном инстинкте — убивать.

Коллеги Марта жаловались на то, что «подселенцев» стало непривычно много, и они отличались от тех, что попадались ранее, силой и выносливостью. Но в то же время еще

не было ни одной не уничтоженной нежити — черные маги справлялись со своей работой. Иногда с усилием, всегда — с жертвами в виде тех, чье тело решила позаимствовать сущность, уже не принадлежащая этому миру. Но справлялись.

Тогда зачем все это? Акция против владельцев харчевен или против темных магов? В то время как серьезный ущерб не несли ни те, ни другие.

Словно шалость неразумного ребенка. Или будто что-то пошло не так и изначальный план зачинщика провалился.

А учитывая то, что кто-то прошел через защитный кладбищенский контур, а затем зачистил за собой магические следы своей деятельности, дети и шалости отпадали.

И все же, так или иначе все крутилось вокруг мест общественного питания. Конкуренция?

Ризаль запросил статистику по питейным заведениям. И Март, изучая данные, убедился, что за этот период никто не получил больше посетителей, чем имел ранее. Тот же «Кролик и лис», напротив, стал еще популярнее, а Ларка превратилась в едва ли не народную героиню, пообщаться с которой жаждали все, кто заходил в знаменитый трактир. В это же время таверна с романтическим и совсем неаппетитным названием «Месяц и дождь» как бедствовала изначально (Март догадывался, что невкусной в этом месте была не только надпись на вывеске), так теперь и вовсе еле сводила концы с концами. Кто-то выиграл на произошедшем, кто-то проиграл, но баланс сохранился, и очевидного подозревае-

мого так и не нашлось.

Месть?

Мартин тщательно проверил по документам, не разорилась ли недавно какая харчевня. Иначе как все это связано с подобными заведениями? Но нет, в последнее время в Прибрежье вообще не случилось ничего необычного или привлекающего внимание.

Пожар в доме Глостеров, их исчезновение и активизация нежити были самыми значимыми событиями последнего периода. Немудрено, что Ризаль связал их с одним человеком.

Случилось несколько убийств горожан, но виновные были схвачены, а их вина доказана. Пять смертей по естественным причинам, две вследствие несчастного случая.

И одно самоубийство.

За самоубийцу Мартин зацепился взглядом. Холид Камстер, двадцать четыре года. И больше никакой информации: ни адреса, ни причины. Только результат магпроверки и отчет лекаря, делавшего вскрытие. Оба исследования подтвердили, что Холид Камстер совершил повешение сам, без чьей-либо помощи и не будучи под магическим воздействием.

Март еще раз поискал адрес места жительства, но не нашел. И о родственниках — ни слова.

Мартин и сам не знал, что привлекло его внимание к Камстеру, но решил обязательно посетить архив еще раз и поискать про того более подробные сведения.

Может, его плохо накормили в каком-то местном заведении, и он так расстроился, что не смог жить дальше?

Ерунда какая-то...

Тем не менее Март решил, что не стоит пренебрегать ни одной из версий.

К обеду он был уже в здании гильдии, несказанно удивив Ризаля своим рвением к работе.

От контролера Март узнал, что прошлая ночь была первой за последнюю неделю, когда в гильдию не поступило ни единого заказа на работу черного мага. А сам поделился результатами своего ночного бдения.

— Тоже обратил внимание на самоубийца? — хмыкнул Ризаль, не считая нужным даже обернуться к собеседнику, так и копаясь в содержимом полок архива.

Март стоял за его спиной, опершись плечом об один из уходящих к потолку стеллажей.

— Тоже? — уточнил, выждав паузу, но так и не получив продолжения — контролер уже на что-то отвлекся.

— Угу, — буркнул Ризаль, — сложно не заметить. Самоубийцы у нас случаются нечасто. Но можешь забыть: версия красивая, но тупиковая.

— Почему тупиковая?

За этот вопрос контролер таки обернулся через плечо и одарил подопечного осуждающим взглядом.

В помещении было душно и пахло пылью. Когда Март вошел, то открыл узкое окно под потолком и сделал этим только хуже: пыль, гонимая ветром с улицы, разлетелась по комнате. Поэтому неудивительно, что Ризаль торопился набрать побольше материалов с полок и отправиться в свой чистый, хорошо проветриваемый кабинет.

— Потому что тупиковая, — явно нехотя ответил контролер. — Я с утра все проверил. Холид Камстер, местный, уезжал в соседний округ учиться кузнечному мастерству. Приехал, посидел месяц в этой глуши и тихонько вздернулся, — продемонстрировал Ризаль хорошую память. — Шумных конфликтов не было. Тем более в едальных или питейных заведениях. Из родни тут — мать. Магией не владеет, с магическими делами никак не связана.

Март хмыкнул.

Мать? Уже интересно.

— Может, наняла кого?

И удостоился еще одного нетерпеливого взгляда.

— Швея, которая даже по новым законам не подходит под определение среднего класса? Нас ругают за то, что мы задираем цены. Частники, да еще и готовые преступить закон и сделать все по-тихому, берут вдвое больше. Куда ей? Да и преступница из нее — как из тебя главный злодей.

Март поперхнулся воздухом.

— Действительно, — пробормотал тихо и отвернулся.

Пробежал глазами по корешкам папок, выставленных на

ближайшей полке, выискивая что-нибудь, что могло бы пригодиться.

— Это тебе не этот — как его там? — Гирли. И не бедствует, а все нажиться хочет...

Мартин резко повернулся, но снова уперся взглядом в затылок контролера.

— А что — Гирли?

— Жалобу написал. А я говорил! — Ризаль воздел вверх палец, даже не потрудившись обернуться. Март все чаще задумывался, что не зря он у него такой кривой — явно ломали. — Радуйся, что хоть не в суд подал, а так... нам написал. Сейчас подождем положенные десять дней, извинимся за причиненные неудобства и — пошлем куда подальше. Цени! — И снова палец вверх. Второй раз за минуту.

— Ценю, — сухо отозвался Март.

Стоит начать спорить, и этот палец будет сниться ему в кошмарах.

— Кстати, жалоба у секретаря. Сходи пока, распишись, что в курсе. А то завтра тебя опять до вечера ждать.

— Как скажешь. — Март оторвался от полки.

Отличный план — убраться подальше. Он с удовольствием покопался бы в архиве самостоятельно, несмотря на пыль и духоту, но точно не в компании Ризаля.

Завернув за стеллаж, Март выглянул из-за угла, убедился в том, что контролер все еще занят своими делами, и, вместо того чтобы направиться в сторону выхода, завернул в секцию

личных дел. Прихватил недавно возвращенную Ризалем на полку папку с именем «Холид Камстер» и свежую, только недавно заведенную, с надписью «Рибон Гирли».

И только после этого покинул архив.

Подписав ознакомление с жалобой, Мартин и вовсе сбежал из здания гильдии, пока Ризаль опять не осчастливил его своей компанией.

Если контролер сказал правду, то Рон, хозяин суденышка, на котором вывели беглецов Глостеров, пока не возвращался, но его ждут в порту с распростертыми объятиями — и кандалами. Однако было ли это стратегическим отступлением или стандартной задержкой, Март не знал. А потому решил еще раз навеститься в «Одинокую подкову» и пообщаться хотя бы с Камиллой, если не с Кардом.

— Ма-а-арт, — пропела та, ставя перед ним поднос с обычным заказом, — рада снова видеть в нашем скромном заведении! — Яркие крашеные губы девушки широко улыбались, в то время как в глазах плескалась тревога.

— Составишь компанию? — Мартин кивнул на соседний стул.

Камилла хихикнула, изображая для других посетителей таверны, что польщена вниманием.

— Ты же знаешь, что у меня много работы, — ответила преувеличенно громко, чтобы ее наверняка услышали. А по-

том склонилась, коснувшись его щеки кончиками пальцев, будто собиралась поцеловать. — Его до сих пор нет. Я скоро на стенку полезу от волнения. Сделай что-нибудь, — раздался над ухом горячий шепот.

Март перехватил ладонь девушки и поцеловал.

— Я всегда к твоим услугам.

Камилла лишь чуть смежила веки, без слов говоря, что будет ждать, и правда убежала к другим клиентам.

Мартин остался за дальним столиком в одиночестве.

Кард не просто так называл Камиллу своей женщиной. Если приятель на время залегал на дно, прячась от служителей закона, то всегда предупреждал ее о своих отлучках. Она была для него много большим, чем просто любовницей. Спутницей жизни, вероятно, без официальных обрядов и клятв. Но где Кард, а где общепринятые мерки?

Сказал бы Ризаль, если бы власти вышли на Карда и арестовали? Вероятно, сказал бы. Но Ризаль далеко не руководящее звено гильдии. А ведь есть еще и стража, у которой тоже наверняка зуб на проделки Карда.

Легко пообещать Камилле что-то выяснить и сложно сделать...

Март оставил на столе плату за обед и поднялся.

Выяснить, куда делся Кард, он непременно попробует. А вот заходить в «Подкову» пока небезопасно и не имеет никакого смысла.

Чтобы не «светить» взятые без спроса бумаги, Мартин отправился домой.

Нужно было прочесть досье и вернуть их на место до того, как Ризаль спохватится о пропаже. Не хватало еще, чтобы контролер решил, что подопечный ему не доверяет и перепроверяет вариант, который тот уже счел гиблым.

Досье Холида Камстера полностью соответствовало тому, что рассказал о нем Ризаль: не женат, только выучился, вернулся, повесился. И точно сам.

Несчастливая любовь? Депрессия после возвращения в захолустье, как предположил контролер гильдии?

Об этом в бумагах не говорилось, да и следовательно, судя по всему, не слишком-то вдавался в причины случившегося — убедился, что убитый сам наложил на себя руки, и успокоился.

Про мать Ризаль тоже не соврал и не преуменьшил. Швея, небогатая. Адрес: «Прибрежная...» Точный адрес оказался нечитаемым из-за жирной кляксы на месте номера дома. Прибрежная тянулась едва ли не через все Прибрежье, начинаясь у северной окраины и заканчиваясь у кладбищенской ограды. Большая часть горожан могла указать в адресе своего проживания эту улицу.

Прибрежная — главная артерия Прибрежья. Что совершенно не давало зацепок.

Может, Ризаль прав, и он просто зацепился за самоубий-

цу, потому что подобное в тихих городках случается нечасто?

И все же...

Мать — Гелена Роуг, швея.

Нет, это имя Март тоже ни разу не слышал и ни в одних документах не встречал упоминания ни о какой Гелене.

Перечитав все сведения, собранные о несчастном Холиде Камстере, Мартин смирился с тем, что чутье его подвело. Ризаль был прав: смерть этого парня — просто запоминающееся событие в тихом городке, не более.

Март разочарованно отодвинул от себя папку.

Вечерело. Стоило вернуть документы на место, пока их не хватились.

Он уже начал вставать, когда его взгляд наткнулся на папку с другим именем — «Рибон Гирли». Кой черт его вообще дернул взять ее с собой? Гирли не первый и не последний, кто написал жалобу в гильдию. До суда такие все равно не доходят — пробуют получить легкую компенсацию и быстро снимают, когда понимают, что свою правоту перед законом еще следует доказать.

Тем не менее Мартин все же развязал папку. Перевернул пару страниц, лениво скользя глазами по строкам.

Родился, женился, овдовел, снова женился. Дочь, замужем... Ничего интересного или требующего внимания.

Март уже собирался захлопнуть бесполезную папку, как его взгляд зацепился за адрес: Гирли с женой проживали на

Морской. Это как раз неподалеку от «Кролика и лиса» и чертовски далеко от кладбища, где Мартин разговаривал с якобы его женой.

Март назвал ту женщину «госпожа Гирли», и та не возражала, только удивилась такому обращению...

Вышитый платок на ее плечах — штучная работа...

Ткацкий станок, край которого он видел из-за двери...

Швея...

Улица Прибрежная...

Мартин вскочил на ноги.

Глава 8

Лошади в Прибрежье были роскошью. Не потому, что их покупка, содержание или аренда стоили дорого, а потому, что в городке их почти не было.

Все Прибрежье можно было обойти пешком за какие-то пару часов пешей прогулки, торговля осуществлялась в основном морем. Поэтому конюшни на несколько лошадей имелись в магистрате для дальних поездок управленцев и у начальника стражи — на случай экстренного вызова. Гильдия магов тоже владела парой коней, но использовали их строго для путешествий за пределы города, и просто так, без особых распоряжений от руководства свыше, к ним никто не допускался.

Обычные жители города лошадей не держали, не испытывая в них необходимости. Тот же Кард владел серой пожилой лошадкой, той самой, что недавно впрягали в телегу для вывоза тел с кладбища. Но это было скорее исключение из правил. И где подельник прятал животное, когда оно было ему не нужно, Март не знал и никогда не интересовался.

В первое время после переезда в Прибрежье для него было дико и непривычно перемещаться исключительно на своих двоих. Потом привык.

Вот и сейчас время, которое пришлось потратить на дорогу до домика странной женщины, подавшей ему нож во

время борьбы с нежитью в трактире «Кролик и лис», было не лишним — можно было подумать.

Март и сам не знал, почему сорвался с места, едва уловил несоответствие в записях. По уму, следовало немедленно связаться с Ризалем и взять с собой подмогу. Еще умнее было бы проинформировать контролера о том, что выяснил, и предоставить гильдии, а может, и страже разбираться дальше самим.

Однако Мартин не всегда действовал «по уму». А вот отвечать за каждое свое действие и просчитывать его вероятные последствия старался всегда.

И сейчас он четко представлял, что последовало бы, сообщи он Ризалю о том, что женщина, живущая на конце улицы Прибрежной, не та, за кого себя выдает. Не было бы этой женщины. К утру уже не было бы. Взяли бы и допросили так, что она признала бы себя виновной в чем угодно, хоть в убийстве предыдущего короля.

По сути, Марту не было до нее никакого дела.

Но и ей не было дела до мага, валяющегося по полу в обнимку с нежитью, без спроса вселившейся в чужое тело.

Мартин справился бы и без ножа. Однако не мог не признать: нож здорово упростил ему задачу, сэкономил драгоценные секунды, и, возможно, спас девушке Ларке жизнь. А значит, Март в некотором роде должник этой женщины, женщины, о которой чем больше он думал, тем меньше что-либо понимал.

Гелена Роуг, мать почившего Холида Камстера — в этом он уже не сомневался. Но в показаниях свидетелей во время инцидента в «Кролике и лисе» такого имени не значилось, а Март своими глазами видел, как стража допрашивала женщину, которую ждал у ворот беснующийся «муж».

Она и назвалась Сара Гирли. В то время как, согласно личному делу, супругу Рибона Гирли звали Аланта. Не возразила Марту, когда он назвал ее этой фамилией. Еще и сослалась на мужа, который вот-вот должен был прийти.

А Гелена Роуг, согласно личному делу, значилась вдовой.

И дара у нее совершенно точно не было: ни светлого, ни темного — никакого. Март отчетливо помнил ее ауру — самая заурядная, колышущаяся и неровная по краям вследствие недавно пережитого стресса, но совершенно обычная.

Значит, все же наняла какого-то темного, чтобы отомстил за сына?

Но где она могла найти в Прибрежье мага такого уровня, следов деятельности которого даже Мартин не смог отыскать?

Если Ризаль, как и все белые, был лишь поверхностно знаком с тем, как работают темные и откуда они черпают энергию, то Март в свое время прилежно учился. У него были лучшие учителя: сперва — отец и нанятые высококвалифицированные педагоги, затем — старик Халистер, выделявший Мартина из остальных воспитанников с первых дней его появления в приюте. А потому Март знал — не просто

знал: был уверен, — что, чтобы так мастерски замести следы, черный маг должен был потратить колоссальное количество энергии, даже если брать в расчет, что тот запаса амулетами-накопителями. Это сказки для детей, что много амулетов дает много силы. «Мастери, малыш, свое колечко, мастери, оно утроит твою силу»... Все враки. Накопитель поможет подпитать резерв, когда он начнет истощаться, но ни один маг не способен использовать сил больше, чем в его резерве заложено изначально.

Возможно, у белых имелись какие-то лазейки, хитрости на этот счет. Мартин не обладал знаниями о тонкостях светлого искусства — это только между своими. Но о том, как работают черные, знал наверняка.

То, что проделали на местном кладбище, было под силу всего нескольким магам Реонерии. Возможно, Март смог бы. Однако глупо было бы рассчитывать на то, что еще кто-то настолько сильный незаметно появился в крохотном Прибрежье.

Когда сам Мартин приехал сюда и только-только раздумывал, как бы попроситься работать в гильдию, чтобы легализовать свое положение в городе и не вызвать подозрений, то он не успел ничего предпринять, как представители гильдии сами пришли к нему и предложили работу.

Можно было бы прикрывать свою истинную ауру «щитами». Но эта версия — еще одна из нереалистичных: никто не способен держать «щиты» так долго. А это означало, что

все теории были ошибочными.

Да и прав был Ризаль: если бы случилось чудо и горюющая мстительница-швея наняла почти что всемогущего черного мага (а другой бы точно не справился), то откуда у нее такие деньги?

Версия за версией, и все — провальные.

Пешая прогулка не помогла: ответов Март так и не нашел.

Но очень хотел узнать правду.

Настоящую.

Не ту, которую выбьют палачи.

Вечерело. В это время посещения кладбища уже не предполагались, и его успел обхватить защитный контур, очертания которого угадывались в лучах заходящего солнца.

Широкая улица сужалась, завершаясь. Мартин бросил быстрый взгляд на пустой погост, над которым неустанно кружило несколько ворон, и направился к уже знакомому домику, расположенному почти у самых кладбищенских ворот.

На окне соседнего дома дрогнула штора, но наблюдатель пожелал остаться незамеченным.

Март вошел в покосившуюся калитку. Петли протяжно скрипнули, разрезав тишину, воцарившуюся над кладбищем и нарушаемую лишь редким карканьем ворон.

И снова — тишина.

Мартин бросил взгляд на пустую конуру с прогнившей

крышей и оборванной на конце ржавой цепью, валяющейся неподалеку. Вот что его смутило: пес на постоялом дворе обычно подавал голос на скрип калитки, от которого просыпался. Этот же дом встретил Марта тишиной во второй раз.

А ведь в прошлый его визит хозяйка ясно сказала: выглядывала ночью из окна потому, что ее разбудил собачий лай. Почему он не обратил внимания, что никакой собаки во дворе нет? Слишком глубоко ушел в теории заговора и растерялся при встрече знакомого лица — вот почему. Непростительная оплошность.

Озираясь по сторонам, чтобы и на сей раз не допустить глупых ошибок, Мартин приблизился к домику. Маленький, давно не крашенный, с кривыми не только калиткой и оградой, но и крышей, он выделялся среди соседних, тоже небогатых, но ухоженных жилищ. Такие бывают у пожилых людей или одиноких женщин, нуждающихся в мужской силе при ведении хозяйства.

Почему все эти мелочи он заметил только сейчас?

А еще ругал Карда за неосмотрительность в выборе клиентов. Сам-то хорош. Ошибка за ошибкой...

Тишину прервало оглушительное карканье ворон.

Март обернулся: четыре птицы кружили над кладбищем черным вихрем. Что-то почувствовали? Кто-то их напугал?

Уже стоя на крыльце, он вытянул шею, оглядывая окрестности, но не заметил никого и ничего, кроме испуганно кричащих ворон. Магический фон тоже был чист — ни единого

всплеска.

— Что вы чувствуете? — пробормотал Март, обращаясь к перепуганным птицам.

Они ответили громким встревоженным карканьем, которое вдруг резко оборвалось, а сами вороны, одна за одной, стремительно полетели к чернеющему вдалеке лесу.

Мартин передернул плечами.

То, что происходило, ему не нравилось. Сумерки — самое опасное время, когда грань между мирами истончается. Нельзя пренебрегать знаками, полученными в сумерках. А чем еще было поведение ворон, если не знаком?

Уже не зная, что и думать, и до сих пор не понимая, чем ему может угрожать слабая женщина без дара, Март скорее рефлекторно, нежели осознанно, извлек из кармана последнее имеющееся в его арсенале кольцо-накопитель и надел его на палец. Окутал себя «щитом».

Пусть потом он сам посмеется над собой из-за своей излишней предосторожности, но дурное предчувствие было столь велико, что Март решил им не пренебрегать.

Постучал.

Внутри стукнула щеколда, дверь медленно приоткрылась.

Все точно так же, как в тот раз: хозяйка вновь даже не спросила, кто к ней пожаловал, а сразу открыла дверь.

Еще одна мелочь, на которую Мартин не обратил внимания. Возможна ли такая беспечность у слабой женщины, живущей на краю кладбища?

Все было так же, как в его предыдущий визит. Кроме одного: дверь открылась, но за ней никого не оказалось. Перед глазами предстал узкий проход в глубину дома, по которому в прошлый раз пятилась хозяйка, да угол ткацкого станка, придвинутого к стене в тесном помещении.

— Госпожа Гирли? — осторожно позвал Март. Хотя какая она, мать ее, Гирли?

Мартин шагнул за порог...

А в следующее мгновение его ослепило и оглушило нестерпимо яркой вспышкой.

Все, что он успел сделать, это пустить дополнительный поток энергии в обволакивающий его «щит».

Потом свет померк.

Март не знал, сколько прошло времени, но, когда он вновь начал осознавать себя, пришла она — *боль*. Мощная, всепоглощающая, выбивающая слезы из глаз и сворачивающая все внутренности в тугой узел.

«Любая боль рано или поздно пройдет», — в детстве говорила ему мать, дуя на разбитые коленки или на очередную ссадину, полученную в вечном противостоянии с сестрой. Он всегда пытался быть аккуратнее и не поранить эту упертую девчонку, вредную, но все же свою, в то время как та дралась всерьез.

Почему-то сознание зацепилось именно за эти слова: «ра-

но или поздно пройдет». Март словно наяву услышал ласковый голос матери и даже почувствовал бережное касание к волосам.

Всего лишь воспоминание, вдруг ставшее таким ярким, что боль физическая и правда отступила; уступила место совсем другому, застарелому, но куда более сильному чувству — вине. Чувству, к которому Март давно привык и с которым умел справляться одним простым способом — научился его принимать.

Он называл их про себя призраками за своей спиной, своими призраками. Как в песне, которую пела нянька в приюте. Та песня была о несчастной любви, но тогда еще юный Мартин нашел в ней нечто свое — о себе. У него тоже были «призраки». Не призраки фактически, не сгустки энергии, которые можно развеять правильным применением магии. Другие, такие, которые будут жить, пока жив он сам.

Первым «призраком» была мать, не дожившая нескольких минут до спасения. Кем бы ни являлся Ширадин, он был против убийства женщин и детей. Коршун защитил бы ее так же, как не позволил умереть им с сестрой. Но Март был самонадеян и глуп, возомнив себя спасителем. И если бы он не взорвал голову пришедшего за ними убийцы, словно та была переспевшей тыквой, его мать осталась бы жива. Пара минут...

Потом был Бориш.

Были другие...

«Призраки» и вернули его назад. Март должен был им слишком много, чтобы умереть сейчас. В этом домике на окраине, по своей же глупости и неосторожности.

«Призраки» никогда не позволяли ему сдаться.

Март задышал ровнее. Боль почти полностью ушла, оставив после себя лишь отголосок в виде звона в ушах.

Открыл глаза и уперся взглядом в... темноту. Работа органов чувств постепенно восстанавливалась. Сперва Мартин почувствовал холод, влажность воздуха и запах сырой земли и только потом услышал шаги, скрип половиц и приглушенные голоса.

Звук шел откуда-то сверху.

В какой-то момент Март почувствовал себя заживо погребенным. В дощатом гробу, по крышке которого кто-то нетерпеливо вышагивал, отбивая каблуками тяжелую дробь, отдающую эхом до самого желудка. Потом окончательно пришел в себя и приподнялся, обнаружив, что его движения не сковывают узкие стенки гроба — вокруг много места в ширину и мало в высоту. Удалось только неловко сесть и уже практически упереться макушкой в доски над головой.

Мартин поводил руками вокруг: ладони нащупали влажную холодную землю — никакого настила. Потом пальцы наткнулись на что-то гладкое и тоже холодное. Похоже, на какую-то банку.

Выходит, скрипели действительно половицы. А он сам оказался в погребе.

Не рискуя и не зажигая свет — все-таки, кто-то вышагивал по скрипучим половицам совсем близко, — Март потянулся к своему дару и обнаружил то, о чем уже догадался. резерв был наполовину пуст. Когда его ослепило вспышкой, Мартин инстинктивно вбросил все силы в «щит». Вероятно, это и спасло ему жизнь.

Настораживало то, что резерв при таком выбросе должен был быть опустошен куда сильнее. А это значило либо то, что Март ошибся в оценке растраты энергии, либо то, что он провел в погребе гораздо больше времени, чем ему показалось.

Тело затекло и плохо слушалось, поэтому второй вариант был вероятнее и гораздо хуже первого.

Март сцепил зубы и перевел учатившееся дыхание. Судя по всему, он провел тут немалое количество времени, поэтому спешка уже ни к чему.

Прошелся ладонями по своему телу: на месте оказались и плащ, и обувь, и даже кольцо на пальце. Его не раздели, не связали и, учитывая кольцо и оставшийся в сапоге нож, даже не разоружили. Неужели сочли мертвым?

Мартин поменял положение, встав на колени и окончательно упершись головой и плечами в доски. Коснулся кольца-накопителя, и теплая энергия потекла от пальцев вверх, наполняя полупустой магический резерв.

Шаги на «потолке» стали громче, а голоса различимее. Говорили двое: мужчина и женщина.

— Нет, я так не могу, — сказал дрожащий женский голос, уже хорошо знакомый Марту. — Сколько еще он будет там лежать?

Заскрипел ножками по половицам стул, шаги смолкли. Последовал женский всхлип.

А затем наступившую тишину разрезал молодой мужской голос:

— Не реви! Сколько тебе говорить? Мы не можем его вынести, пока поблизости вынюхивает Гильдия магов. Видела, сколько народу нагнали?

— Видела... — тяжелый вздох.

— И сжечь не можем, — продолжал мужчина, — соседи заметят дым. Пусть полежит. — Смешок. — Не испортится, в подполе холодно.

Что правда, то правда. Не будь на нем плаща, не факт, что Март и вправду не замерз бы насмерть, прежде чем очнулся.

Сколько же прошло времени, что гильдия всполошилась?

— А если они почувствуют? — вновь испуганно заговорила женщина. — Они же маги.

Мужчина пренебрежительно фыркнул.

— Не почувствуют. Мы вместе рисовали запирающие знаки. Уже бы почувствовали, если бы могли. Вон как тот белый вынюхивал, даже усы шевелились, как у собаки-ищейки.

Выходит, сам Ризаль отследил его маршрут...

Женщина снова всхлипнула.

— Не реви, — одернул мужчина.

— Это неправильно, — плакала та. — Он ничего тебе не сделал. За что ты его? Он же младше тебя, совсем мальчишка.

— Нашла кого жалеть — черного.

— Ты бы видел, как он бился за ту девочку, хотя мог изжарить ее в два счета.

— Видел, — коротко и зло. Затем обвинительно: — Ты дала ему нож.

Плач женщины перешел в рыдание, даже половицы задрожали.

— Зачем ты это делаешь? — донеслось сквозь всхлипы.

— Кто ты? Ты не мой сын!

— Он самый... мама.

У Мартина ногти впились в ладони. Это же надо было быть таким идиотом! В документах значилось, что призрак самоубийцы не проявился. Гильдией умерший был признан упокоенным, и Марту даже не пришло в голову, что эта информация может быть недостоверной.

Вот почему, когда заговаривал мужской голос, смолкали женские всхлипы. Вот почему скрипел только один стул. Вышагивала только одна пара ног.

Гелена Роуг и была одна — физически. А в ее теле жили двое: мать и сын.

И ясно, почему ни Март, ни другие маги не почувствова-

ли в ней «подселенца» — кровное родство прячет следы. Если человек добровольно впускает в себя дух кровного родственника, то аура не меняется, а магический фон не искажается. Не знаешь, что искать — не найдешь.

Оставалось лишь непонятно, что же они сделали, что пробудили нежить с кладбища. Родство родством, но магией не владели ни мать, ни сын.

— Давай прекратим, пожалуйста, — взмолилась женщина. — Ты меняешься, тебе становится хуже. Я люблю тебя, но ты должен уйти!

— Заткнись! — Хлопок, будто кулаком по столешнице. Покатилась посуда, упала на пол, разлетелась осколками. Плохо. Если сын начинает швырять предметы, используя тело матери, а не только нашептывая ей, что делать, значит, он становится сильнее.

Мартин размял пальцы и удовлетворенно отметил пробежавшие между ними черные искры магии. Может, запирающие знаки, которыми эта парочка изрисовала погреб, и прячут магический фон от любопытных глаз, но против грубой силы картинки не помогут.

Недолго думая, Март лег на пол, упер ноги в «полоток» и ударил.

Результат превзошел его самые смелые ожидания — половицы разлетелись в стороны, как труха.

Глава 9

Мартин быстро оказался в комнате. Хотел спалить одним ударом и носителя, и «подселенца». Старым добрым методом, поощряемым гильдией, которого он так долго стремился избегать. Уже вскинул руку...

— Живой, — сорвалось с искусанных в кровь губ с таким облегчением, что рука опустилась.

Женщина, как он уже не сомневался, была в комнате одна. Только теперь, когда знал, куда смотреть и что искать, Март отчетливо видел черную пульсирующую сущность посреди ее солнечного сплетения. Крошечную, не больше горошины, но плотную и откормленную материнским горем настолько, что она почти взяла контроль над чужим телом.

Мартин отряхнул пыль и щепки с плеч и волос. Все это время женщина следила за ним затравленным взглядом, вжавшись в угол комнаты.

— Да как ты!.. — попробовал было встрять мертвый сын, но Март выбросил вперед руку и сжал пальцы в кулак.

Грубый мужской голос оборвался, а Гелена Роуг в испуге схватилась за горло.

— Упокоим добровольно? — поинтересовался Мартин, все еще держа руку перед собой и не давая захватчику тела вмешаться.

Женщина отчаянно закивала. Из глаз по впалым щекам

покатились крупные слезы.

Март кивнул, сам не зная, кому больше: ей или собственным мыслям. Подошел ближе. Та инстинктивно попятилась.

— Не двигайтесь, — попросил он. Наконец разжал кулак и приложил ладонь к тому месту, где пульсировала яростная, переполненная ненавистью и злобой черная точка. Женщина дернулась от прикосновения. — Я не причиню вам вреда, — пообещал Март. Та закивала, тем не менее вжалась лопатками в стену.

Под воздействием черной магии точка внутри тела женщины сжалась и ослабела, походя теперь не на горошину, а на крохотное зернышко. Гелена задышала чаще.

— Легче, — прошептала она с таким удивлением, будто он только что снял с ее плеч тяжелый груз.

— Будет еще легче, — ответил Март.

Поискал глазами посуду, из которой можно было бы пить. Нашел ведро с водой и ковш (глиняная кружка осколками валялась у ног). Набрал в ковш воды, после чего достал из сапога нож, который с недавних пор не забывал брать с собой, закатал рукав и резанул по предплечью. Бордовая струйка побежала в посуду, быстро смешиваясь с прозрачным содержимым.

Можно было бы напоить женщину непосредственно кровью, как он поступил с Ларкой. Но та была не в себе, а эта — в сознании.

— Выпейте, — протянул ковш хозяйке. — Так надо.

Та снова закивала. Набрала в грудь побольше воздуха, решаясь, и выпила содержимое посуды залпом.

Черное «зернышко» исчезло.

Ноги женщины подогнулись, и она бы рухнула на пол, если бы Мартин ее не подхватил и не помог сесть на стул. Ножки стула вновь протяжно скрипнули.

— Спасибо, — пролепетала Гелена.

— Садитесь и рассказывайте, — велел Март. — Рассказывайте с самого начала.

— Он бросил учебу. Мой Холли... — голос женщины звучал глухо, но она отчаянно старалась не расплакаться вновь, а рассказать все с самого начала, как и просили.

Мартин нашел еще один стул в другом конце помещения, поставил рядом со столом и тоже сел. Что-то подсказывало ему, что история будет долгой.

— Не знаю, с кем он связался, мой Холли... Сказал, что кузнецкое дело для дураков. Для тех, кто только и может стучать молотом, а не думать... Его отец был кузнецом... Я не предполагала...

— Не отвлекайтесь, пожалуйста, — попросил Март. — Воды вам налить?

В ответ женщина быстро замотала головой.

— Спасибо... напилась.

Крови в воде было немного, вряд ли Гелена хотя бы по-

чувствовала вкус. Но впечатлило это ее куда больше, чем тот факт, что в нее вселился свой собственный сын.

Продолжила:

— Холли сказал, что видел в городе рес-то-ра-ны, — произнесла она по слогам незнакомое слово, — не харчевни, не таверны — рестораны. Он хотел открыть свой. — Так вот откуда тяга нежити к местам общественного питания. Март кивнул, поощряя продолжить. — Рецепты с собой привез, старался. Он был так счастлив... — На глаза матери навернулись слезы. — Я и правда думала: какой кузнец, не его это... Холли заработал в городе денег. Для открытия места этого, конечно, было мало, и тогда он решил, что обязательно сразу открывать в Прибрежье диковинный рес-то-ран — можно сперва попробовать переделать что-то, что есть, донести свои идеи до тех, кто уже давно занимается этим делом. Он прошел по всем харчевням, постоялым дворам, трактирам и тавернам. — Да, в крохотном Прибрежье таких заведений имелось гораздо больше, чем поголовья лошадей. Горожане почти не готовили дома. — Везде его осмеяли, опозорили. Крол и вовсе... отлупил... — С этого станется, Март даже не удивился. — И деньги отнял.

Мартин чуть было изумленно не спросил: «Он что, носил все заработанное с собой?» Но вовремя прикусил язык. Не ему ужасаться глупости и неосторожности других. Сам в эти дни отличился — хуже некуда.

— Холли хотел пожаловаться в магистрат, — продолжала

Гелена уже спокойнее, уперлась взглядом в сцепленные на коленях руки. — Но Крол пригрозил, что будет хуже. Сказал, что у него все схвачено, везде свои люди. — Тяжелый вздох. — Так оно и есть. — Март скрипнул зубами. — Довел он моего мальчика, довел. Холли не выдержал. Ранимый он был — и правда, какой из него кузнец? Руки на себя наложил.

— Вы были дома? — уточнил Март, уже представляя, что было дальше.

Женщина замотала головой, не отрывая глаз от своих пальцев, теперь теребящих подол цветастой юбки.

— Уходила на рынок. Пришла... А он — висит...

Гелена замолчала. Не плакала, не всхлипывала — просто молчала, уставившись в одну точку.

— Вы видели призрака? — уточнил Март.

— Слышала... он будто позвал меня, мой Холли... — На этот раз женщина зарыдала, закрыв лицо ладонями.

Мартин отвернулся.

Побарабанил пальцами по столешнице, повернувшись вполоборота и осматривая помещение. Окна узкие, шторы плотные — мало света, хотя на улице день. Травы и овощи на тонких нитях под потолком, плед с заплатами на узкой койке с прогнувшимся основанием.

«Лучше бы матери в доме помог, чем вешался», — подумал Март раздраженно.

Что произошло после смерти Холида, было уже ясно. Призрак сформировался, «постучался» к матери, а ему «от-

крыли». Ей казалось, что любимый сын всегда рядом, смотрит на нее с небес, как любят выдумывать люди. А он рос в ней и питался ее любовью и скорбью, пока почти полностью не утратил прежнюю личность и не захватил чужое тело.

Гелена была права, ее сын изменился. А не упокой его Март сейчас, через пару месяцев он уже не помнил бы ни мать, ни собственное имя — просто убивал бы.

Молчание затянулось, и Мартин снова повернулся к женщине. Она уже успокоилась и сидела, ссутулив плечи, будто ждала приговора.

Март вздохнул.

— На кладбище что делали? Откуда узнали, как рисовать знаки? — Он качнул головой в сторону зияющего темнотой погребка с разбитой крышкой.

Гелена с опаской подняла на него глаза. Март прямо смотрел в ответ.

— Прабабка моя владела даром, — призналась женщина, найдя что-то во взгляде собеседника и вновь опустив свой. — У нас уже не осталось в крови магии. Смотрели при рождении — нету. А видать, крошечная искорка осталась.

«Искорку», как она выразилась, в четвертом и уже тем более пятом поколении не разглядеть. Это словно кровь, разведенная в воде, которую Март заставил выпить несчастную, — слишком мало, чтобы почувствовать вкус, а действие есть.

— Книга? — уточнил он, уже не сомневаясь в своих умозаключениях.

— Книга, — обреченно призналась та.

Под действием нужных заклинаний, рисунков и другого вспомогательного материала могла заиграть и крошечная капля крови в бочке с водой.

Все оказалось так просто.

Столько жертв...

— Зачем?

Мартин произнес свой вопрос негромко, но женщина вздрогнула, будто ее хлестнули плетью.

— Он не знал, мой Холли... — призналась тихо. — А когда его голос поселился в моей голове, сказал, что теперь знает все, что знаю я. Я просто ее хранила как наследие. Ни разу не открывала... Он испугался, понял, что натворил... Мы хотели его оживи-и-ить... — Женщина вновь зарыдала.

— Гениально, — пробормотал Март.

Она не слышала.

— Мы что-то напутали, — продолжала признаваться в содеянном.

Напутали. Злость на Крола и его коллег вмешалась в ритуал, и вышло то, что вышло.

— Как вы попали в «Кролика и лиса»? — задал Мартин свой последний вопрос. — Почему Гирли?

Гелена пожала острым плечом.

— Мы давно знакомы. Он завсегдатай в «Лисе». Я попросила взять меня с собой. Денег обещала. Хотела взглянуть Кролу в глаза... А тут... Я уже слышала, что в городе беспо-

рядки с нежитью, но я не думала... Потом... испугалась.

И вот почему Гирли злился, ожидая у ворот свою спутницу: навязалась, а потом влезла в дела с гильдией и стражей, не успев отдать обещанных денег. А Март счел его ревнивым супругом. Впрочем, по морде он ему съездил не зря — заслужил, беря деньги за ничего не стоящую ему услугу у убитой горем матери, еле сводящей концы с концами.

Мартин встал, и женщина испуганно вскинула на него глаза.

— Книгу отдайте.

Та вскочила, бросилась к кровати, вынула тяжелый фолиант из-под матраса.

Март взвесил книгу в руке — тяжелая. А главное — опасная. Знаки и заклинания давно не использовались. Запретное, забытое мастерство предков.

Мартин сунул увесистый фолиант под мышку и направился к двери.

— Стой! — ахнула Гелена. — А как же я? Меня же нужно судить!

У нее было такое отчаяние на лице, будто она жаждала своего приговора больше всего на свете. Но Март не решал проблемы с чужой совестью.

Он обернулся, взмахнул рукой. Повинуясь его магии, щепки, усеявшие все пространство вокруг темного провала погребя, взмыли в воздух, соединяясь друг с другом и вновь превращаясь в дверцу, а затем вернулись на место.

— Я не тот, кто вам нужен, — сказал Мартин. — Я не судья.

После чего накинул на голову капюшон и вышел за дверь.

Как он и думал, все самое важное — всегда на виду. Запирающие знаки, так идеально «зачистившие» погост, обнаружились у основания каждого столбика кладбищенской ограды. Шли дожди, частично смыв краску остальное доделала грязь. Неудивительно, что Март ничего не нашел, как ни искал.

Еще пара таких дождей, и знаки смоются сами собой.

Мартин последний раз обернулся на покосившийся домик Гелены Роуг, сунул тяжелую книгу под плащ, чтобы не привлекать внимания, и быстро зашагал к центру города.

Только по дороге сообразил, что забыл уточнить, сколько дней он провел в погребке, пока восстанавливался его резерв.

Судя по всему, не один.

Глава 10

Мартин быстро пронесся по первому этажу постоянного двора. Кивнул Ларсу, криво улыбнулся его супруге, при его виде привычно осенившей себя святым знаком. И сразу по лестнице — к себе.

Книгу он укрыл «щитами», сделав невидимой для любопытных глаз. Однако ее вес от этого не убавился, и Март мечтал поскорее избавиться от своей ноши. А потом переодеться, непременно переодеться, потому что вся его одежда пропиталась пылью и запахом сырой земли.

Спрятав древний фолиант в тайник, он как раз начал раздеваться, когда прямо перед ним в воздухе материализовалось послание.

Март закатил глаза от нетерпения Ризаля и выхватил листок из еще не успевшей исчезнуть магической воронки.

«Где тебя черти носят?» — гласила записка.

Мартин хмыкнул. Контролер обожал упоминать мистических чертей. Он и сам несколько раз ловил себя на том, что использует их в своей речи — прилипчивые эти черти.

Март поленился искать чистый лист, подошел к столу, написал ответ на оборотной стороне этого же: «Сейчас буду», — и сразу отправил адресату.

Выходит, Ризаль и впрямь потерял своего подопечного и забил тревогу. Если тут же почувствовал его появление вне

зоны запирающих знаков, значит, отслеживал.

Повезло, что не перехватил по дороге. Таскаться по городу с книгой прабабки Гелены Роуг — то еще удовольствие.

Наскоро ополоснувшись водой из умывальника прямо в комнате, Март переоделся и сбежал вниз по лестнице.

На первом этаже было пусто. Разгар дня — время, когда Мартин обычно только просыпался и спускался на завтрак.

— Ларс, — окликнул он хозяина постоянного двора, старательно натирающего куском замши бок позолоченного чайничка.

Мужчина оторвал взгляд от своего отражения в блестящей поверхности посуды и вопросительно приподнял брови.

— Да, господин маг? — Ларс снова вел себя как сама любезность. Будто и не было их прошлого разговора, когда тот рассказал о свадьбе дочери.

— Сколько меня не было?

Хозяин постоянного двора изумленно заморгал. Март нетерпеливо сжал челюсти: он что, задал такой сложный вопрос?

— Так это... — растерялся под его пристальным взглядом Ларс. — Дня три, кажись. Я же не слежу...

Март выругался, не сдержался.

Немудрено, что Ризаль рвет и мечет, почувствовав возвращение подопечного и приняв его отсутствие за самовол-

ку.

Ларс все еще топтался за стойкой, во все глаза смотря на обычно спокойного и сдержанного постояльца. Его рука так и замерла на золотистом боку чайника.

— Спасибо, — рассеянно пробормотал Мартин и двинулся к двери.

Жена Ларса, как раз расправляющая на окне шторы, инстинктивно сделала шаг назад, увеличивая между ними расстояние; повторила святой знак перед своим лицом.

Обычно Март не реагировал на ее выходки — не она первая, не она последняя. Но сегодня он пребывал под впечатлением от истории матери и сына.

Одни знаки изображают, другие, не понимая их силы и опасности, рисуют где ни попадя...

— Да хватит уже! — рывкнул Мартин на пятящуюся женщину так, что та вросла в пол, вытянув руки по швам. — Осточертело. — Хлопнул дверью.

Прилипчивые эти черти, он же говорил.

— Где ты был?! — Когда он появился в кабинете Ризаля, тот даже вскочил и кинулся навстречу, чего с ним раньше не случалось.

Не уловив, собирается контролер обнять его или задушить, и опасаясь как того, так и другого, Март на всякий случай выставил перед собой руки.

— Спокойно, я все объясню.

Ризаль и правда словно напоролся на невидимую стену, даже смутился. Похоже, вскакивая из-за стола и бросаясь вперед, он сам толком не решил, зачем это делает.

Наконец контролер определился с линией поведения и сурово сдвинул светлые редкие брови.

— Объясни уж, будь любезен. — Припечатал подопечного взглядом и уже спокойно и даже излишне медлительно прошествовал к столу.

Мартин набрал в легкие побольше воздуха. Врать — так вдохновенно. А собирался он именно врать.

— Меня похитили.

Ризаль, устроившийся за столом и успевший подпереть кулаком щеку, изумленно выпрямился и моргнул.

Март мысленно усмехнулся: эффект достигнут.

— А ты к ауре присмотришься. — Он отодвинул стул для посетителей и тоже сел, точно напротив контролера. — Видишь?

Ризаль недоверчиво нахмурился, затем прищурился, вглядываясь.

Мартин только надеялся, что не ошибся в своих выводах. Жаль, что собственную ауру увидеть невозможно.

— Черт, да она у тебя вся в дырках, как у покойника! — наконец ахнул контролер. Его глаза запылали любопытством. — Рассказывай.

Как у покойника, значит? А ведь заклинание из книги и

правда чуть его не убило. Спасли дополнительные «щиты» и природная живучесть.

Март удрученно пожал плечами.

— Нечего рассказывать. Я опять пошел к кладбищу, ду-
мал, вдруг на сей раз удастся что-то обнаружить. Обошел его
несколько раз, а потом — вспышка. — Для наглядности он
резко вскинул перед собой руки с растопыренными пальца-
ми.

— Какая вспышка? — не понял Ризаль.

Мартин поморщился.

— Яркая, — буркнул коротко.

И это была единственная правда, которую он собирался
сегодня сообщить контролеру.

Светлый медленно кивнул, анализируя услышанное.

— И что было дальше?

Поверил, удовлетворенно отметил Март.

Дернул плечом и отвел взгляд.

— Ничего дальше не было. Очнулся пару часов назад. Ле-
жу в лесу за кладбищем, присыпан прошлогодней листвой.
Встал и пошел домой. А тут ты.

Мартин закончил придуманную по дороге версию собы-
тий и поднял на Ризаля глаза. Контролер все еще пристально
на него смотрел. Не бегал взглядом по помещению, как в их
последнюю встречу в кабинете, не теребил письменные при-
надлежности. Напротив, был спокоен, какими спокойными
бывают люди, знающие больше, чем их собеседники.

Не к добру это.

А глаза Ризалья вдруг на мгновение расширились и тут же превратились в щелки. До чего-то додумался? Мартин не успел спросить.

— Все сходится! — ахнул Ризаль, расплываясь в широкой улыбке, отчего усики над его верхней губой зашевелились. Как у собаки-ищейки, вспомнил Март слова Холида Камстера.

— Что сходится? — спросил осторожно.

Контролер жадно уставился на собеседника. Глаза Ризалья блеснули так, словно он только что сделал открытие века. Мартину стало не по себе.

— Ты подобрался к нему слишком близко! — выпалил Ризаль на одном дыхании, еще ярче сверкая глазами. — Вот почему он сбежал! Теперь все сошлось! Ударил, решил, что ты умер, и сбежал!

На этот раз Март не притворялся.

— Кто — он-то? — спросил растерянно.

— Наш главный злодей! Вредитель! Мы вышли на его подельников, а он сбежал. Все думали: как, кто его предупредил? А теперь ясно, что ты его спугнул тем, что подобрался слишком близко! — Завершив свою речь на торжественной ноте, Ризаль шумно выдохнул и даже смахнул несуществующий пот со лба, демонстрируя, как славно он потрудился.

А вот у Мартина внутри похолодело.

— Каких подельников?

Неужели Рон все же вернулся, и его схватили стражи порядка? Март до последнего надеялся, что сообщник Карда решил залечь на дно, пока все не утихнет.

— Точно, ты же ничего не знаешь, — спохватился донель-зя довольный контролер. — Взяли мы целую банду, взяли. Слышал такое имя: Тикард Виллоу?

«Меня зовут Тикард, — представился когда-то Марту новый знакомый. И усмехнулся. — То еще имечко, да? Так что зови меня «Кард» — сработаемся».

Мартину стоило невероятных усилий, чтобы ни одна мышца на его лице не дрогнула.

Удалось.

— Нет. Кто это?

Скажи, что это тот, что обставил вас и сбежал. Скажи, что...

— Тот, кого мы вчера повесили, — ослабившись, как обожравшийся кот, сообщил Ризаль. — Так что ты проспал все самое интересное. — Контролер потянулся к ящику стола и извлек оттуда хорошо знакомый Марту красный шейный платок. — Гляди. — Любовно разложил перед собой и залюбовался, не видя, как в этот момент закаменело лицо у его подопечного. — Вот, сувенир себе оставил. Этот Тикард считал его своим талисманом, представляешь? Дрему-чие люди...

Мартин все же не справился.

— Попить есть? — прохрипел, схватившись за горло.

— Эй, ты чего? — испугался Ризаль. — Эк он тебя впечатал...

Не поленился, встал и прошел к стеллажу за графином с водой и стаканом.

Ризаль рассказывал, а Март сидел напротив, все еще вертя в пальцах бесполезный пустой стакан. Смотрел куда угодно: в окно за плечом контролера, на колышущийся тюль, на чахлый цветок на подоконнике, снова на стакан с бисеринками прозрачных капель, замерших на его стенках, — только не в глаза собеседнику.

Ризаль не отличался чуткостью, иначе Мартину не удалось бы водить его за нос на протяжении целых двух лет. Однако сейчас он предпочел не рисковать.

В горле клокотала бессильная ярость. Требовала выхода. Но выхода не было.

Опоздал.

— Взяли Рона Мастерса, как и планировали, — делился контролер достижениями работы своей сплоченной команды. — Тот поупирался для вида, но когда мы сообщили, что нам известно, где живут его жена и ребенок, то быстро стал сговорчивее. — Март сжал челюсти. — Выдал своего подельника, этого Карда, Тикарда Виллоу. За тем, правда, пришлось погоняться. — Ризаль мученически вздохнул. — Но взяли и его.

— А он? — бесцветно спросил Мартин.

— Да что — он? — контролер усмехнулся. — В отказную, конечно. Но стража уже подвезла нам доказательства — не отвертеться. Поймали приезжего черного, который контактировал с этим Кардом и договаривался о том, что с него тоже снимут серьгу. Так что да, правда это все: есть умелец, уникум. Ну, надавили на Виллоу, мол, все знаем, колись, кто твой подельник.

У Марта дернулся уголок губ.

— Не раскололся, — это не было вопросом. Расколись Кард, Мартин не сидел бы сейчас в компании белого мага, мило с ним беседуя.

— Не раскололся, — грустно вздохнул Ризаль. — Сказал: неместный, имени не знает. Мол, тот сам его находил. — Контролер задумчиво почесал лысеющую макушку. — Выходит, правда не знал. Любой бы признался — палач уж постарался. Ан нет, так и не назвал имени.

Март сглотнул тяжелый ком, вставший поперек горла. Снова вспомнился нападавший на них с матерью и сестрой мужчина, голова которого разлетелась вдребезги, как спелая тыква. Было ощущение, что такая же тыква застряла теперь у него в глотке и мешала дышать.

— В общем, выбили, что могли, да и повесили вчера, — оптимистично закончил Ризаль. — Кстати, жил этот Кард в «Одинокой подкове», куда ты так любишь заходить. Гиблое место, говорил же тебе. Не ходил бы ты туда больше, —

на сей раз в голосе контролера прозвучали железные нотки: не совет — приказ.

— Не буду, — пообещал Март.

— Вот и договорились. — Такой ответ Ризаля более чем устроил. — Слушай, тебе бы и правда отлежаться. Бледный как смерть.

Март не стал спорить. Молча поднялся.

Шейный платок Карда все еще лежал посреди столешницы красным пятном.

Мартин подошел, протянул руку и смял его в кулаке.

— На нем черное проклятие, я заберу, — сказал в ответ на изумленный взгляд Ризаля.

Тот пораженно вытаращил глаза и часто закивал.

Март сунул платок в карман плаща.

Она ждала его у входа на постоянный двор. Нашла, где он живет.

Камилла.

Март думал, что следует посетить «Одинокую подкову» и поговорить с девушкой, несмотря на прямой запрет Ризаля. Но не успел — она пришла сама. Кто-то сказал ей, что он вернулся.

Он шел от калитки к двери, а Камилла стояла на крыльце, сцепив перед собой руки в ожидании и прожигая его взглядом. И Март вдруг понял, что не знает, что ей сказать.

Если бы он так глупо не попался и не выпал из жизни на три дня, возможно, Кард был бы еще жив.

А еще Кард мог бы остаться жив, если бы сдал его, черного мага, нарушившего правила. Обычно за содействия властям можно заслужить снисхождение.

Говорить не пришлось. Когда Мартин приблизился, Камилла шагнула навстречу и вlepила ему звонкую, оглушительную пощечину. Голова мотнулась, сверкнула серьга мага в оранжевом свете заходящего солнца.

— Предатель, — припечатала девушка сквозь зубы. Ее красивое лицо исказилось от ненависти.

Март ничего не ответил.

Не окликнул и тогда, когда та, зарыдав, пробежала мимо него — прочь, за калитку.

Он вошел внутрь. Щека пылала, судя по странным взглядам ужинавших за столиками первого этажа, на ней все еще горел отпечаток ладони.

— Господин маг, — окликнул его из-за стойки Ларс.

Так приторно-фальшиво, что Мартина затошнило.

— Не сейчас! — огрызнулся он, даже не взглянув в его сторону, и поспешил наверх.

— Гнать его отсюда, — донеслось в спину чье-то недовольное ворчание.

Не обернулся.

Ему требовалось побыть одному.

Наедине со своими «призраками».

Глава 11

Этой ночью Март не сомкнул глаз.

Бродил по комнате, сжав в кулаке бесполезный шейный платок.

Налил себе воды и так глубоко задумался, что толстый граненый стакан лопнул в пальцах, будто это была посуда из тончайшего стекла. Осколки брызгами разлетелись по комнате, а один особенно крупный и острый вонзился поперек ладони, потекла кровь.

Мартин выдернул осколок из своей руки и перемотал кисть внезапно пригодившимся платком.

А когда темная кровь пропитала красную ткань до такой степени, что ее можно было выжимать, он принял решение.

Занимался рассвет.

Март сбежал по лестнице вниз, удивив Ларса и испугав его жену своим ранним появлением. Все уже привыкли, что маг не казал носа из комнаты до самого обеда.

Хозяйка вновь осенила себя святым знаком, на этот раз вызвав уже не злость, а тихое раздражение. Хозяйка, супруга Ларса... Март только сейчас понял, что до сих пор не знает ее имени. За два года она так и не представилась: Мила звала ее мамой, а Ларс — женошкой.

— Принеси завтрак господину магу, — шикнул на женщину хозяин.

Особого голода Мартин не испытывал, но понимал, что обходиться без пищи четвертый день подряд — чревато: без еды магическая энергия расходуется на поддержание организма, в то время как хорошее питание значительно ускоряет восполнение резерва.

Март сел за дальний столик, чтобы не смущать постояльцев, поочередно спускающихся по лестнице и постепенно заполняющих обеденный зал. Впервые на его памяти он оказался внизу так рано.

Люди бросали на него косые взгляды, но спешно отводили глаза.

Многие знали, что на постоялом дворе обитает черный маг, но, пока не сталкивались с ним лицом к лицу, этот факт их не слишком заботил. Сегодня же он испортил аппетит доброй половине жильцов: нет-нет, да и повернутся в его сторону, чтобы удостовериться, что проклятый темный не выпустил клыки или не превратился в трехголового монстра.

Говорили, введя ограничительные артефакты, король Лионар хотел сделать так, чтобы простые люди чувствовали себя в безопасности. Однако итогом стали вседозволенность белых, озлобленность черных и еще больший страх людей без магических способностей. Ведь если бы темные маги были неопасны, на них не надели бы «ошейники», верно?

Мало кого волновал тот аспект, что большинство черных

и не «кусались» бы, если бы не обзавелись королевскими «украшениями».

Вчера Мартин злился. Сегодня — был абсолютно спокоен. Прошлым вечером что-то в нем снова выгорело и еще не успело заполниться новыми эмоциями и впечатлениями. А потому он чувствовал не просто спокойствие — опустошение.

Отсутствие эмоций порой как нельзя кстати для принятия серьезных решений...

Март приподнял руку, привлекая внимание Ларса. Заметил, как от его неожиданного жеста женщина за ближайшим столиком вжала голову в плечи.

Хозяин показал в ответ три пальца: три минуты — и подойдет. Мартин кивнул, уставился в окно.

Он никогда не испытывал к Прибрежью особой привязанности, приехал сюда с четким намерением найти такого же сумасшедшего, как и он, и подзаработать. Вдали от столицы и короля, в богами забытом крохотном прибрежном городке реализовать его задумку было проще всего.

На самом деле, удивительно, как стража и гильдия вышли на Карда только сейчас. Март нашел его всего за четыре месяца. Сначала, как и власти, вычислил контрабандиста Рона Мастерса, а затем потянул за ниточки и познакомился непосредственно с Кардом, молодым, но безумно талантливым главарем преступного мира Прибрежья. Приятель сам так себя называл, посмеиваясь и прекрасно понимая, что он и

был «преступным миром» Прибрежья.

Судьба словно благоволила: нужное место, нужные люди.

Узнай старый Хал, как его ученик применял на практике полученные им тайные знания, должно быть, восстал бы из мертвых, чтобы влить ему отрезвляющую пощечину вроде той, которая вчера досталась от Камиллы. Но Хэлл Халистер, основатель приюта Халистера и просто великодушный человек, воспринявший новые порядки и магсерьги как испытание свыше, умер за год до выпуска Мартина из стен учебного заведения и упокоился с миром.

Будучи предоставленным только себе, Март попытался найти работу, помня наставления учителя о том, что порядочный человек всегда найдет себе заработок, черный он, белый или какой угодно. Но обнаружил, что порядочными черных магов в Реонерии не считали.

Всего пятнадцать лет после введения серег, а времена равенства темных и светлых забыли, словно их не было.

В мелких городишках вроде Прибрежья черные маги еще имели относительную свободу. Косые взгляды — не самое страшное неудобство. В столице и близлежащих к ней местностях дела обстояли много хуже. Состоятельные темные, наследники великих когда-то династий, все больше прятались по своим поместьям. Обычные, неродовитые, каким теперь был Март, могли рассчитывать лишь на мелкие частные заказы за пару медяков, либо на работу в гильдии под началом белых за чуть большее количество все тех же медянок.

Мартин тогда сунулся в одну из сыскных контор, узнал цену на их услуги и понял, что, работая в столичной гильдии и следуя правилам, никогда не сумеет найти сестру.

Люди поговаривали, что в столице из черных остаются либо пропащие, либо дураки, а в провинции можно вздохнуть и заработать больше.

И не соврали.

Тогда, думая, куда податься и что делать молодому магу без денег и связей, с серьгой в ухе, привлекающей внимание окружающих, словно мишень, Март и придумал, чем он может заняться. Так выбор пал на прибрежные городки, граничащие через пролив с Аленсией, королевством, не приветствующим магов, но и не запрещающим им жить и работать наравне с другими, если не афишировать свои таланты. Легально переехать из Реонерии, имея серьгу, шансов не было. Другое дело — избавившись от нее.

Так родился План, остающийся всего лишь планом на протяжении нескольких лет, пока Марта не занесло в Прибрежье, где он таки нашел людей, которым решился предложить придуманную им авантюру.

Это был только заработок. Мартин не собирался заводить ни с кем дружбу и к кому-то привязываться. Но, как говаривал сам Кард, перед его обаянием было трудно устоять: его либо ненавидели, либо становились с ним друзьями.

Март никогда не называл Карда другом, ни в глаза, ни мысленно. «Приятель» — безопасное слово, описывающее

отношения без особых обязательств. Тем не менее себя не обманешь — вчера он потерял именно друга...

Ларс сам принес поднос с едой и поставил на стол, замер в ожидании. Мартин кивнул ему на второй стул. Хозяин постоянного двора нахмурился, почувствовав неладное, но присел, правда, на самый краешек.

— Завтра я съезжаю, — сообщил Март без лишних предисловий. — Подготовь расчет.

Глаза Ларса округлились.

— Но как же... Я только вчера отказал состоятельному гостю из-за того, что все комнаты заняты...

Жалостливый голос, мировая скорбь в голосе. Март лишь понадеялся, что он сам играл перед Ризалем менее фальшиво.

— Неустойку за две недели можешь включить в счет.

Теперь глаза Ларса вспыхнули алчным блеском, будто кто-то зажег в его черепе фонарь.

В договоре на длительное проживание, который Мартин подписал, въезжая сюда, значилось, что постоялец обязан предупредить не позднее чем за неделю до отъезда, либо выплатить сумму, равную недельному проживанию, если оповестит владельца слишком поздно. Две недели были жестом доброй воли, но почуяв деньги, Ларс решил получить больше.

— Две недели, господин маг...

— Две, — он оборвал хозяина, даже не дослушав. — Рас-

чет приготовить, — повторил с нажимом.

Ларс разочарованно поджал губы, но с достоинством кивнул.

— Я подготовлю бумаги к вечеру, господин маг. — Поднялся на ноги, с трудом высвободив увесистый живот из пространства «край столешницы — спинка стула».

— погоди! — Март окликнул Ларса, когда тот уже отходил.

— Да, господин маг? — Почувяв деньги, владелец постоянного двора использовал слово «господин» так часто, как никогда.

— Ларс, как зовут твою жену?

Тот изумленно моргнул.

— Аркадьа.

Вот и познакомились.

Мартин уперся в собеседника тяжелым взглядом.

— В таком случае передай Аркадье, что я оставляю ей прощальный «подарок», если она не перестанет рисовать знаки перед своим лбом, стоит мне пройти мимо.

Применять магию к людям без дара, как и к белым магам, темным не позволяла серьга, но зачарованные предметы еще никто не отменял. Угроза достигла цели: хозяин побледнел.

— Я ей передам, господин маг. — И поспешил ретироваться, пока постоялец не передумал оплачивать лишнюю неделю.

Мартин подвинул к себе поднос и принялся за еду.

Сдалась ему, конечно, эта Аркадия.

— Что значит — ты уезжаешь?! — возопил Ризаль, запустив скрюченные пальцы в и без того небогатую шевелюру. — Мы только что закрыли *такое* дело! Думаешь, я не ценю, как ты старался вывести этого гада на чистую воду? Нам выпишут премиальные, и я про тебя не забуду. Так что, если ты думаешь...

— Не думаю, — Март покачал головой, не дав контролеру пуститься в ненужные уговоры. Он все для себя решил. На самом деле, решение было принято давно, просто Мартин не планировал срываться с места в ближайшие полгода, только и всего. — Я уезжаю в столицу. Это дело решенное, не передумаю.

Ризаль встретился с ним взглядом, что-то прочел и мученически застонал:

— Ма-а-арт, ты режешь меня без ножа.

— Мне здесь тесно, — ответил Мартин, впервые по-настоящему честно за долгое время.

Белый прищурился.

— И когда, интересно, ты это понял?

— Когда меня чуть не убили. — Март не отвел взгляд.

Это была отличная версия, чтобы избежать дополнительных вопросов и подозрений по поводу его внезапного отъезда. Многие, едва не лишившись жизни и осознав ее скоро-

течность, ищут перемен.

Сработало.

— Черт тебя! — выругался контролер.

Март даже улыбнулся уголком губ. Не то чтобы он будет скучать, но Ризаль не самый худший белый маг, который ему встречался, и Мартин к нему привык.

Усмехнулся.

— Пожалуй, твои черти поедут со мной.

Контролер бросил на подопечного обиженный взгляд и полез в ящик стола за пером и бумагой.

— Вот и научи столичных гордецов выражаться по-человечески, — бросил, зыркнув на Марта, и принялся выводить на листе ровные строчки.

— Напишешь, что я благонадежен? — спросил Март.

— Угу, — буркнул тот.

— Коня одолжишь?

Перо Ризаля замерло на расстоянии пальца от поверхности бумаги, а сам он вскинул голову.

— Слушай, а ты не обнаглел?

— Оставишь себе мою часть премии. А мне — коня, — предложил Март.

Контролер покрутил в пальцах перо, взвешивая его слова и обдумывая предложение. Затем быстро и уже не так аккуратно продолжил писать.

— Премию и так оставляю, — сообщил злорадно, не переставая водить чернилами по бумаге. — Она не раньше чем

через месяц придет. А коня не дам — перебьешься. Если нет морской болезни, доберешься.

Март не стал спорить. Достаточно того, что Ризаль отпускал его с миром и был готов написать рекомендательные письма, которые помогут избежать лишних вопросов как от столичной Гильдии магов, так и королевской стражи.

Контролер дописал первый лист, повел над ним пальцами, используя магию, чтобы высушить чернила, и отложил в сторону; достал следующий.

Март терпеливо ждал.

Беседа больше не клеилась.

Он провел в гильдии полдня. Позволение уехать от его непосредственного контролера и написание тем рекомендательных писем было лишь первой ступенью. Затем требовалось посетить вышестоящее начальство, поставить на бумаги печати, обычные чернильные и магические, отчитаться перед работниками архива, что не выносил оттуда никаких документов, сдать пропуск на кладбище и сделать прочие мелкие дела, прежде чем попрощаться с Гильдией магов города Прибрежье навсегда.

Должно быть, ему следовало бы чувствовать грусть оттого, что он собирался покинуть насиженное место и людей, к обществу которых привык, или страх перед туманным будущим. Однако Март не испытывал ни того, ни другого.

Прошлой ночью он твердо решил, что его история в Прибрежье закончилась.

Под подошвами сапог шуршали камни. Прошедшие недавно сильные дожди основательно размывли конец улицы Прибрежной, превратив ее в настоящую полосу препятствий — с острыми камнями, новыми канавами, ямами и рытвинами.

До заката было еще далеко, и защитный контур вокруг кладбища пока что не был активен. Если бы Марту вздумалось, он смог бы легко зайти за ограду. Но его дела, связанные с местным кладбищем, тоже закончились.

Стояли тишина и безветрие. Вдалеке чернел лес, но и оттуда не долетало ни звука. Будто и не было стаи испуганного воронья, которая пыталась предупредить Марта об опасности несколько дней назад. Словно... ничего не было.

Он обошел кладбище, удостоверился в том, что защитные знаки, начерченные Геленой Роуг и ее сыном, утратили силу, и направился к ряду отдельно расположенных могил — за оградой погоста.

Казненных преступников в Прибрежье было запрещено хоронить на территории кладбища, но не помещать их могилы под действие защитного купола было бы опасно. Поэтому обошлись символическим разделением на законопослушных граждан и грешников, погребая последних совсем

рядом, но за оградой. Показательный жест властей.

Март прошел к трем свежим холмикам с воткнутыми в землю табличками на кривых неотесанных палках. «Тикард Виллоу», — гласила надпись на крайней могиле. Кард и его сообщники, казненные два дня назад.

На могиле Карда лежал уже пожухлый букет цветов. Выходит, Камилла не только не побоялась у всех на виду залепить пощечину черному магу, но и рискнула принести цветы казненному преступнику.

Мартин присел на корточки и провел ладонями над могилой, проверяя. Он понимал, что его коллеги из гильдии обязаны были удостовериться, упокоился ли казненный, и сами упокоить его дух в случае сбоя, но предпочел убедиться.

Все было в порядке: естественное упокоение. Март даже не удивился — совесть Карда была чиста: своих он не сдал.

У Мартина закралась мысль прямо сейчас «разбудить» дух друга и поговорить с ним. Пока прошло всего несколько дней и тот не успел утратить связи с этим миром, это было бы просто и быстро. Однако Март не стал делать ничего подобного не из-за опасности быть застигнутым за очередным нарушением закона, а потому что Кард заслужил покой, и беспокоить его было бы чистейшим эгоизмом.

Он вздохнул, достал из кармана платок-талисман друга, свернул его в несколько раз, а затем закопал в могильной земле.

Ризаль действительно ничего не смыслил в черной магии,

раз поверил, что на платке имелось проклятие. Но мог бы понимать хотя бы элементарные правила безопасности — никогда и ничего не брать у покойников. Кард слишком любил эту вещицу, она была насквозь пропитана его энергией — такое нельзя оставлять. Даже родным, даже на память. И уж тем более — по сути его палачу как сувенир. Самому белому магу это ничем не грозило, но для любого человека без дара, кто прикоснулся бы к платку, могло закончиться плачевно.

Закопать платок было необходимо. А еще это послужит прекрасным оправданием в случае вопросов по поводу того, что черному магу могло вновь понадобится на кладбище, тем более у конкретной могилы.

Март поморщился, поймав себя на мысли, что опять только и делает, что придумывает себе оправдания и уловки, чтобы выкрутиться, если у кого-то появятся подозрения в его адрес. Он ведь действительно в этот раз выкрутился, вышел сухим из воды. А Кард — нет.

Мартин отряхнул руки и остался сидеть над могилой. Торопиться было некуда.

— Ты знал его? — раздался над головой женский голос.

Резерв полностью восстановился, поэтому Март, как и положено, сначала почувствовал приближение незваной гостьи, а потом услышал шаги. Не повернулся, но она не подкрадывалась и не скрывалась — знала, что заметил.

Дернул плечом.

— Уже не имеет значения.

Однако, услышав такой скупой ответ, Гелена Роуг не ушла, остановилась неподалеку и замерла. Должно быть, увидела его из окна и вышла.

Повисло молчание, нарушаемое лишь вдруг поднявшимся ветром, с энтузиазмом закачавшим кроны деревьев.

— Я ожидала, что ко мне придут, — заговорила женщина, так и не дождавшись, чтобы он что-нибудь сказал или обернулся к ней.

— Кто?

— Стража, гильдейцы...

Марту показалось, это было сказано с надеждой. Люди, испытывающие чувство вины, часто подсознательно желают, чтобы их наказали.

Он бросил на нее взгляд через плечо и снова отвернулся.

— Я же сказал вам: я не судья.

— Но я так... виновата. — И снова замолчала в ожидании... чего? Того, что он встанет и сам казнит ее? Во имя... опять же, чего? Закона? Справедливости? Правды? — Как мне теперь жить? — спросила после паузы.

Мартин поморщился, затем пожал плечами.

— Вы вольны делать со своей жизнью все, что вам заблагорассудится, — ответил, все еще глядя на могильный холм. — Не можете жить — идите и сдайтесь властям. Или просто... сдайтесь. — Он не стал говорить «как ваш сын», это было бы слишком жестоко. — Это ваша жизнь, и вам решать, как с ней поступить. Я не приму за вас решение. Но уйти

всегда проще, чем остаться.

Март наконец поднялся на ноги. Теперь, стоя рядом с женщиной, он возвышался над ней на целую голову.

Она не отступила, не отшатнулась, только подняла вверх лицо, вглядываясь в Марину кто знает в поисках чего.

— Хотите я отомщу за него? — вдруг предложил он на полном серьезе. Гелена удивленно моргнула и теперь-то сделала шаг назад. — Местная нечисть, — Март кивнул в сторону темной громады леса за своим плечом, — должна мне услугу. Я могу попросить попоказничать в «Кролике и лисе». Местные гильдейцы не сильны в общении с «детьми леса» — ему не скоро помогут. Посетители сбегут от него уже через неделю. Через месяц он разорится. Хотите?

В светлых глазах Гелены Роуг отразился испуг, словно она только сейчас поняла, с кем имеет дело. Битва с «подселенцем», изгнание духа мертвого сына, перерезание вен тупым кухонным ножом — и все это на ее глазах — не впечатлили женщину так, как предложение отомстить. Впрочем, зло, месть, жестокость — как раз те понятия, которые люди ассоциируют с черными магами. Наконец-то в глазах Гелены Мартин соответствовал образу.

— Ты можешь? — спросила она побелевшими губами.

Март кивнул.

— Завтра я уезжаю, поэтому решайте прямо сейчас.

Женщина сделала еще один шаг прочь, схватила за ворот своего платья, будто ей стало сложно дышать.

— Нет. — Замотала головой. — Я так не могу. Хотя он и... Я не могу!

— А раз не хотите мстить, живите дальше, — сказал Март. — И осторожно: сзади канава.

Женщина опасливо обернулась.

А когда повернулась вновь, он уже направился к дороге.

— С... спасибо! — робко крикнула она вслед.

Мартин, не оборачиваясь, приподнял руку, сам не зная, отмахиваясь или принимая благодарность.

Внезапно поднявшийся ветер принес тучи. Запахло дождем.

Дождь смывает знаки на кладбищенской ограде и окончательно заметет следы этой истории.

Часть 2. По правилам

Глава 1

— Мартин Халистер?

Март стоял спиной к подъездной дорожке, рассматривая двухэтажный дом с давно не крашенным крыльцом и заросшим садом. Человек, с которым у него была назначена встреча, задержался.

Март обернулся, смерил подошедшего взглядом. За счет темно-коричневого сюртука, натянувшегося до треска ниток на объемном брюшке, тонких ножек и подкрученных на концах усиков над верхней губой мужчина напоминал таракана. Вежливо и чуть виновато улыбающегося таракана.

— Он самый, — ответил Мартин сдержанно и уже привычно заправил волосы за ухо.

Увидев серьгу мага, человек кивнул.

В Прибрежье Март чаще показывал документы. Серьгу, естественно, не прятал, но и не выпячивал напоказ. В столице были другие законы: при знакомстве с кем-либо левое ухо должно быть открыто для взгляда — правило было едино для всех. Поэтому женщины носили высокие прически, а мужчины чаще стриглись коротко, либо заплетали волосы сзади. Стричься по приезду Март, конечно, не стал.

Убедившись, что перед ним черный маг, как ему и сообщали ранее, человек-таракан представился:

— Меня зовут Сипкер, я поверенный господина Перуса. Он попросил показать вам дом и, если предложение вас устроит, оформить сделку.

Мартин снова бросил взгляд на здание за своей спиной.

Дом выглядел внушительно, несмотря на то что был неухоженным из-за того, что в нем давно никто не жил. Два этажа, сад, большая дворовая территория, огороженная от любопытных глаз высоким забором. Расположение — в четверти часа пешей прогулки от центральной площади.

— Меня устроит. — Март снова повернулся к Таракану и встретился с изумленным взглядом широко расставленных глаз.

— Вы готовы оформить сделку прямо сейчас?

Видимо, прежние арендаторы переворачивали дом вверх дном, прежде чем принять решение.

Мартина мало волновало расположение жилых помещений или состояние ванных комнат. Дом нужен был ему по другим причинам: недешевое жилье в самом сердце столицы — это прежде всего статус, открывающий многие двери. А если внутри этих дверей будет меньше, чем должно было быть изначально, это уже никого не волнует. К тому же принимать гостей первое время Март не планировал.

— Готов, — подтвердил он свое решение и отступил с дороги, пропуская поверенного хозяина дома к крыльцу.

На поиски подходящего жилья и так ушло две недели. В гостиницах черных магов не жаловали, и Мартин переезжал уже трижды. Поэтому сдаваемый в аренду дом за высоким забором оказался как нельзя кстати.

Таракан первым поднялся по скрипучим ступеням и опасно покосился на нанимателя. Март промолчал, только отметил, что нужно будет в кратчайшие сроки привлечь мастеровых, чтобы избавиться от следов запустения; прошел вслед за поверенным господина Переуса внутрь.

Дверной проем встретил раскинувшейся поперек прохода паутиной. Сипкер замахал руками в тщетных попытках снять ее со своего лица, а когда ему это наконец удалось, то виновато обернулся. Мартин сделал вид, что ничего не заметил.

Мастеровых и уборщицу, сделал пометку у себя в голове. Внутри было душно и пахло сыростью. Половица у порога протяжно скрипнула, когда поверенный спешно бросился распахивать ставни, чтобы впустить с улицы свежий воздух. Потом еще раз, когда тот промчался в обратную сторону — сдернуть чехлы для мебели со столика и кресел.

Март в это время замер у двери, заложив руки за спину, осмотрелся. Внутри дом и правда выглядел менее выигрышно, чем снаружи. Однако место расположения здания окупало все его недостатки.

Холл был просторным и сделался светлым, стоило Сипкеру открыть окна. Вешалка для пальто, подставка для зонти-

ков, полка для шляп. Шкаф из красного дерева от пола до потолка, столик из того же материала, расположенный недалеко от двери, очевидно, для быстрой подписи бумаг, доставляемых курьером; два мягких кресла. Бордовая ковровая дорожка, ведущая от порога к двери во внутренние комнаты, утратившая яркость и посеревшая под слоем пыли.

— Присаживайтесь, — пригласил человек-таракан, сам опустившись в одно из кресел и вынимая бумаги из плоского чемоданчика, который принес с собой. — Полгода, верно? — уточнил, нацепив на нос очки и сверяясь с записями.

— Пока полгода, — кивнул Март. На большее он пока не гадал.

— Вот сумма, проверьте. — Мужчина выложил нужную бумагу на стол и подтолкнул к собеседнику.

Мартин пробежал глазами условия договора, принял протянутое ему самописное перо и поставил подпись. Затем достал из кармана плаща чековую книжку и заполнил графы с суммой и именем получателя средств.

— Прошу прощения за вопрос, — замялся Сипкер, забрав чек и бережно уложив его в свой портфель, — но господин Переус немного взволнован, и он хотел бы знать...

Таракан потерялся, подбирая слова. Марту даже показалось, что тот вспотел от волнения.

— Откуда у черного мага деньги? — подсказал Мартин почти весело.

Этот вопрос он слышал трижды в день с того самого мо-

мента, как сошел с судна, доставившего его в ближайший к столице портовый город.

Теперь испарина на лбу поверенного стала очевидна. Тот почувствовал сам, извлек из нагрудного кармана платок и промокнул лицо.

— Прошу прощения, если оскорбил вас, но господин Перкус хотел бы сразу избежать...

Снова пауза. Верно, человека, только что выписавшего счет на столь крупную сумму, оскорбить было бы чревато.

— Проблем? — любезно подсказал Март.

Мужчина посмотрел укоризненно.

— Недомолвок.

Какие уж тут недомолвки? Напротив, все предельно ясно.

В столице безродных темных не жаловали. По большому счету, не жаловали никого, у кого в ухе имелась серьга. Но лорды и леди, наследники благородных родов, пользовались защитой своего положения. Те же, у кого за спиной не стояли родовитые потомки, испытывали на своей шкуре все «гостеприимство» столицы. Март еще несколько лет назад оценил, что значило быть черным, незнатным и небогатым в этом городе, и повторять сей опыт не собирался. Темные маги бежали отсюда. Наследники великих домов и те появлялись лишь на великосветских приемах, куда их сопровождала охрана.

— Никаких недомолвок, — согласился Мартин. — Все документы в банке. Вам их покажут, я распоряжусь. — Собеседник вздохнул с облегчением и благодарно улыбнулся. Как

бы он ни пытался вести себя как ни в чем не бывало, общаться с темными лицом к лицу этот человек явно не привык. Март отдал должное его выдержке и даже пояснил вслух то, что Сипкер позже прочел бы в бумагах: — Средства, которыми я располагаю, получены законным путем. Это наследство господина Хэлла Халистера. Все справки предоставлены в банк и проверены уполномоченными органами.

И мастерски подделаны приятелем Карда еще в прошлом году — служба безопасности банка приняла, даже облизнулась.

Старый Хал и правда оставил наследство своему любимому ученику — десять золотых, которые кончились в первые пару месяцев после выпуска из приюта. Халистер был великодушен и щедр. Он не только давал свою фамилию тем, кто не знал своих родителей и не имел другого родового имени, но и по-настоящему принимал их в свою семью, поддерживал и помогал даже после выпуска.

До выпуска Мартина Хал не дожил, но побеспокоился о нем заранее и составил завещание. Сумма была скромной, но оставить больше тот попросту не мог — на содержание приюта уходили сотни золотых в год.

Зато подлинное завещание Халистера пригодились для создания подделки: в нем всего лишь исправили сумму, приписав к имеющейся множество нулей. И теперь Март мог спокойно объяснять всем заинтересовавшимся, откуда у него деньги. А интересовались все, с кем он имел дело.

Парадокс был в том, что не будь их у него, то и дел бы с ним иметь не стали.

— Завтра можете въезжать, — сказал напоминающий таракана Сипкер, убирая договор аренды в свой чемоданчик. — Я распорядюсь: сегодня придет уборщица и соберет паутину. — Он почесал нос, очевидно, вспомнив свою недавнюю встречу с паучьим изделием на входе.

Мартин благодарно кивнул.

— Уборщица, прачка, — перечислил, положив на стол золотую монету, — плотник и другие мастеровые. — Еще одну. — Садовник. — Третью.

Глаза Таракана алчно блеснули. Мужчина сгреб золото в карман, даже не став пытаться возразить или напомнить, что, вообще-то, работает на другого человека.

— Уборщица будет приходить к вам раз в неделю, — пообещал Сипкер. Встал, торопливо поправив подскочивший на животе сюртук.

Март мысленно усмехнулся. Оказывается, золото помогает справиться даже с испариной — увидев монеты, Сипкер не только перестал волноваться, но и словно помолодел.

Три золотых — сумма немаленькая, но Март предпочел не скупиться. Дом и правда следовало привести в порядок, а хорошие отношения с поверенным хозяина определенно пригодятся в будущем, если понадобится продлить договор аренды.

— Ах да, — спохватился Сипкер уже у самой двери, по-

копался в карманах. — Вот ваш ключ.

Мартин приподнял брови.

— Вы же сказали, я могу въехать только завтра.

— Да хоть сейчас, — заверил повеселевший поверенный и поспешил на улицу — ему нужно было успеть в банк до закрытия.

Март проводил его взглядом до самых ворот.

Те противно заскрипели, выпуская мужчину. С одного из столбов ограды отвалился набалдашник, покатился по каменной дорожке.

Март помнил столицу из детства — яркую, шумную, приветливую, с улыбочивыми прохожими. Когда родители брали их сестрой с собой сюда, это всегда был праздник. Они всей семьей заезжали к кому-нибудь в гости, где им непременно были рады. Гуляли по улочкам, пропитанным запахом ароматной сдобы, вырывающимся из лавок с яркими вывесками. Встречные господа непременно снимали перед отцом шляпу, а порой и раскланивались.

Тогда Мартину казалось, что нет места гостеприимнее столицы, а живут здесь самые радушные люди на свете.

Все изменилось: и он сам, и столица. Вывески и запахи утратили свою прелесть, а встречные люди не улыбались — сразу бросали взгляд на серьгу в левом ухе и прятали взгляд. Одно звено из трех говорило им о том, что встречный маг

потенциально опасен, и его лучше обойти десятой дорогой.

Март пересек широкую мостовую, краем глаза отметил, что при виде него шагающая по тротуару женщина осенила себя святым знаком, и толкнул темную дверь с вывеской, на которой значились лишь инициалы: «К. Ш.»

— Присаживайтесь. — Худощавый мужчина в очках с тонкой оправой указал гостю на стул с витыми поручнями у стола. — Клара, принеси... — перевел взгляд на посетителя. — Чай? Кофе?

— Воду, — сказал Март.

— Воду, — повторил хозяин конторы. — А мне — кофе. Молодая женщина в строгом темном платье, застегнутом на множество мелких пуговиц по самое горло, и с волосами, собранными в тугой узел на макушке, понятиливо кивнула и исчезла за дверью.

Мартин сел.

Кливер Шелли считался лучшим частным сыскарем в городе. Его услуги стоили безумно дорого, но и результат, как говаривали, превосходил все ожидания. Март присмотрел контору Шелли еще несколько лет назад, но не имел возможности к нему обратиться потому, что у того был принцип: общаться с заказчиками только лично.

Новых клиентов сыскарь тоже брал выборочно: следовало оставить заявку и ждать приглашения. Мартин навел

справки: многим Шелли отказывал без объяснения причин. Его же пригласил к себе через неделю после оставленного им запроса.

— Итак, Мартин Халистер, — протянул мужчина, сдвинув очки на нос и смотря на гостя поверх стекол.

На этот раз Март не стал проверять, не закрыли ли волосы серьгу — то, что Шелли уже навел справки о будущем клиенте, было очевидно.

Он не ошибся — сыскарь продолжил:

— Двадцать три года от роду. Черный маг. Сирота, — говорил, глядя прямо на собеседника. Подготовился: ни единой записи перед глазами — все на память. — Приют Халистера, выпустился в сорок восьмом году с крупным наследством от самого владельца. Любимчик? — Сыскарь изогнул бровь.

У Мартина дрогнул уголок губ.

— Вроде того.

Шелли оценил его ответ скупой улыбкой.

Заговорил вновь:

— Первое звено — еще в приюте. Несчастный случай, закрытая информация. Второе — снова несчастный случай. Запротоколировано, признан невиновным. Мелкие заработки. Частые переезды. Работа в Гильдии магов в Оттоло, затем в Перпере и два года в Прибрежье. — Взгляд сыскаря стал еще более пристальным, хотя казалось и без того: еще миг — и прожжет в госте дыру. — Ни одного штрафа.

Ни единой стычки с белыми. Наименьшая смертность свидетелей при работе. Восторги и рекомендательные письма от личного контролера гильдии. — Снова изгиб брови. — Вы святой?

Мартин вел себя сдержанно, слушая все, что накопал про него сыскарь. Однако, услышав последний вопрос, все же не выдержал — рассмеялся.

— Точно нет. — Сыскарь прищурился, изучая и делая какие-то свои выводы. Март закинул ногу на ногу, приняв более расслабленную позу. — Вы продолжайте, мне интересно. — Поставил локоть на поручень стула и подпер кулаком щеку.

— Расскажите, что за несчастные случаи? — невозмутимо спросил сыскарь.

Март даже не удивился. Подробности таких дел всегда скрыты под грифом: «совершенно секретно». Даже Ризаль не знал правды, хотя и пытался докопаться и несколько раз устраивал подопечному допросы с пристрастием.

— Зачем вам?

— Из любопытства? — ответ прозвучал с вопросительной интонацией.

Март снова усмехнулся, покачал головой.

— После первых результатов.

Мужчина ответ оценил: медленно кивнул, принимая.

Помолчал, крутя в пальцах самописное перо. Март невольно задержался взглядом на этих пальцах — должно

быть, после Ризаля он стал обращать особое внимание на эту часть тела.

— Я не работаю на негодяев, — снова заговорил сыскарь. Мартин вскинул голову. — Это главное, что вам следует знать обо мне. — На этот раз губы мужчины тронула улыбка. — Ваше личное дело оставляет о себе приятное впечатление, и я готов предложить вам свои услуги. Стоимость...

Март быстро покачал головой.

— Цена не имеет значения. Если будет результат.

— Будет, — уверенно заявил сыскарь. Поправил очки, возвращая их на место. — Итак, господин Халистер, я вас слушаю.

— Можно без «господина», — отозвался он. — Просто Мартин.

— Мартин, — благосклонно кивнул тот; раскрыл перед собой пузатый блокнот. — Тогда и вы зовите меня просто Кливер. Мне кажется, мы сработаемся.

Март был готов сработаться хоть с самим чертом, лишь бы найти сестру.

Он покинул сыское агентство, когда уже стемнело — разговор с Кливером Шелли затянулся.

Последняя ночь в гостинице на окраине, и у него будет свой дом в центре города.

Март двинулся в нужном ему направлении.

Столица не Прибрежье, здесь с наступлением темноты улицы непрерывно патрулировались отрядами королевской стражи и белых магов. Он прошел лишь четверть пути до пункта назначения, как его остановила уже третья тройка — два стражника и маг, — спросили документы, поинтересовались, куда направляется.

Раньше в столице было спокойнее, но недавно поползли слухи о том, что у черного подполья появился новый лидер, и король стремился нанести превентивный удар. Мартин не слишком верил в официальную версию, полагая, что королю и его службе безопасности было выгодно свалить причины ужесточения контроля на подполье.

Впрочем, в том, что король — любитель наносить превентивные удары, семья Викандеров убедилась на личном опыте, тут не поспоришь.

Устав показывать документы каждые сто шагов, оправдываться, не будучи виновным, и отвечать на нелепые вопросы, Мартин свернул в первую попавшуюся узкую улочку. Понадеялся, что, если пройти дворами, там будет меньшая концентрация патрулей.

Не владей он даром, то имел бы все шансы заблудиться в незнакомом городе. Но оставленные в комнате гостиницы вещи были отличным энергетическим маяком. Поэтому сбиться с правильного курса Март не боялся.

Столица есть столица: даже самые узкие переулки здесь были ярко освещены, а улицы вымощены ровным камнем, без ям и выбоин. Мартин шел не спеша, больше погруженный в собственные мысли, нежели в изучение того, что его окружает. Хотя и смотреть тут было не на что: одинаковые одно-, двух- и трехэтажные домики среднего класса с обеих сторон дороги, да погасшие на ночь вывески лавок и мест общественного питания.

Патруль встретился лишь раз. Задали стандартный набор вопросов и отпустили.

Мартин свернул еще в какой-то переулок, стремясь максимально сократить путь, и вдруг услышал всплеск. Он ушел с широких улиц, где до самого утра можно было встретить пешеходов или спешащие куда-то экипажи. Район города, в котором Март оказался, срезая дорогу, рано ложился спать и рано вставал, и в этот час тут стояла полная тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра в придорожных водостоках. Именно поэтому ставший бы незаметным в дневное время суток всплеск он услышал отчетливо еще с другого конца улицы.

Словно в воду сбросили что-то тяжелое.

Мартин и сам не смог бы связно сформулировать, что насторожило его в этом звуке. Но, подчиняясь инстинктам, ускорил шаг, одновременно концентрируясь на ощущениях. Увидеть с помощью дара что-то конкретное было сложно — в каждом из домов спали люди. Мага — любого: черного или

белого — он почувствовал бы издалека, как ощущал заранее приближение патрулей.

Но магов поблизости не было.

А были две энергетические точки, спешно удаляющиеся по улице — просто люди, бегом.

И была еще одна — ниже уровня брусчатки, затухающая и продолжающая уходить в глубину.

Поняв, что именно чувствует, Мартин выругался и победил.

Узкая река в каменных берегах пересекала улицу под дугообразным мостом и уходила в сторону Западных ворот. Под этим мостиком в темную ночную воду и упал на дно тяжелый «предмет».

Любое применение магии к человеку неодаренному или светлому магу вызывает реакцию серьги...

Март выругался повторно.

Сбросил плащ, повесил на каменный парапет и спрыгнул в воду.

Глава 2

Выбраться на высокий отделанный камнем берег, да еще и с мокрой, тянущей ко дну ношей человек без дара не смог бы. Март даже не пытался — размыл каменное русло магией, заставив край набережной опуститься, и выволоч тяжелый в несколько раз перевязанный толстой веревкой мешок на сушу.

Магическая коррекция твердых предметов — одно из самых энергозатратных действий. От резкой растраты резерва в ушах зазвенело.

Не будь серьги и дурацкого запрета на применение магии к «бездарным», все дело заняло бы не более пары секунд. Сейчас же пришлось использовать нож, который он, к счастью, не выложил в гостинице вместе с остальными вещами. Однако тонкое короткое лезвие не предназначалось для толстой, к тому же мокрой веревки, и процесс разрезания пут занял еще несколько драгоценных минут.

Когда Марту наконец удалось справиться с «упаковкой», в холщовом насквозь промокшем мешке оказался темноволосый мальчишка лет двенадцати на вид. Тощий настолько, что полупрозрачная бледная кожа полностью облепила череп, страшно выделив острые скулы и фиолетовые круги под запавшими глазами. В распахнутом воротах перепачканной кровью и грязью рубахи были видны выпирающие ключицы.

Жуткая худоба — настолько тощих людей Мартин еще не видел.

Грудная клетка несчастного оставалась неподвижной, и Март выругался в очередной раз.

Где, спрашивается, патруль с белым магом, который способен одним лишь сгибом мизинца вытащить человека почти что с того света?

Патрули там, на центральных улицах. Ждут заговорщиков-идиотов, словно тем хватает мозгов только на то, чтобы ходить по прямой взад-вперед в ожидании, когда же их уличат в преступной деятельности и арестуют.

Март все еще стоял на коленях возле бездыханного тела подростка. С него самого струями текла вода, застилала глаза. Он согнулся, приложил ухо к груди пострадавшего и с облегчением услышал сердцебиение.

Искусственное дыхание Мартин делать умел...

Найти гостиницу со своими вещами даже в темноте, даже в незнакомом городе при помощи магии не составляло проблемы. Совсем другое дело — дом, в котором Март был лишь однажды.

Дорогу центральными улицами он знал, потому что пару дней присматривался к арендованному жилищу, взвешивая все плюсы и минусы его цены и места расположения. Однако что-то подсказывало, что сейчас идти центральными улица-

ми не стоит.

Парнишке повезло: его избили и сбросили в воду уже без сознания. Видимо, из-за этого вода не попала в легкие. Стоило дыханию восстановиться, он даже пришел в себя. Более того, попытался вскочить и бежать, но вновь потерял сознание.

Тогда-то Мартин и заметил клеймо внизу его живота под задравшейся рубахой и обрывок тонкой веревки на запястье вскинутой к лицу руки. Веревка оставила глубокие раны на бледной коже подростка, и, судя по застарелым рубцам рядом, связывали того не впервые.

Это решило дело: вопрос, что делать дальше, отпал.

Рабство в Реонерии не поощрялось, но и не было окончательно запрещено. Едва взойдя на трон, отец нынешнего правителя, великий и всенародно любимый король Лагуст Третий закрыл на территории королевства невольнические рынки и запретил торговлю людьми, объявив, что все граждане Реонерии рождены свободными и никто не имеет права лишать их этого права.

Насколько Мартин знал из учебников истории, тогда решение этой проблемы затянулось на годы: кого-то рабовладельцы отпускали сами, кого-то выкупали средствами из королевской казны.

В ходе же реформирования выяснилось, что свободы хотели не все: получив статус свободных людей, многие все равно оставались у своих прежних хозяев за нищенскую за-

работную плату или за кусок хлеба и крышу над головой. И в итоге то ли король устал бороться за своих граждан со своими же гражданами, то ли намеренно решил пустить дело на самотек. Но на этом невольничья реформа завершилась.

В настоящий момент рабство было по-прежнему запрещено. Все граждане Реонерии были свободны, однако о поданных других государств в королевском указе не говорилось ни слова. И если кто-то покупал себе раба в заграничной поездке и привозил его сюда, то закон к этому был равнодушен.

Видимо, и мальчишку привезли откуда-то из-за рубежа.

А что делают с рабами, когда их находят представители закона в неподобающем месте, сбежали они, или же кто-то решил утопить их в реке прямо посреди столицы? Верно, рабов отправляют владельцу.

По закону это было бы справедливо и правильно.

Черт с ним, с законом.

Ворота распахнулись от мысленного приказа. Дверь дома — от пасса рукой. Ключ валялся где-то в кармане плаща, в который теперь был завернут пребывающий без сознания подросток.

Март толкнул дверь ногой и занес того внутрь.

Трудолюбивый паук успел за день сплести новое изделие из тонких липких нитей, загородив проем. Мартин помянул

мифических чертей уже, казалось, в сотый раз за этот вечер, провел свободной рукой по лицу (второй он придерживал ношу на своем плече) и, все еще чертыхаясь, направился вверх по лестнице.

Скрип ступеней отдавался эхом от стен.

Март сгрузил своего «гостя» в первой попавшейся спальне на втором этаже и выдохнул. Коррекция берега и возвращение его в первозданный вид знатно потрепали резерв.

Пацана требовалось еще как минимум раздеть и перевязать. Вода в реке была холодной, а раны все еще кровоточили.

Несмотря на резерв, Мартин с радостью потратил бы еще сил, чтобы высушить того магией, как сделал это со своей одеждой, и обеззаразить раны. Но проклятая серьга потеплела от одной мысли направить силу на неодаренного.

Март сжал зубы, удерживая готовые сорваться с языка новые ругательства, и принялся за дело.

Иначе спасти из реки парнишку, который все равно умрет через пару дней от воспаления легких или заражения, не было никакого смысла.

Сестра с детства ругала его за то, что он искал смысл во всем.

Первого звена серьги-цепочки Март лишился через несколько месяцев после того, как ее вживили ему в ухо.

К тому времени они со старым Халом занимались индивидуально около полугода. Полгода со дня смерти воспитанника Бориша.

Когда Бориш умер, Хэлл Халистер долго не мог понять, как такое могло произойти. Сам Мартин тогда мало что понимал в устройстве магических серег. Учитель объяснил: ни один черный маг не в силах воздействовать на этот предмет. Ни один. Никоим образом.

Черные маги, пытающиеся освободиться сами и освободить соратников, за прошедшие годы перепробовали различные методы: серьги рубили, нагревали, жгли, особо отчаянные даже отрезали себе уши. Но итог всегда был один — смерть. Белые маги, устанавливающие артефакт-ограничитель, запитывали его жизненной энергией носителя. Он становился неотъемлемой частью черного. При лишении конечности, рану можно прижечь. При изъятии серьги потерю энергии остановить невозможно.

То, что серьга Бориша отреагировала на магию Марта, было сродни чуду. Чуду, мимо которого Халистер пройти не мог.

Тогда Мартин счел изыскания владельца приюта желанием помочь своему воспитаннику. Став старше, понял, что Хал искал способ спасения не меньше других. Что бы он там ни говорил про необходимость воспринимать серьгу со сми-

рением, как любую кару свыше.

Халистер мечтал найти ключ к серьгам всех черных магов. Он надеялся, что дело не в самом Мартине, сопоставлял время и обстоятельства, искал причину того, что произошло с Боришем. Однако все вело к одному единственному заключению — дар Марта был уникален.

Хал сделал великое множество расчетов, основанных на его знании действия серег и вскрытии черепа несчастного Бориша, и пришел к выводу, что удар по сереге был слишком резким и сильным, поэтому мозг мальчика просто не выдержал. Предложил попытаться прикладывать силу не спеша, постепенно увеличивая напор.

Тогда Март этого еще не умел.

Хал обучал его концентрации и «дозированию» дара, углублял знания ученика в том, изучение чего другими воспитанниками было лишь поверхностным. Молодых магов давно уже не учили тонкостям магического искусства — их уделом стала борьба с нежитью и нечистой и узким перечнем проклятий, с которыми не могли справиться белые.

Мартин старался, понимая, что такой шанс выпадает раз в жизни. Учился как проклятый, отдавая себе отчет в том, что больше никто и никогда не поделится с ним тайными теперь знаниями, которые еще берег в своей памяти старый Хал.

Через полгода, когда Халистер решил, что его ученик готов, он вновь удивил воспитанника: предложил стать первым испытуемым сам. Болезнь уже съедала его изнутри, и орга-

низм не мог больше самоисцеляться. Хал говорил, что вероятность его смерти ничтожно мала, но в то же время был готов отдать жизнь ради эксперимента.

Это был чертовски сложный день. Март до сих пор помнил, как тряслись его руки от осознания того, что у него не было права на ошибку.

Халистер предполагал, что, если коснуться крайнего звена, а не всей серьги сразу, непоправимого в любом случае не произойдет. Однако гарантий не давал никто.

Они рискнули.

У Халистера на тот момент было два звена.

Осталось одно.

Март смог.

А Хал только еще раз убедился в том, что особенность его ученика уникальна и не может претендовать на средство массового освобождения черных.

Это были успех и оглушительное фиаско одновременно.

— Что бы ты ни делал, ты не сможешь помочь всем, — сказал тогда учитель. — Поэтому храни тайну о своем умении, и тогда сможешь прожить долго.

Хал много еще тогда говорил и обещал сохранить его секрет, чего бы это ему ни стоило. А Март, окрыленный тем, что смог уничтожить одно из звеньев в ухе учителя, решил поэкспериментировать вновь.

На этот раз в одиночестве. На себе.

Крайнее звено не лопнуло, как у Халистера... Оно посту-

пило так, как должно было отреагировать при попытке носителя использовать дар против светлого мага или человека, не владеющего магией, — вплавилось в шею, оставив жуткие шрамы и лишив своего обладателя сознания от боли.

Тогда Хал запретил ему вновь пытаться снять с себя серьгу, но Март понял это уже без подсказок. Теперь теория легла на практику, и он на личном опыте убедился в том, что было написано в книгах: собственной магической энергией нельзя исправить проблемы в своем же энергополе. Так темные маги могли снимать проклятия друг с друга, но никогда — с самих себя. Так светлые были не способны лечить свои серьезные ранения.

В итоге дело замяли. Старый Хал имел влиятельных друзей, и информация об «использованном» звене Марта в его личном деле была подделана и засекречена. А вместо своего удаленного звена Халистер вставил в ухо подделку, которую носил до самой смерти.

Март стал заложником своего умения, пока через годы не нашел им применение вместе с Кардом.

Мартин сам не заметил, когда уснул. Усталость физическая и очередная растрата резерва дали о себе знать, мысли-воспоминания сделались бессвязными, и он умудрился заснуть прямо на стуле у кровати мальчишки.

Нужно было добраться до гостиницы и забрать там остав-

ленные вещи, в том числе и спрятанную в магическом тайнике древнюю книгу прабабки Гелены Роуг. Но Мартин побоялся оставлять пацана одного. Вроде бы тот не наглотался воды и теперь дышал ровно. Однако уйти, имея шанс по возвращении обнаружить в своем доме труп, Март не рискнул.

Проснулся от шороха совсем рядом. Вскинул голову и встретился взглядом с чужими широко распахнутыми карими глазами на бледном, в лиловых синяках лице. Волосы мальчишки, показавшиеся ночью Марту темными, высохнув, оказались ярко-рыжими, а нос — покрытым веснушками, особенно четко выделяющимися на коже в лучах утреннего солнца.

Мальчишка тоже его изучал, взгляд вчерашнего утопленника жадно скользил по нему: от лица вниз и обратно.

Затем этот взгляд наткнулся на серьгу.

— А-а-а! Колдун! — завопил пацан так, будто его вдруг начали пилить тупым ножом, и бросился с кровати прочь.

Запутался в простыне. Рухнул на пол, охнул, приложившись головой об скрипучие половицы.

Колдун — ну надо же. Похоже, мальчишка из Аленсии — там магов не любили, а простые люди мало о них знали, потому что у обладающих даром хватало ума не высовываться.

Март встал и не спеша обошел кровать.

Барахтающийся в простыне подросток прекратил попытки освободиться, натянул ткань до подбородка и так и замер, глядя на подошедшего к нему Марта со смесью ужаса и

изумления. Взгляд снова заметался по его фигуре, то и дело останавливаясь на сереге.

Мартин сложил руки на груди, заранее показывая, что не собирается их распускать.

— С пола встань, — велел негромко, но настойчиво.

Тем не менее от звука его голоса пацан вздрогнул, как от удара. Заметался, попробовал вскочить, но тут обнаружил, что под простыней на нем нет одежды. Залился пунцовой краской до корней волос, нижняя челюсть предательски задрожала.

— Я не... Не надо, милорд! Я... — Принялся ползти прочь, опираясь на отставленные назад руки.

Март поморщился, представив, что испытал на себе этот ребенок.

— Я не милорд. — Забытое обращение неприятно кольнуло: он больше не лорд. — Прикройся и встань.

Утешать Март не умел, да и не знал, как следует себя вести с ребенком, но на первое время решил, что сюсюкать — не вариант.

Мальчишка завозился, с удивлением заметил повязки на своих запястьях, затем подхватил простыню обеими руками, попытавшись прикрыть ею как можно больше тела. Учítывая ее размер, у него были все шансы завернуться в нее, как в кокон, целиком.

Наконец «гость» поднялся на ноги. Ростом он оказался Мартину по плечо. Невысокий и широкая кость, просто

слишком худой. С таким телосложением мальчишка должен был бы быть плотным боровичком, а не ходячим скелетом — типичный аленсиец. Март слышал, что рыжих там больше, чем где бы то ни было. Они сами даже называли свое королевство солнечной страной — из-за количества рыжеволосых людей.

Мальчишка завернулся в простыню, как в саван, и стоял, придерживая ткань на плечах и часто моргая.

— За что тебя сбросили в реку?

Тот вздрогнул снова.

— Милорд, пощадите!

Март скрипнул зубами. До взаимопонимания было далеко.

— Я. Не. Милорд, — повторил медленно, с расстановкой, с нажимом.

— Господин колдун! — Мальчишка начал пятиться.

Мартин закатил глаза. Выловил же себе проблему.

— И не господин. Меня зовут Мартин. Можно Март.

— Господин!

Он вздохнул.

— Ладно, пусть будет «господин», — отмахнулся, решив, что не обеднеет от такого названия. — В реку — за что?

Тот шмыгнул носом, плечи поникли, и мальчишка будто еще больше убавил в росте.

Март присмотрелся: нет, он старше, чем сперва показалось, лет четырнадцать-пятнадцать, не меньше.

— Слишком много ел, — ответил пацан, отводя глаза.

В других обстоятельствах Мартин бы рассмеялся: этот — и много ел? Однако смотреть на этот ходячий скелет было совсем не смешно. Ел ли он вообще?

— Зовут тебя как?

— Господин... — Кто его знает, до чего мальчишка додумался, но он вновь стал пятиться.

Можно подумать, палачи сперва интересуются именем своей жертвы.

— Имя, — повторил Март, в упор на него уставившись.

— П-пётро, — выдавил наконец тот, отчего-то снова зардевшись. — Петька, — это уже напоминало какую-то кличку.

— Пётро, значит, — одобрительно кивнул Март.

Выходило, что он не ошибся: Пётро — распространенное аленсийское имя.

Внизу хлопнула дверь.

Пацан снова втянул голову в плечи.

— Вот что, Пётро, сиди тут. Я скоро приду.

Тот дернул головой (вероятно, это можно было расценить как кивок), а его глаза стали огромными от ужаса. Хотел бы Мартин знать, что он там себе вообразил. Что господин выйдет за орудием пыток и вернется, чтобы им воспользоваться?

— Сиди тут, — повторил он с нажимом и направился к выходу. Пётро замер, будто его превратили в статую. Март остановился, обернулся. — Сиди, лежи — не стой, — на вся-

кий случай уточнил свой приказ.

Пьетро так и не шелохнулся.

Мартин вздохнул и вышел.

— Господин? — присланная Сипкером уборщица испуганно вскинула глаза на спускающегося по лестнице Марта.

— Простите, я думала, тут никого нет...

Он приподнял руку, жестом веля женщине перестать оправдываться.

— Я уже ухожу. Как ваше имя?

Та моргнула.

Сегодня все странно реагировали на вопрос об их имени.

— Мирта, — все же ответила растерянно.

Похоже, ее нанимателей обычно не интересовало, кто может за ними грязь.

Отец говорил, что если человек более высокого положения относится к тому, кто ниже, с презрением или пренебрежением, то он просто плохо воспитан. Отчего-то в этот момент слова лорда Викандера вспомнились особенно четко. А еще Март помнил, что в их доме новый обслуживающий персонал всегда лично знакомили с каждым членом семьи.

— Мартин Халистер, — представился в ответ.

— Господин Халистер, — пролепетала Мирта, теперь совершенно сбитая с толку.

Ей было чуть за сорок, плотная и невысокая, с темными

тронутыми сединой кудрявыми волосами, выбивающимися из-под чепца у лица. Строгое коричневое платье и светлый передник, закатанные до локтя рукава, открывающие вид на пухлые запястья.

Вот почему Мартин вспомнил отца: женщина была похожа на Эльзу, кухарку в доме Викандеров. Эльза пекла самые вкусные пироги на свете, на которые съезжалась вся аристократия столицы.

— Мирта, вы взяли с собой обед? — ошарашил ее Март следующим вопросом. Заметил, что она тоже задержалась взглядом на его серье, но попыталась не подать виду — должно быть, таракан Сипкер заранее предупредил ее, с кем придется иметь дело.

— Взяла, господин.

— Отлично, — обрадовался он. — В первой комнате по коридору, — указал на второй этаж, — голодный подросток. С ним случился несчастный случай, в котором пострадала его одежда. — На этом моменте лицо женщины окончательно вытянулось. Мартин сделал вид, что не заметил. — Я схожу и принесу ему, во что переодеться. А вы пока покормите его, хорошо? — И пока та не успела возразить, достал из кармана и протянул ей серебряную монету — примерно ее месячный заработок.

— Господин, это много! — испугалась монеты Мирта.

— Это за обед и молчание, — ответил Март. Положил монету на стол, зная, что люди боятся брать что-либо непо-

средственно из рук черного мага. — И не дайте ему сбежать, пока я не вернусь.

Женщина удивилась еще больше, но быстро закивала, отходя с дороги.

— Я все сделаю, господин.

— Спасибо, — поблагодарил Март, поспешив к двери.

Мирта осталась растерянно стоять посреди холла, пока дверь за ним не закрылась.

Глава 3

В гостинице его рассчитали с большим удовольствием и даже намекнули на то, что своим присутствием он осложнил жизнь другим гостям и было бы неплохо компенсировать ущерб чаевыми. Март сделал вид, что не понял намека. Забрал свои вещи, попрощался и вышел.

За последние дни книга — наследство Гелены Роуг не стала легче и здорово оттягивала плечо, а учитывая то, что Мартин сделал ее невидимой, это могло привлечь внимание патрулей. Пришлось ловить экипаж.

Покупка лошади и наем конюха стали следующим пунктом в планах после приведения дома в порядок.

Этих планов было так много, что мальчишка, официально — беглый раб, в них совершенно не вписывался. И в то же время Мартин не допускал и мысли, чтобы вернуть подростка хозяевам, решившим избавиться от лишнего рта таким экзотическим способом.

Остановившийся при виде поднятой руки возница, заметив серьгу, попытался было тут же уехать, но был остановлен звоном монет.

— Плата вперед, — буркнул мужик с видимой неохотой, тем не менее больше сбежать не пытался.

Март накинул пару медянок сверху обозначенной цены и вместе со своей ношей взобрался в экипаж. Выдохнул, поло-

жив тяжелую книгу на колени.

Изучение книги тоже было в длинном списке его планов. Пока что он успел пролистать лишь начало, но только убедился в том, о чем подозревал изначально: читать такую вещь поверхностно не имело смысла. Книга была по-настоящему древней, еще рукописной, с рисунками и схемами, собственноручно выполненными кем-то из предков Гелены с любовью и особой тщательностью.

Недаром подобные книги были объявлены вне закона еще задолго до рождения Мартина и большей частью были преданы огню: в них хранились слишком опасные знания, что, собственно, уже доказала история, случившаяся в Прибрежье.

Запретные опасные знания — более привлекательного сочетания для Марта сложно было представить. Время, ему нужно было время и место, где бы его не беспокоили.

Дом он уже арендовал — первый шаг сделан.

Проезжая мимо аптеки, Мартин велел вознице остановиться и подождать его. Тот недовольно зыркнул на нежеланного пассажира, но вновь заметно подобрел, получив еще пару монет за сговорчивость.

Алчная столица с каждым днем вытягивала все больше денег. Если так пойдет и дальше, придется искать работу. Впрочем, Март мысленно прикинул свое материальное состояние, того, что у него есть, хватит на безбедное существование на полгода-год, даже с такими непредвиденными тра-

тами.

Значит, за год нужно во что бы то ни стало осуществить задуманное или убираться восвояси.

Вот только «восвояси» для Мартина не существовало.

У него не было дома.

Когда он подъехал к дому, в воротах уже суетился невысокий худощавый мужчина: смазывал петли и поправлял замок. Не зря Март все-таки приплатил Сипкеру-таракану — тот прислал работников, как и обещал.

Мартин представился, получил в ответ взгляд со смесью страха и удивления, выяснил, что мужчину зовут Себ и он в его, арендатора, полном распоряжении на ближайшую неделю — все уплачено согласно тарифу.

Март поблагодарил, получив еще один удивленный взгляд, и направился к дому.

Мирта, все так же в переднике и теперь с тряпкой в руках, мыла окна в холле. За время его отсутствия она уже успела натереть до блеска все остальные поверхности в этом помещении и даже подмела пыльную бордовую ковровую дорожку, частично вернув ей былую яркость.

Женщина вздрогнула и резко обернулась на дверной хлопок. Табурет, на котором она стояла, чтобы дотянуться до верха оконной рамы, дрогнул от резкого движения, качнулся.

Мартин вскинул руку — и табурет замер, устойчиво упре-
рев в пол все три бочкообразные ножки.

Мирта побледнела до корней волос и медленно сползла с
подведшей ее мебели. Вскинула было руку, чтобы осенить
себя святым знаком, но так и не донесла ее до лица, смущен-
но спрятала за спину.

— Как он? — Март не стал заострять внимание на произо-
шедшем, указал глазами в сторону двери, ведущей во внут-
ренние помещения. — Ел? Пил?

На лицо женщины стала возвращаться краска. Надо от-
дать ей должное, она довольно быстро справилась с шоком
— не каждый способен сохранить трезвость рассудка, а не
бежать прочь сломя голову, когда рядом применяет свои
способности черный маг.

— Ел, господин, — Мирта часто закивала. — Только
немного. Я побоялась давать больше. Он такой худой, госпо-
дин... — Сообразив, что говорит слишком много, женщина
опустила глаза.

Март сам не ел со вчерашнего утра, то есть уже больше
суток. При мысли о еде в желудке заурчало — сглупил, что
не зашел в продуктовую лавку.

Он уже шагнул к двери, но затем обернулся.

Мирта так и стояла у окна возле злосчастного табурета,
комкая в руках тряпку, в ожидании, когда же наниматель
уберется подальше, а она сможет вернуться к работе.

— Мирта, а вы умеете готовить?

Ассоциация с кухаркой Эльзой упорно не выходила из головы. Или детская память подтасовывала факты, или же женщины и правда были похожи, будто сестры.

— К-конечно, господин? — Глаза Мирты изумленно округлились, а фраза закончилась вопросительной интонацией.

— Будете моей кухаркой? — Та моргнула, пальцы, перебирающие тряпку, зашевелились быстрее — нервно. Март поморщился, взялся за ручку двери. — Бросьте, — попросил серьезно. — Нет — значит нет, да — значит да. Если боитесь и не хотите связываться с черным, так и скажите. Но вот это вот, — он карикатурно изобразил перед собой святой знак, который чуть было не сотворила Мирта несколько минут назад, — передо мной делать точно не стоит — раздражает и не действует.

Щеки женщины окрасились в пунцовый цвет. Март только лишний раз порадовался, что Таракан направил к нему человека, отдающего себе отчет в том, что суеверия есть суеверия.

— Давайте так. — Мартин покопался в карманах. — Про дальнейшее сотрудничество подумайте. А пока можете купить продуктов и что-нибудь приготовить? — Выложил на стол несколько серебряников. — Самое простое. Без разницы.

— Конечно, господин, мне несложно, — закивала женщина, наконец положив тряпку на табурет и деловито всплес-

нув руками. — Чего бы вам хотелось?

— Еды, — коротко отозвался Март.

Понуднее перехватил тяжелую книгу под своим плащом и покинул холл.

Мальчишка лежал на кровати на животе, болтая ногами в воздухе — добрый знак. Услышав скрип дверных петель, он перекатился на спину, заметался, не зная, вскакивать или забиваться в угол. В итоге просто подтянул колени к груди и напряженно замер, исподлобья глядя на вошедшего.

— Вставай, — велел Март, ставя мешочек с покупками из аптеки на столик.

Аптекарю тоже пришлось переплатить, ибо тот отказывался обслуживать человека с серьгой, одно присутствие которого якобы грозило испортить репутацию его лавки.

Пьетро послушался. Неловко поднялся, вновь завернувшись в простыню, и замер, будто проглотил кол.

Мартин поморщился, покачал головой.

— Бояться меня не надо. Я не питаюсь детьми по выходным. — Глаза мальчишки округлились, будто он пытался сообразить, какой сегодня день и сколько осталось до будней. — Простыню убирай и иди сюда. — Тот сразу перестал считать дни — побледнел. — Прекращай, — строго попросил Март. — Бояться меня не надо, но тянуть время тоже не стоит. Я злой и голодный. И мало спал прошлой ночью. Так что

не спорь. Твои раны надо как следует обработать и перевязать, пока не загноились, — закончил, уже вынимая содержимое аптекарского мешочка: бинты, несколько высоких бутылочек и низких пузатых баночек.

Однако Пьетро не спешил подчиняться.

— Зачем вам меня лечить? — голос прозвучал хрипло и в то же время резко.

Подросток дернул головой, прядь непослушных рыжих волос упала на лицо, заслонив глаза. Дернул еще раз, точь-в-точь как норовистый жеребенок, чтобы убрать ее, но та осталась на месте, заставив мальчишку таки высвободить руку из-под простыни и заправить волосы за ухо принудительно.

— Затем, что у меня нет подручных, которые оттащат твой труп в реку, когда ты умрешь от заражения, — отрезал Мартин. — Часа через два привезут одежду, я заказал, так что можешь отвыкать от простыни. А сейчас — живо! — иди ко мне и не спорь.

Пьетро смотрел недоверчиво и не шевелился.

Лучше умереть стоя, но не подчиниться? Необычная логика для раба.

Март демонстративно пошевелил пальцами, между которыми пробежали черные искры.

Пьетро побледнел, тяжело сглотнул.

— Я могу забрать у тебя простыню магией, — предупредил Мартин серьезно. — При направлении энергии точно на ткань, не задевая тело, серьга не среагирует... Если ты не

знал, — добавил с оттенком ехидства. Заметил, как вытянулось лицо мальчишки.

После этих слов тот все-таки сдался, завозился, спуская свое укрытие из ткани с плеч. Опустил на бедра и кое-как обмотал там в несколько слоев, скрывая гениталии. Сделал нерешительный шаг вперед, всем своим видом показывая, что подчиняется не добровольно.

— Спиной повернись, — велел Март, не став реагировать на пантомиму.

Спину, изуродованную свежими шрамами от кнута, он заметил еще ночью, но не стал трогать, не зная, как ее перевязать так, чтобы полностью не обездвижить мальчишку.

Открыл одну из баночек аптекаря, скривился от резкого запаха и щедро зачерпнул ее содержимое специальной лопаткой, входящей в комплект.

— Меня будут искать, — пробурчал Пьетро, вздрогнув от первого прикосновения к коже прохладной мази.

— Не сомневаюсь, — отозвался Мартин.

Когда через несколько дней ожидания горе-хозяин так и не дожидется известия о выловленном в реке теле раба, он непременно сообразит, что убийство не удалось, и помчится разыскивать свою собственность. Не потому что нужна, а потому что именно собственность.

— Вы наживете себе врага.

Смотрите-ка, а раб ему попался разговорчивый.

— Переживу, — огрызнулся Март.

Надо бы поднять свод законов и выяснить, какими правами обладает рабовладелец. В свое время Мартин провел немало времени за изучением законов королевства и порядков непосредственно в столице, но момент с рабством прошел мимо него — никогда не думал, что могут понадобиться знания в этой области.

— У вас не получится меня присвоить, — выдал Пьетро с каким-то остервенением в последней попытке достучаться до собеседника. В его голосе смешались отчаяние и вызов.

— Сдался ты мне, — вздохнул Март. Мальчишка даже изумленно обернулся через плечо. — На кровать садись и давай руки.

В этот раз Пьетро послушался неожиданно быстро. Сел и вытянул перед собой руки ладонями вверх.

Под наскоро наложенными ночью повязками обнаружились страшные рваные края ран и множество старых загноивших рубцов. По количеству шрамов на руках мальчишка мог переплюнуть самого Марта.

— Связывали? — Бросил взгляд на сцепившего зубы Пьетро, пока он пытался аккуратно отделить от его запястий присохшую ткань.

— Я... — тот начал и резко оборвался, втянул воздух сквозь сжатые зубы.

— Тихо, — шикнул на него Мартин. — Терпи.

— Я убегал, — закончил Пьетро фразу и отвел глаза. Уставился куда-то в сторону окна.

— Не очень-то вышло, — прокомментировал Март.

Впрочем, он понимал, почему ничего не получилось. Мало сбежать — нужно спрятаться. Проблема состояла в том, что в столице не было беспризорников, влиться в ряды которых смог бы Пьетро. Патрули и круглосуточный контроль улиц сделали свое дело: сироты были помещены в приюты, беглецы — возвращены родителям, рабы — хозяевам. В глубинке дела обстояли проще, но выбраться из города незамеченным подростку без денег и знакомств — та еще задача. Встречные или вернут владельцу за вознаграждение, или сами воспользуются для своих... нужд.

— Не очень, — согласился Пьетро, все еще гипнотизируя окно.

— На, лицо сам намажь. — Закончив с запястьями, Мартин протянул бывшему рабу склянку. — И по животу и ногам пройдишь, а то ты такого цвета, как баклажан.

Ребра пацана он проверил еще вчера. Просто чудо, что при таком количестве синяков и ссадин ни одна кость не пострадала.

Пьетро молчал, вертел в пальцах баночку из непрозрачного стекла и молчал, не поднимая глаз.

Март ждал, что мальчишка решится задать вопрос, зачем он ему, и даже пытался придумать ответ, кроме единственного просящегося на язык: «А черт его знает». Но Пьетро не спросил. Побоялся? Не ждал честного ответа? Мартин не стал больше ничего спрашивать сам.

— Попрошу Мирту принести тебе одежду, когда ее привезут, — сказал, закручивая баночки и оставляя их на столе. — Я иду спать. — Пьетро снова смотрел на него исподлобья, не веря, что его оставляют без присмотра. — Лежи пока и набирайся сил, — продолжил Мартин. — А хочешь — как оденешься, иди на все четыре стороны. — Глаза мальчишки недоверчиво расширились, он даже задышал чаще. — Я не буду тебя искать. Но и помочь, если сбежишь, не смогу. — Пьетро все еще смотрел на него, не моргая. Март поморщился. — Ты кивни, что ли, что ты меня понимаешь. Как со статуей разговариваю. — Подросток кивнул. Медленно, заторможенно, словно во сне. — И на том спасибо, — пробормотал Мартин и направился к двери.

Вопрос все-таки догнал его, когда он уже взялся за ручку и даже повернул, открывая дверь.

— Зачем вы это делаете?! — снова с отчаянием, непониманием и еще с чем-то, в чем разобраться сейчас не осталось ни сил, ни желания.

А ведь ответ на этот вопрос Март так и не придумал.

— Просто так, — ответил он, обернувшись через плечо.

Получил очередной удивленный взгляд и вышел.

Спать хотелось до смерти.

Проснулся Мартин уже под вечер и сам не мог бы сказать, что его разбудило: то, что проспал слишком долго, или же

умопомрачительный запах еды, умудрившийся проникнуть в помещение с первого этажа даже через плотно запертую дверь.

Март решил, что если на вкус то, что приготовила Мирта, окажется так же великолепно, как и на запах, то он готов платить ей втридорога, лишь бы она согласилась на постоянную работу.

Комнату Мартин до этого не разглядывал — вышел от Пьетро, открыл первую попавшуюся дверь и завалился на кровать прямо в одежде. Теперь же встал и осмотрелся.

Спальня — большая, светлая. Ничего лишнего: широкая кровать, шкаф для одежды, прикроватная тумбочка, небольшой стол и стул у окна. Дополнительная дверь — в ванную комнату.

Туда Март и наведался в первую очередь. Канализация и водоснабжение работали исправно, несмотря на подозрительное бульканье при первом касании кранов. Следовало бы сказать Себу, чтобы на всякий случай все проверил, но, на первый взгляд, состояние системы выглядело лучше, чем могло бы быть, учитывая общую ситуацию с домом.

Мартин умылся, переоделся в чистое и вышел из комнаты. Первым делом заглянул к Пьетро.

Мальчишка оказался на месте. Сидел на подоконнике, подтянув к себе ноги, и с задумчивым видом смотрел вниз, обхватив руками острые колени.

Оделся.

Значит, вещи привезли в срок, как и обещали. Светлая рубаша, темные брюки, кожаные ботинки. Все свободное, но вроде бы по плечам и длине будет по размеру, когда подросток наберет нормальный для его телосложения вес.

Пьетро тут же вскочил с подоконника и замер руки по швам, ожидая от Марта каких-либо действий.

Март почесал в затылке и еле сдержал зевок.

— Есть пойдем, — кивнул в сторону коридора. — Чего сидишь?

Мирта расстаралась: наготовила полный стол, закупила продуктов, сложила в неожиданно оказавшийся рабочим морозильный шкаф, да еще и попыталась впихнуть Марту сдачу, оставшуюся с тех денег, которые он ей дал.

— Оставьте в счет будущих покупок, — не скрывая надежды в голосе, сказал он. — Что бы вы ни приготовили, пахнет потрясающе. Я уже почти готов умолять вас остаться тут навсегда.

К счастью, Мирта восприняла шуточный комплимент именно как комплимент, а не как угрозу запереть ее в страшном доме черного мага; смущенно зарделась.

— Всего лишь суп и овощное рагу, — пробормотала робко. — Мне показалось, мальчику нужен суп.

— Правильно показалось. — Не став церемониться, Мартин отодвинул стул от кухонного стола. Мирта застучала по-

судой. — Вы, наверно, тоже голодная, — сказал Март ей в спину. — Я же отнял у вас обед. Присаживайтесь за стол.

Спина женщины окаменела. Мирта медленно обернулась. Мало того, что господин не велел накрывать в столовой, так еще и...

— Боитесь? — с улыбкой спросил Март.

Несмотря на то что спальня, в которой он провел последние часы, не была еще приведена в порядок, выспался он отменно и пребывал в отличном настроении.

— Нет, — Мирта качнула головой. — Кажется.

— Тогда присаживайтесь. Этот дом — мой на ближайшие полгода, и я могу устанавливать в нем свои правила. А ты чего стоишь? — Март обернулся к парнишке, замершему в дверном проходе и неловко переминающемуся с ноги на ногу. — Иди садись.

И если Мирта удивилась, услышав предложение присоединиться к обеду, то Пьетро едва ли не упал в обморок. У него даже синяки на лице побледнели — настолько кровь отхлынула от лица.

Мартин умоляюще посмотрел на кухарку. Та понятливо кивнула.

— Садись, садись. — Подбежала к подростку. — Еле на ногах же стоишь. Кто же тебя так...

— Хозяин, — буркнул Пьетро. С вызовом. Зло.

Мирта растерялась.

— Не я, — Март счел необходимым уточнить. — Я ему

не хозяин.

Вряд ли женщина что-то поняла, но сочла за благо смолчать. Она нравилась Мартину все больше и еще сильнее напоминала обожаемую им в детстве Эльзу.

Наконец Пьетро сел и получил свою порцию супа. Однако не притронулся к еде, так и сидел, опустив плечи и исподлобья глядя то на Марта, то на Мирту. На нее — хотя бы без опаски.

Март скорчил гримасу.

— Просто бери ложку и ешь.

Пьетро не шевельнулся.

— Хозяин не заплатит ни за мое питание, ни за содержание, — сказал упрямо, бережно коснулся кончиками пальцев своего рукава, — ни за одежду.

При упоминании хозяина повторно Мирта наконец поняла, о чем речь, в ужасе прикрыла губы ладонью. В глазах женщины отразилась неподдельная жалость.

Март, перехватив ее взгляд, едва заметно мотнул головой — не нужно жалости.

— Просто ешь, — повторил мальчишке. — Просто так.

Пьетро все еще смотрел на него недоверчиво, но ложку взял.

— Вот тебе хлебушек. — Мирта тут же положила возле тарелки подростка ломоть ароматно пахнувшей выпечки.

Мартин благодарно ей кивнул.

Глава 4

Мирта согласилась остаться на постоянную работу, включающую уборку и готовку в доме.

Март предлагал ей направить усилия только на кухню и подыскать новую уборщицу, особенно учитывая нынешнее состояние дома и объем работы, который потребуется для приведения его в должный вид. Но женщина отказалась наотрез, сказала, что справится со всем сама и его сомнения для нее — лишь вызов ее способностям. Мартин не стал спорить, а про себя решил, что просто удвоит плату.

Вероятно, на положительное решение Мирты повлияло предложение Марта разделить с ним прошлый ужин. Она ничего не сказала вслух, но он видел, что ей было приятно. Не менее приятно ее поразило его решение позвать к столу бывшего раба.

Для Марта это было естественным. Долгие годы у него не было слуг, а до этого... Викандеры всегда славились своими демократическими взглядами. Обслуживающий персонал обычно задерживался в их доме на долгие годы, становясь едва ли не членами семьи. Та же Эльза появилась в имении Викандеров задолго до рождения близнецов и, как Мартин подозревал, не случись того, что случилось, служила бы там до самой старости.

Так же конюх, дворецкий, няня, принятая на работу с по-

явлением в доме детей.

Лорд Викандер часто говорил детям о том, что высокое положение — это не только известное имя и счет в банке на крупную сумму. Это прежде всего люди, которые тебя окружают. Верные люди. А еще говорил, что быть Викандером — это ответственность, а верностью не разбрасываются.

Март давно не был и не считал себя Викандером, но бывают понятия, которые впитываются в голову с молоком матери. Видимо, это был тот самый случай.

Мартин отчетливо помнил момент, как однажды Вита застала его на кухне, болтающим с кухаркой и уплетающим свежеиспеченные пирожки. Он часто так делал, пока сестра была занята играми в куклы и сооружением им трехэтажных причесок — действием, от которого брат начинал зевать.

Когда Вита застала их с Эльзой едва ли не в обнимку, да еще и попивающими вместе чай, то задрала нос и высмеяла брата. Он даже до сих пор помнил, что она лягнула: «Так и женишься потом на прачке». Тогда его это задело. Теперь же скорее удивляло, откуда у семилетней девочки могли появиться в голове подобные мысли и формулировки. Не иначе как от гостей — не от родителей уж точно.

Эльза тогда едва не провалилась от стыда сквозь землю.

А близнецы чуть не подрались, пока громко и долго выясняли, кто прав. Брат требовал извиниться перед кухаркой. Сестра настаивала на своем и сыпала явно чужими заносчивыми фразами. Эльза пыталась их утихомирить и даже по-

звала няньку Агату, чтобы та вразумила воспитанников. Но не тут-то было: когда младшие Викандеры входили в раж, их могли остановить лишь родители — обычно отец.

Так случилось и в тот раз. На крики в кухню ворвался сам лорд Викандер и, выслушав посыпавшиеся на него со всех сторон версии произошедшего, впервые при всех отчитал дочь, заставив теперь и ее покраснеть до корней волос и все-таки извиниться перед ни за что обиженной Эльзой.

Сыну, конечно, тоже досталось — за скандал и раскиданную кухонную утварь.

А лорд Викандер в назидание глупой дочери сам целую неделю завтракал исключительно за кухонным столом, а не в столовой, как это было принято.

Разумеется, в доме Викандеров господа и слуги не были на равных, и те и другие четко понимали свое положение. Но отец требовал взаимного уважения и пытался научить этому своих детей.

Заставлять Мирту срочно наводить порядок в еще не готовой столовой, чтобы организовать «господину» индивидуальное место для приема пищи, в тот момент Мартин посчитал как раз неуважением и даже злоупотреблением. Оставить женщину и мальчика дожидаться, пока он сам поест, дабы соблюсти приличия, — вообще глупостью.

Лорд Викандер не стал лордом наполовину за ту неделю, что завтракал в компании Эльзы. Март не обеднел, разделив трапезу с Пьетро и Миртой.

Кухарка восприняла это как проявленное к ней уважение. Мальчик, похоже, насторожился еще больше, но Март не стал донимать его разговорами и отпустил в комнату, едва тот доел.

А для себя Мартин решил, что, может, он больше и не лорд Викандер, но порядки, принятые в родительском доме, ему определено по душе. И плевать на правила поведения столичных господ — в своем доме он будет вести себя так, как ему нравится.

Пусть даже этот дом его всего на полгода.

Встал Март, как всегда, поздно.

Полночи копался в бумагах в поисках информации о рабстве и правах и обязанностях рабовладельцев, но в кратком справочнике, который был в его распоряжении, не нашлось ничего, чего бы он не знал. Раб должен подчиняться и во всем слушать хозяина или другое лицо, уполномоченное этим самым хозяином давать рабу распоряжения. Раб является собственностью владельца до тех пор, пока не умрет или не будет перепродан другому лицу. В то же время нигде не говорилось о том, как хозяин обязан содержать невольников, и даже о том, обязан ли кормить их в принципе.

Март сильно подозревал, что не писали об этом как о само собой разумеющемся. Однако, похоже, владелец Пьетро решил, что если законом это не предусматривается, то можно

не тратить средства на питание ребенка.

Кроме всего прочего, в конце статьи значились сноски на пункты, по которым права на собственность могли быть оспорены третьими лицами. Но в той копии, которая имела у Марта, данной информации не было. А это значило, что нужно было или искать сведения дальше, или пустить все на самотек.

Пускать что-либо на самотек Мартин не любил.

Когда он спустился вниз, в доме пахло свежей сдобой. Закончившая с готовкой Мирта уже занималась уборкой гостиной. Из холла доносился стук молотка продолжившего сегодня работу Себа.

Пьетро сидел на подлокотнике дивана неподалеку от натирающей лакированную поверхность стола женщины, о чем-то с ней негромко переговариваясь, и болтал ногой в воздухе.

С появлением Мартина разговор мгновенно прервался. Мирта выпрямилась.

— Доброе утро, господин.

Пьетро сидел к лестнице спиной, поэтому среагировал позже: резко вскочил на ноги, будто ему дали пинок под зад.

— Доброе... утро, — повторил с запинкой, — господин.

— Добрый день, — усмехнулся Март. — То, что я только что встал, не делает день утром.

Мирта робко улыбнулась. Пьетро отчего-то насупился.

— А чем это пахнет? — Мартин решил оставить разбирательство с подозрительностью парнишки на потом и, ведомый запахом выпечки, двинулся в сторону кухни.

— Я напекла пирогов.

— Пахнет чудесно. Эл... Мирта, спасибо! — Он чуть было не назвал женщину Эльзой, но быстро спохватился.

С приездом в столицу воспоминания из детства стали лишь ярче, не хватало еще начать путать с ними реальность.

Март обернулся уже в дверях, строго взглянул на Пьетро, отчего тот втянул голову в плечи.

— А ты уже ел?

Мальчишка потупился.

— Ел, господин, — с таким видом, будто ждал, что сейчас его попрекнут куском.

— Пока в доме нет гостей, можно без «господинов», — повторил Мартин то, что уже говорил вчера. Перевел взгляд на кухарку. — Мирта, к вам это тоже относится. — Несмотря на то что теперь Мирта совмещала обязанности по готовке пищи и уборке в доме, про себя Март все же называл ее именно кухаркой, должно быть, из-за прочной ассоциации с Эльзой. Та в ответ неуверенно кивнула. — А раз ел, — он снова обратился к Пьетро, — то не стыдно сидеть, пока женщина работает? Помог бы, что ли. Или без приказа никак?

Пьетро покраснел так резко, будто ему в лицо плеснули кипятка.

— Простите, господин, — пробормотал куда-то к своим

ботинкам.

Март дернул плечом, отбрасывая извинения, а заодно и обращение.

— Мне-то за что прощать? Не я гнул спину, пока ты восседал на диване.

— Госпожа Мирта, простите, — покорно переадресовал извинения Пьетро.

Женщина даже дар речи потеряла от возмущения.

— Какая я тебе госпожа! — ахнула затем, уперев руки в бока. — Нашел госпожу, бесстыдник! Вот я тебе!..

Март улыбнулся и скрылся за дверью, ведущей на кухню.

Ожидаемо, пропуск в здание Главного архива стоил не дешево. Однако там даже не заикнулись о том, что у посетителя имелась в ухе серьга, и не попытались содрать втридорога. Возможно, потому что цена и так была заоблачной.

Тем не менее оплата пропуска себя окупила: Мартин быстро нашел документ, на который ссылался его личный краткий справочник и который освещал сведения о рабстве в Реонерии наиболее полно.

Заодно Март покопался в новостной ленте за последние месяцы — раз уж уже оплатил посещение. И только потом покинул здание архива с чувством выполненного долга.

Планы, планы — на этот день их было еще много.

Время в столице Март не провел даром — он наблюдал.

Недовольные режимом были всегда. Правду ли говорили власти, усилив контроль над улицами, что у сопротивления недавно появился новый лидер, или же просто придумали удачное оправдание своим действиям, но сопротивление, состоящее из черных магов, существовало. И новым был у них главный или старым, он точно существовал — не бывает движения без руководителя.

Кем бы этот человек ни был, Мартин планировал его найти.

Столичные темные маги не были дружелюбны даже с коллегам по ремеслу, и Марту пришлось пытаться завести разговор со многими, прежде чем он выяснил, какое место в городе является излюбленным у их братии. «Полумесяц» — трактир на окраине города, открывающийся на закате и не закрывающий свои двери для посетителей до самого рассвета. От заката до рассвета — любимое время черных. Время, когда все остальные горожане мирно спят в своих кроватях. Время темных дел.

Именно в «Полумесяц» тем вечером Мартин и направился.

Первопричиной его переезда в столицу по-прежнему были поиски сестры. Но о второй причине Март тоже не забывал.

Он незнакомец, приезжий — никто в этом городе. Ему не

станут доверять, ему не откроют секреты. А значит, нужно стать здесь своим.

Март велел вознице остановиться и выглянул в окно экипажа.

Снаружи было темно и ничего толком не разобрать. Магические накопители, установленные на фонарных столбах вдоль дороги, едва тлели, освещая лишь ограниченное пространство непосредственно под ними. Располагались же столбы на расстоянии в три человеческих роста друг от друга.

Март приоткрыл дверцу, и в нос тут же ударил запах нечистот.

— Это точно здесь?! — крикнул вознице.

— Не нравится? — не удержался тот от подколки. — Плати еще столько же, и я увезу тебя в место поприличнее.

Учитывая сумму, которую он уже заплатил за то, чтобы его привезли на самую окраину города в такое время суток, возница не на шутку обнаглел.

— Нравится, — огрызнулся Мартин, не испытывая желания и дальше продолжать путь в душном экипаже. Открыл дверцу шире и вышел на улицу. — Свободен! — Махнул рукой, не оборачиваясь — с местными ценами, если попросить извозчика подождать, в итоге он выставит счет больше, чем обойдется полугодовая аренда дома.

Возница пробормотал в ответ нечто неразборчивое, скорее всего, ругательство, и тронул коня. Колеса скрипнули и застучали по неровной мостовой с выбоинами и трещинами в стертых от времени каменных плитах.

Март проводил экипаж взглядом и чуть было не упал, зацепившись носком сапога за скол камня под ногами. Выругался в наступившей тишине куда отчетливее возницы.

В ответ залилась лаем собака, а затем раздалась человеческая брань: животное красочно отругали и велели заткнуться.

— Мило тут, — пробурчал Мартин себе под нос. — Подомашнему...

Видимо, заправляющие в городе белые решили, что самый бедный квартал с минимумом удобств — самое подходящее место для размещения заведения для их оппонентов.

Теперь внимательно смотря под ноги, Март двинулся вдоль по улице, ища пресловутый «Полумесяц». Пока вокруг имелись лишь едва светящиеся фонари и одноэтажные домики из темного, кое-где покрытого мхом и плесенью камня. Некоторые успели обзавестись в стенах трещинами, как и каменные плиты дороги.

Не выезжая за пределы столицы, Мартин будто попал в другой мир, в котором не было ни нормального освещения, ни нормальной дороги. Вероятно, нормальной канализации тут тоже не было — из канав отчетливо тянуло запахом помоев. Магически подсвеченные рекламные вывески, запах

сдобы и благовоний, а также яркое освещение и ровная мостовая — все это было лишь для центральных улиц.

Март был вынужден признать, что, по сравнению с южной окраиной столицы, даже крохотное Прибрежье выглядело благороднее и ухоженнее. Единственный плюс, который он пока обнаружил, — отсутствие патрулей. Впрочем, шатайся они тут в темноте, непременно свернули бы шеи.

Мартин медленно следовал вдоль улицы, внимательно смотря по сторонам. Кое-где в домах виднелось пламя свечей или таких же дешевых еле светящих накопителей, какие были установлены на столбах. Людей не встретилось. Только пару раз еще где-то вдалеке затыкала собака.

Скопление черных магов ощущалось впереди и левее.

Далеко же они забрались: Мартину понадобилось около четверти часа, чтобы добраться до места. Здание, которое было ему нужно, снаружи ничем не отличалось от своих соседей — такое же темное и одноэтажное. Ставни плотно закрыты, удерживая свет внутри и не позволяя пролиться на улицу даже тонкому лучику. Ни вывески, ни названия. Имелся лишь один опознавательный знак — тускло светящийся в темноте полумесяц, сложенный из одиночных точек, посреди двери.

Март направился туда.

Толкнул дверь и тут же на мгновение зажмурился от яр-

кого света, неприятно ударившего по глазам, переступил порог.

Внутри было довольно душно, пахло алкоголем и жареным мясом. А еще тут было много людей, человек тридцать, не меньше, и все они ели, пили и громко разговаривали, рассевшись за плотно расставленными по всему пространству помещения столами. Однако стоило двери открыться, впуская незваного гостя, разговоры мгновенно стихли и все три десятка пар глаз уставились на вошедшего.

Мартин натянуто улыбнулся (не махать же им в знак приветствия?), заправил упавшие на лицо волосы за ухо.

Разговоры тут же возобновились, а посетители потеряли к новичку интерес — серьга была пропуском, в то время как почувствовать ауру мага на расстоянии могли далеко не все.

— Присаживайтесь, дорогой гость! — Из-за стойки выплыл плотный мужчина с черной окладистой бородой и двумя звеньями серьги в ухе. Судя по ауре, магический дар в нем едва теплился. В отличие от деловой жилки, учитывая популярность данного места среди черных магов. — Сегодня у нас многолюдно. Пожалуйста за крайний столик, он пока свободен. — Бородач указал направление, пропуская гостя вперед. — Меня зовут Кард... — Март резко обернулся через плечо. — Кардиан, — закончил хозяин трактира, вопросительно приподняв брови.

— Мартин Халистер, — представился Март, внутренне отругав себя за бурную реакцию. Прошел к указанному пу-

столу столу.

— Надолго к нам в город, господин Халистер? — продолжал Кардиан. Март так и чувствовал на себе его взгляд, скользящий с головы до ног в попытке определить платежеспособность нового посетителя.

Мартин отодвинул стул от стола и подарил бородачу многообещающую улыбку.

— Навсегда.

Домой он вернулся глубоко за полночь.

Завел несколько ничего не значащих знакомств, зарекомендовал себя трактирщику Кардиану как будущий постоянный посетитель, оставил щедрые чаевые. Вроде бы ничего примечательного, но Март был доволен: за последние несколько дней он сделал больше, чем за две недели, которые до этого провел в городе.

Должно быть, Мартин задержался бы в «Полумесяце» дольше, если бы не нагрянула проверка в лице трех стражников и двух белых магов. Кардиан, извиняясь за неудобства, пояснил, что такие визиты — еженощная практика. Умно: зная, где обретаются черные, патрули не прочесывали улицы в поисках невидимых врагов, а шли точно по адресу. А там — проверка документов и регистрации.

Все шло мирно и уже привычно даже для Мартина, пока один из посетителей, совсем еще мальчишка, вдруг не вско-

чил и не попытался бежать. Его, естественно, скрутили и увели с собой. Остальные не двинулись с места, молча признавая полномочия стражей порядка.

— Наверно, не регистрировался в гильдии, — пробормотал кто-то.

Или замешан еще в чем-то, отчего сдали нервы, подумал про себя Мартин. Однако начать задавать вопросы сразу после инцидента было бы опасно. Ему требовалось вписаться в местное общество, а не вызывать подозрения.

После визита стражи и внезапного ареста оставшиеся посетители нестройным потоком направились к выходу, опасаясь, что патруль вернется большим составом и начнет допрашивать свидетелей уже с пристрастием. Осталось несколько то ли самых смелых, то ли тех, кому действительно нечего было бояться.

Март решил не искушать судьбу и тоже отправился домой. Его даже подвезли.

Дом впервые встретил своего нового хозяина бесшумно открывшимися воротами и не скрипящими половицами в холле. Внутри пахло чистотой и свежестью — Мирта и Себ расстарались.

Кухарка давно ушла домой. Пьетро никуда не сбежал — был в комнате на втором этаже.

Лестница, до которой еще не успели добраться умелые руки Себа, протяжно скрипнула под сапогами.

Март поднялся наверх, не спеша прошел мимо комнаты

Пьетро, прислушиваясь.

Было совсем тихо. Аура мальчишки светилась ровным светом: парнишка спал. Рваная аура человека, истощенного как физически, так и морально — большего Мартин сказать бы не смог. Определение здоровья по ауре — удел белых.

И все-таки Пьетро не сбежал.

Март подумал, что на его месте, скорее всего, дал бы деру еще в первый день, едва получил одежду.

То, что мальчишка не сбежал, давало надежду на то, что он умнее него.

Глава 5

Следующие две недели пролетели незаметно.

Себ закончил работы по ремонту дома. Мирта перемыла оба этажа, перестирала шторы и покрывала. Садовник, которого каким-то мистическим образом Мартин ни разу не застал на территории дома и имя которого даже не знал, скошил траву и подстриг кусты.

Пьетро по-прежнему не делал попыток сбежать, но и на контакт не шел. Сидел в своей комнате все то время, что Март находился в доме. Выходил помочь по хозяйству Мирте исключительно в его отсутствие.

С кухаркой он общался охотно. С Мартом разговаривал односложно, и то если тот настаивал на ответе.

Раны на его теле затянулись, синяки под глазами побледнели. Мальчишка регулярно питался и много спал — лучшее лекарство.

С совместными приемами пищи, не считая того, первого раза, не заладилось. Парнишка бледнел, краснел и прятал глаза, спеша скрыться в комнате, толком не поев, и Мартин отстал от него, предоставив относительную свободу.

Март через день навещался в «Полумесяц». Выяснил, что того юнца арестовали за нелегальный въезд в город, оштрафовали и отпустили.

Заезжал к сыскарю.

Еще раз посетил архив.

Наконец занялся изучением древнего фолианта, полученного от Гелены Роуг.

Договорился о покупке коня и теперь раздумывал, стоит ли нанимать конюха.

С этим вопросом он и пришел тем вечером к Пьетро.

Мальчишка опять прятался в комнате, что уже начинало здорово надоедать. Если бы он спал, набираясь сил, Март бы понял. Но Пьетро часами сидел на подоконнике, смотря в окно, а порой и просто в темноту.

Мартин постучал, но не получил ответа.

— Пьетро, я войду?! — громко позвал через дверь.

В первые дни он пренебрегал стуком в двери. Потом сообразил, что требовать не называть себя господином и при этом нарушать личное пространство — поступки друг другу противоречащие. Теперь Мартин регулярно стучался.

Часто мальчишка не отвечал, притворяясь спящим, и Март не настаивал. Но сегодня он решил, что пришло время серьезно поговорить. Тем более, черт возьми, ему на самом деле требовался конюх.

— Пьетро! — позвал Март строже. — У тебя аура колеблется! Я знаю, что ты не спишь!

Аура колебалась от страха всякий раз, стоило Мартину приблизиться хотя бы к двери, не говоря уже о том, чтобы подойти к самому мальчишке.

— Простите, господин. — Дверь быстро отворилась, а

Пьетро замер в позе покорности: руки по швам, взгляд — в пол. — Я не расслышал вас. Простите...

Март пожелал себе терпения и смолчал. Напоминать о том, что он не «господин», снова было бессмысленно.

Шагнул внутрь, и Пьетро опасно попятился, пропуская, втянул голову в плечи.

У Марта появилось непреодолимое желание рывкнуть на него и велеть смотреть наконец в глаза. «А еще можно его отлупить и посадить на цепь», — ехидно подсказал внутренний голос.

Мартин прошелся по комнате, усмиряя раздражение. Обратил внимание на то, что все вещи у пацана в идеальном порядке, даже на покрывале ни складки. Сам Март никогда не обладал подобной аккуратностью.

Он хмыкнул и обернулся: Пьетро все еще стоял, не шевелясь, возле двери с таким видом, будто ждал наказания.

— Слушай, Петь, — Мартин все-таки не выдержал. Ему категорически не хватало опыта общения с теми, кто младше него, а разговаривать с этим парнишкой по-взрослому пока что совсем не получалось. — Давай договоримся: ты скажешь мне, чего ты боишься, а я скажу тебе, собираюсь это делать или нет?

Мальчишка дернул головой, на мгновение подняв на него глаза, и тут же вновь уставился в пол. Март едва не заскрежетал зубами.

— Чем я тебя пугаю? — перефразировал вопрос.

С Миртой же тот общался. Кухарка называла его милым вежливым мальчиком. По ее словам, он уже познакомился и с Себом, и с садовником, которого сам Мартин так и не видел. Но его боялся до дрожи.

— Господин... — начал Пьетро, даже подбородок задрожал.

Март закатил глаза.

— Не «господин», — процедил сквозь зубы.

— Господин, вы — волшебник... — наконец мальчишка выдал нечто связное.

Волшебниками называли магов несведущие люди, год за годом таких становилось все меньше.

— Магия — не волшебство из сказок, — как можно терпеливее объяснил Март, — это управление энергиями.

— Колдовство, — со священным трепетом пробормотал Пьетро.

— Туда же — к волшебству, — огрызнулся Мартин. Тем не менее такой страх был ему понятен — уже что-то. — Если боишься магии, то не стоит. Ты уже успел убедиться, я стараюсь лишний раз не использовать магию в быту. Чего ты еще боишься, помимо того, что я маг?

— Того, что вы вернете меня хозяину, — глухо, все еще не поднимая глаз.

Март покачал головой.

— Не верну.

— Того, что выгоните. — Мальчишка сжал кулаки — это

признание далось ему труднее, чем предыдущее.

— Не выгоню.

— Того, что... — К щекам Пьетро прилила кровь, и он замолчал.

— Нет! — Мартин чертыхнулся. — Значит так, — заговорил, уже не сдерживая раздражение, — глаза подними. — С заминкой, но тот послушался. — Отлично. Запомни, я не собираюсь тебе вредить и... э-э... как-то использовать.

Лицо Пьетро сделалось совсем несчастным.

— Тогда я не понимаю! — практически выкрикнул, вновь сжав кулаки до такой степени, что побелели костяшки. — Зачем я вам?! Почему?!

В том-то и дело, что незачем.

— Да потому, что я не отдам тебя назад садисту! — рявкнул Март. Пьетро побледнел. — Может, у меня обостренное чувство справедливости, — Мартин сбавил тон, понимая, что криком сделает только хуже. — Скажи мне, у тебя есть родные, кто-то, кто тебя ждет? Я попытаюсь отправить тебя домой.

Он еще сам слабо представлял, как этого добиться. Все документы у бывшего хозяина, а без них пограничная стража легально не выпустит. Впрочем, «нелегально» и «за деньги» еще никто не отменял. Однако на то, чтобы найти надежные контакты, могло уйти много времени.

Мальчишка снова спрятал глаза, мотнул головой.

— Нет никого.

— Но ты хочешь вернуться?

— В Аленсию? — голос Пьетро дрогнул. — Не хочу. — Теперь он даже отвернулся и закусил губу. — Меня там опять поймают и отправят на рабский рынок.

В каждом королевстве свои «прелести» жизни. В Аленсии вот, если у тебя нет денег, тебя могут запросто продать в рабство.

Мартин устало потер переносицу.

— И что же мне с тобой делать? — пробормотал сам себе.

Может, удастся пристроить мальчишку в какой-нибудь приют? Ему там хотя бы дадут начальное образование.

Чем больше Март об этом думал, тем больше этот вариант ему нравился. Не оставлять же парнишку здесь? На месяц-другой, пока его организм полностью восстановится, но не дольше.

Все это время Пьетро терпеливо ждал приговора.

— Я найду приют, — окончательно определился Мартин. Мальчик вздрогнул, будто его хлестнули плетью. — Я сам вырос в приюте. Это не страшно, — заверил Март.

— Вы, господин?! — Пьетро наконец вскинул глаза без приказа.

— Как видишь. — Март в очередной раз проигнорировал «господина». — Вот что, я поищу приют, куда тебя смогут взять без документов. — Как его самого когда-то, благодаря Ширадину. — А ты пока поработаешь у меня конюхом. За лошадьми ухаживать умеешь?

У Пьетро загорелись глаза.

— Умею, господин!

Март выдохнул с облегчением: по крайней мере, они достигли первой договоренности.

— Отлично. Завтра приведут коня, и у тебя появится работа. А теперь пойдешь со мной ужинать?

Договоренность договоренностью, но Пьетро вновь потупился.

— Господин, я же...

Март вздохнул.

— Дурак ты, Петька. Идем, кому говорят. Мирта уже проболталась, что ты вечером не ел.

На следующий день при виде коня у мальчишки по-настоящему загорелись глаза. Март заметил, что вышедшая на крыльцо Мирта даже смахнула слезу от умиления.

А конь был прекрасен: вороной масти, с роскошной гривой и мощными мышцами, играющими под лоснящейся шкурой от каждого движения, — точная копия того жеребца, о котором Мартин мечтал, когда ему было восемь лет.

— Осторожно, — предупредил приведший его посредник продавца, — он буйного нрава.

Но Пьетро уже подхватил коня под уздцы и, что-то ласково приговаривая, повел его в сторону расположенной на заднем дворе конюшни. Вчера Себ приготовил ее к приему

нового жильца.

Как ни странно, жеребец не выразил и толики протеста. Пьетро не соврал: обращаться с лошадьми он умел.

— Ишь ты! — восхитился предупреждавший об осторожности мужчина.

Март передал ему деньги и последовал за скрывшейся за домом парочкой.

Когда Мартин подошел, Пьетро успел налить жеребцу воды и ласково поглаживал животное по шее, пока то утоляло жажду.

Со стороны конь выглядел более чем смирным.

— Как его зовут? — наверное, впервые за время их знакомства Пьетро обратился к Марту без страха.

— Мрак, — это имя вырвалось прежде, чем Мартин успел подумать.

Имя, которое он дал своему будущему коню в детстве.

— Ему идет! — И так искренне улыбался Пьетро тоже впервые.

И вообще улыбался.

Март тоже подошел к Мраку, коснулся холки. Конь недовольно дернул головой.

Мартин усмехнулся.

— Ты нравишься ему больше.

Зря сказал: мальчишка смутился.

— Простите, господин.

— Меня зовут Мартин. И тебе не за что извиняться.

— Господин, — упрямо повторил Пьетро.

Март сходил в дом за сахаром, и конь охотнее пошел на контакт.

Пьетро отошел подальше, а Мартин оседлал Мрака. Конь не возражал, но следил за действиями нового владельца с немим осуждением. Тем не менее добровольно открыл рот и позволил себя взнуздать.

В седло тоже пустил, но показал характер позже — сразу попытался сбросить. Однако, учитывая то, что Мартина учили держаться в седле с трех лет, у того ничего не вышло.

Попробовал пуститься в галоп, насколько позволяла площадь заднего двора. Напугал зазевавшегося Пьетро.

Они повоевали еще четверть часа, после чего конь признал седока, хотя и все еще поглядывал на него с недовольством.

Март сам расседлал Мрака и передал подоспевшему Пьетро седло и уздечку. Конь оскорбленно фыркнул и отправился общипывать ближайший куст.

Пока помощник не вернулся, Мартин присел на ступени крыльца к задней двери дома и молча следил за животным.

Пятнадцать лет назад такой жеребец был его мечтой. Выбрав похожего коня, в глубине души он надеялся испытать

тот самый детский восторг. Но в итоге это вызвало лишь поток ненужных воспоминаний и ностальгию. Восторга не было. Пожалуй, даже Пьетро обрадовался больше.

Март как раз раздумывал о том, когда он разучился радоваться, как вернулся мальчишка. Он заметил его сразу, но не стал поворачиваться, предоставив тому самому решать, как поступить: уйти или забрать коня и отвести его в стойло.

К удивлению Мартина, Пьетро не сделал ни того, ни другого. Подошел и сел рядом — на расстоянии, но на ту же ступень. Март покосился в его сторону и промолчал. Мрак с упоением ел какой-то колючий куст. Неизвестно, что это был за куст, но, судя по всему, невероятно вкусный.

— Они умерли, когда мне было пять, — голос Пьетро прозвучал глухо, однако уверенно — без пауз и «господинов». — Мои родители. В городе была лихорадка. Многих скосило. — Март сорвал травинку у своих ног, покрутил в пальцах, стараясь не смотреть на парнишку в упор, чтобы не спугнуть. — А я не заболел. Родни не осталось. Скитался, прибил к таким же беспризорникам. Еще через несколько лет нас поймала стража. Бродяжничество в Аленсии запрещено. Отпустят, если оплатят штраф. Если нет денег, то продадут, а деньги — в казну.

Травинка порвалась.

— Даже детей?

Пьетро покачал головой.

— У нас нет приютов, как у вас. Но и рабство другое — из

него можно выкупиться. Часто хозяева отпускают в долг: заработаешь — заплатишь, и тебя освободят официально. Мне просто не повезло: мой хозяин решил подарить меня своему приятелю.

— Это не запрещено законом?

— За несовершеннолетнего налог за продажу выше.

Март помолчал.

— Давно?

— Два года назад.

— А сейчас тебе?..

— Четырнадцать, господин.

— Просто Мартин.

— Не могу, господин.

Март вздохнул, уступая. Повернулся к мальчишке впол-оборота и оперся плечом о балясины крыльца. Пьетро сидел, сгорбившись, опустив руки между колен и склонив голову. Ветер играл его волосами, то и дело бросая рыжие пряди в лицо, но он будто этого не замечал.

— Ты читать умеешь? — огорошил Мартин мальчишку вопросом.

Тот изумленно вскинул голову.

— Нет, господин. — И часто заморгал, будто у него спросили неслыханную глупость.

Во всяком случае это были эмоции, отличные от страха — живые эмоции.

Март улыбнулся.

— Хочешь, научу?

В глазах Пьетро что-то изменилось, влажно блеснуло. Он вскочил, торопливо отворачиваясь.

— Отведу Мрака, господин. Вдруг переест... кустов!

Мартин не стал его останавливать.

Глава 6

Тонкое нижнее белье, поверх него — рубашка со свободными рукавами, кожаный корсет и кожаная куртка, обтягивающие брюки...

Она собиралась быстро, по-солдатски: только что была совершенно обнажена — и вот уже обувалась, будучи полностью одетой.

Мартин некоторое время лениво следил за быстрыми движениями женщины, потом перекатился на другой край кровати и тоже встал; потянулся за своими вещами.

Ее звали Ханна — во всяком случае, она представилась именно так. Родового имени молодая женщина, подсевшая к нему за столик в «Полумесяце», не назвала.

Он и не спрашивал.

Очередной визит в трактир для черных магов. Очередные разговоры ни о чем, подозрительные взгляды одних и — ну наконец-то! — приветственные кивки других посетителей. Очередной визит патруля стражи и белых магов. Очередная проверка документов и список опостылевших вопросов строго по протоколу...

Мартин уже собирался домой, примирившись с тем, что и сегодняшнее посещение обитатели темных не принесло ничего выдающегося; вполуха слушал пристроившегося к нему работника местной гильдии, битый час жалующегося на судьбу

и тяготы службы.

Она вошла в заведение вскоре после проверки патруля. Высокая, гибкая, с пронзительными карими глазами. Черный маг, довольно посредственный, судя по ауре. У нее была смуглая кожа, непропорционально большой рот и волосы — черные спиральки. Март не назвал бы ее красавицей, и она определенно была не в его вкусе.

Он лишь скользнул взглядом по вновь прибывшей, отметив, что видит ее тут впервые, и отвернулся. Женщина с волосами-спиральками села за соседний столик.

— Нет, правильно, что ты не польстился на их рассказы и не пошел к ним работать, — продолжал стенать гильдейец. Как его звали? Омар? Амаль? Мартин уже и не помнил, зато знал, что зарплата у того — десять медяков за вызов, арендная плата — серебрянка в месяц, а жена — прожорливая транжира.

Март как раз собирался вежливо и быстро распрощаться с надоедливym собеседником, когда над головой раздался голос:

— Привет, красавчик!

Мартин поднял глаза: та самая незнакомка.

Она отодвинула стул ногой и беззастенчиво заняла место за их с гильдейцем столиком. На Омара-Амалья даже не взглянула, сосредоточив все внимание на Марте.

Поставила еще полную кружку с элем перед собой и подалась вперед, опершись локтями на столешницу.

— Как ты еще не сдох в компании этого плакальщика?

Гильдеец изумленно икнул и обиженно заткнулся, перевел на Мартина жалобный взгляд.

Март нацепил на лицо вежливую улыбку.

— Она это не всерьез.

— Да ну? — усмехнулась женщина, спрятавшись за ободком своей необъятной кружки, и, кажется, залпом выпила большую часть ее содержимого. С грохотом поставила посуду на стол. — Я, кстати, Ханна.

— Мартин.

— Ну, я пойду? — жалко пискнул гильдеец...

Через четверть часа Ханна уже сидела на его месте по левую руку от Марта. Через полчаса — у него на коленях.

О себе она сказала лишь то, что является вольной наемницей и недавно приехала «в этот чертов город».

Ханна искала компанию, чтобы хорошо провести время и расслабиться.

Мартин не был обременен какими-либо обязательствами, чтобы ей отказать.

Через час они сняли комнату прямо в «Полумесяце». Она не звала его к себе, а Март не собирался водить в дом посторонних, и то, что в трактире нашлась свободная комната, оказалось весьма кстати...

— Торопишься?

Мартин только застегнул рубашку, а Ханна заканчивала закручивать волосы-спиральки в тугую «шишку» на макуш-

ке.

Женщина усмехнулась.

— Не люблю терять время, — подмигнула игриво. — Но ты это уже и так понял. — В доказательство своих слов Ханна стремительно пересекла комнату, чтобы обвить его шею руками и поцеловать в губы — на прощание. — Если повезет, еще увидимся, красавчик. — И так же стремительно направилась к двери. — За комнату заплатишь? — задержалась уже на пороге, спросила через плечо.

— Разумеется.

Что-то подсказывало ему, что, откажись он платить, она спокойно выложила бы Кардиану нужную сумму сама, лишь бы не тратить время на пустые разговоры.

Однако его ответ ее устроил. Алые губы довольно и сытно улыбнулись, после чего их обладательница скрылась за дверью. По коридору пронесся звук быстрых шагов.

Сонный Кардиан заговорщически усмехнулся, отсчитывая сдачу.

Мартин приподнял бровь.

— Что, повезло тебе сегодня? — озвучил свои мысли трактирщик, все еще лукаво улыбаясь.

Март неопределенно дернул плечом.

— Знаешь ее? — спросил серьезно.

Кардиан спрятал монеты в необъятный карман фартука,

пожал плечами.

— Охотница. Шастает по стране, берет заказы. У нас обь-
является стабильно раз в год. Зайдет, высмотрит, кто ей при-
глянется. Счастливики потом еще месяц хвастают, как им
повезло и какая она горячая штука.

— Я не буду, — заверил Март.

Трактирщик разочарованно вздохнул.

— Через пару деньков свалит, только ее и видели. Так что
если рассчитываешь на продолжение, то забудь. Бешеная ба-
ба. — И снова ухмылка, на этот раз мечтательная.

Мартину даже показалось, что тот ждет, что его спросят,
проверил ли и он на себе «горячность» Ханны.

Уточнять Март не стал.

— До встречи. — Хлопнул ладонью по стойке и направил-
ся к двери.

До рассвета оставалось еще около часа.

Она не уехала. Стояла возле коновязи, подтягивала под-
пруги и будто бы больше никуда не спешила.

Мартин тоже подошел к заскувавшему Мраку, отвязал.

— Отличный конь, — бросила женщина.

У нее самой была светло-серая в яблоках кобыла, шкура
которой отливала серебром в тусклом свете фонарей. Март
подумал: стоит лошади такой расцветки приделать рога или
бумажные крылья— можно смело пугать ночами суеверных;

усмехнулся.

Ханна заметила.

— Что смешного? — Прищурилась, вглядываясь в его лицо.

— Да так, фантазии.

Та ухмыльнулась, очевидно, решив, что фантазии были на ее счет, и молнией взлетела в седло.

— Поехали, что ли, красавчик?

Мартин не заставил себя долго ждать.

Спрашивать, по пути ли им, было бессмысленно. Отсюда вело лишь две дороги: к центру города или к Южным воротам. И если никто из них не собирался покидать столицу этой ночью, то выбор оставался невелик.

— Ты недавно здесь, да? — спросила Ханна.

Они не спеша ехали рядом вдоль темной улицы. Город еще спал.

Мартин повернул голову. Женщина расслабленно держала поводья, однако положение ее тела и рук ясно говорило о том, что эта расслабленность обманчива: если будет нужно, наездница среагирует мгновенно.

— Некоторое время, — уклончиво ответил Март.

Не то чтобы это было секретом, но он не стремился делиться информацией о себе с женщиной, которая предпочитала внезапно появляться и так же внезапно исчезать, остав-

ляя за собой дымку тайны. Ханна сама ясно дала понять, что ей нужно развлечение на ночь — не более.

— Дерьмовый город, — бросила спутница.

С этим утверждением поспорить было нельзя, поэтому Мартин промолчал.

То, как женщина вошла в трактир, под села к нему, затем как вела себя в комнате и как покинула ее — было искренне и естественно. А вот то, что она вдруг не уехала, когда еще за несколько минут до этого заявила, что не любит терять время, выглядело подозрительно и не располагало к доверительным беседам.

— У тебя очень сильный магический потенциал, — Ханна вновь заговорила первой, поняв, что он не собирается ничего отвечать. — Странно, что гильдейцы тебя не захомутали в первый же день.

Они старались, особенно начитавшись рекомендательных писем от Ризаля. Однако данные о наследстве и о том, что вновь прибывший в столицу не нуждается в деньгах, поубавили их пыл. В итоге разошлись миром: Марту лишь сказали, что он всегда может рассчитывать на место в здешней гильдии, он — вежливо пообещал им иметь в виду.

Ответил сдержанно:

— Не сошлись в цене. — Ханна громко хмыкнула, демонстрируя, что в курсе расценок столичной Гильдии магов. — А что, хочешь предложить работу?

На этот раз она рассмеялась.

— Не лъсти себе. Я одиночка. Просто стало интересно, положил ли Шкипер уже на тебя глаз или нет. Он любит таланты.

Март придержал коня и направил его наперерез серебрястой кобылке.

— Шкипер?

— Так, значит, нет? Ну надо же! Старееет...

Вот теперь Мартин был не прочь продолжить беседу. Если Шкипер — тот, о ком он подумал...

Не успел.

Их разговор прервал грохот и звон бьющихся стекол, а затем из окна второго этажа одного из домиков вдоль дороги прямо на мостовую выпал человек.

Мрак шарахнулся в сторону. Лошадка Ханны встала на дыбы, испуганно заржав.

А тем временем вслед за выпавшим из разбитого окна вынырнула темная тень и накинулась на свою жертву, впившись призрачными клыками в горло.

— Белый, — спутница Марта презрительно сморщила нос. — Поехали отсюда.

Выпавший на дорогу действительно был белым. А где-то на втором этаже тускло светилась слабая темная аура. Март знал, что в отличие от Прибрежья в столице черных магов не отпускали на задания без присмотра — за ними повсюду

таскались белые, для контроля; поэтому не удивился.

Не удивился Мартин и тому, что после такого грохота улица осталась мертвенно пустой. В соседнем доме шелохнулись шторы, но никто так и не вышел, расценив, что своя шкура ценнее.

— Эй, ты что делаешь?! — ахнула Ханна, когда он спрыгнул с коня. — Это же белый! Ты идиот?!

Возможно.

Возможно, Март был идиотом, выпустив из поля зрения женщину, знавшую что-то о подполье черных, о котором он так долго и безуспешно пытался выведать информацию. Но уехать и сделать вид, что ничего не видел, Мартин не мог.

— Придурок! — донеслось вдогонку.

Не обернулся.

Призрак был сильным, нажравшимся чужой энергии и злым. Он рвал белого мага, априори не способного противостоять нежити, на части, разбрызгивая вокруг бурые капли крови. Маг хрипел и безуспешно пытался сбросить его с себя, но только терял силы и кровь.

Судя по слабой темной энергии, оставшейся на втором этаже, черному магу из этого тандема уже досталось.

Март подлетел и, недолго думая, дернул призрачную сущность на себя. Это тоже было особенностью темных магов — только они могли коснуться неосязаемого для других сгустка мертвой энергии.

Сущность издала утробное рычание и на мгновение вы-

пустила клыки из своей жертвы. Развернулась к неожиданной помехе.

«Хвост» нежити пришлось бросить — несмотря на возможность дотронуться до призрака, призрачная материя жгла руки не хуже кислоты. Убедившись, что тварь вынула клыки, Март разжал хватку и швырнул в призрака черным магическим огнем.

Сущность завывала и попыталась напасть. Мартин наскоро прикрыл себя «щитом» и усилил напор черного огня. Тварь была не из слабых, но в сравнении с теми, что вселялись в людей в Прибрежье, мелочью.

Не пришлось ни вынимать накопители из кармана, ни пускать себе кровь — пламя чистой темной энергии сделало все само, быстро и без лишних манипуляций. Призрак осыпался черным пеплом, который, покружив, растаял в воздухе, даже не успев долететь до земли.

Март склонился над все еще хрипящим белым. Глотка мага была разорвана в клочья, и, будь на его месте не обладающий даром, он бы уже давно истек кровью.

Белый ошалело вращал глазами и пытался зажать израненную шею скрюченными в судороге пальцами.

— Не дергайся, — шикнул на него Мартин.

В ответ на это глаза белого выпучились еще больше. Он оторвал одну руку от горла и, кажется, даже собрался защищаться от черного, решившего, по его мнению, добить поверженного врага.

— Совсем с ума посходили в своей столице, — проворчал Март. Вынул из сапога нож и безжалостно вспорол светлую хламиду пострадавшего; отрезал большой кусок ткани и прижал к ране. — Затихни уже! — рявкнул на вновь решившего защищаться белого. — Вызови гиль... — Он обернулся и не договорил. — Черт!

Впрочем, ничего удивительного: Ханны и след простыл. Только Мрак послушно ждал в паре десятков шагов от места происшествия. Конь с деловым видом пожевывал розовый куст, выращенный кем-то в широкой кадке у крыльца, и косил глазом в сторону хозяина.

Лишь сейчас захлопали двери домов.

Улица наполнилась людьми. Горожане изумленно загомонили.

Март обреченно подумал, что завтра новость о том, что черный маг стоял на коленях посреди улицы, зажимая рану белого и весь перемазавшись его кровью, будет на первой полосе всех газет королевства.

— Чего пялитесь?! — крикнул зло обступившим их с раненым зрителям. — Зовите гильдейцев!

Глава 7

В приемной столичной Гильдии магов было не протолкнуться. Похоже, для выяснения обстоятельств белые собрали не только непосредственных свидетелей произошедшего, но и весь квартал.

Март расположился в стороне ото всех, в самом углу зала ожидания, и сидел, уперев локти в колени и опустив голову. Люди вокруг громко переговаривались, обсуждая, кто что видел, и делясь впечатлениями.

— А ты?..

— Да спал я, а оно...

— Грохот был та-а-а-акой, я тебе говорю!..

— Вообще не понял, что случилось. Ты в курсе?..

— Я-то?..

— Ограбили кого, что ли?..

— Да белого порешили, вы что, не в курсе?!.

— Черного ж вроде...

— Да вон он, черный...

— Ой!

И тогда голоса на время смолкали, а глаза любопытных обращались к Мартину.

Первое время он молча отвечал вызовом во взгляде. Потом просто опустил голову и предоставил болтунам придумывать свои версии произошедшего. Хорошо хоть, побаива-

лись и не лезли — вокруг него образовался целый островок из пустых стульев, в то время как в другом конце зала некоторым не нашлось мест для сидения, и им пришлось стоять.

— Мартин Халистер? — наконец прогремело над ухом.

Конечно же Март почувствовал приближение белого, но не посчитал нужным поднимать голову.

Навалилась жуткая усталость, хотелось спать и есть, а вести беседы с гильдейцами — не хотелось категорически. Мартин даже малодушно подумал, что Ханна — или как ее звали на самом деле? — была права и он идиот, потому что вмешался. Спал бы уже в своей постели и видел бы десятый сон.

А белый маг, на которого напала нежить, был бы уже мертв — только и всего.

Март выдохнул, отбрасывая нелепые мысли, поднял голову.

— Он самый.

— Пройдемте.

Тонкая невысокая фигура подошедшего к нему белого мага, как всегда в необъятной хламиде, совершенно не вязалась с раскатистым басом.

Мартин поймал себя на мысли, что никогда не задумывался, зачем и в какой момент в гильдиях ввели такую нелепую форму для светлых. Когда, будучи ребенком, он бывал в гильдии с отцом, то все сотрудники, как белые, так и черные, совершенно точно были одеты в штатское. Теперь же свет-

лые будто хотели обозначить свое положение не только отсутствием серег, но и приметной одеждой. Почему для этого был выбран образ мешков, оставалось для Мартина загадкой.

Он молча встал и последовал за провожатым. Голоса в зале смолкли, и все присутствующие как один повернули головы в их сторону.

Март сцепил зубы.

Его привели в кабинет самого главы местной гильдии, о чем важно заявляла надпись на двери. Март подумал, что Ризаль умер бы от зависти, увидев, в каких условиях работают его столичные коллеги.

В кабинете главы гильдии Прибрежья Мартин тоже бывал не единожды, но тот был точной копией рабочего места его личного контролера. Разве что Ризаль обзавелся цветочным тюлем и парой растений в горшках, а его начальник был не таким любителем флоры.

Огромное помещение, помимо классических стола и стульев, вмещало в себя диван, несколько массивных шкафов с непрозрачными дверцами, один — со стеклянными, за которыми располагался настоящий бар со множеством бутылок и бокалов, и стеллаж с книгами, точь-в-точь как в Государственном архиве, занимающий всю стену и доходящий до самого потолка.

Март сделал первый шаг и с удивлением опустил взгляд на ковер, в густом высоком ворсе которого утонули сапоги. Светло-серый, как хламиды белых, идеально вычищенный и будто расчесанный — волосок к волоску.

Почему-то этот вычурный и совершенно неуместный на рабочем месте ковер окончательно испортил впечатление о хозяине кабинета еще до непосредственной встречи с ним.

Мартин недоуменно обернулся на провожатого (конвоира?), приподнял брови, без слов комментируя то, что в помещении никого не было.

— Господин Приуз сейчас будет, — пробасил тот. — Велено: подождать.

Март кивнул и молча направился к стулу для посетителей. Басистый возмущенно ахнул, когда он прошел по ковру грязными сапогами.

— Тапочек не нашлось, — огрызнулся Мартин, чувствуя, что если не ляжет спать в ближайший час, то точно начнет кусаться, как давешняя нежить.

Провожатый побледнел, затем покраснел и отступил в коридор спиной вперед. Так-то лучше.

Но расслабился Мартин рано. Не прошло и минуты, как в коридоре послышались шаги.

На вид ему было лет сорок, плотный, высокий, в хламиде, хотя, на взгляд Марта, ему больше подошли бы кольчуга и меч.

— Мартин Халистер? — уточнил светловолосый мужчи-

на.

Как ни странно, ковер вызвал у Марта больше неприятия, чем его обладатель. У вошедшего было простое, а вовсе не надменное лицо, какое часто бывает у белых при виде черного, и умные чуть прищуренные глаза. Обычная внешность — ничего отталкивающего.

Мартин кивнул.

— Господин Приуз, я полагаю?

Вставать не стал. Устал, а расшаркиваться не хотелось от слова «совсем». Белый оценил, Март понял это по тому, как тот прищурился еще больше, но спустил с рук.

— Зирилл Приуз, — представился полностью. Прошел к столу.

— И вы?... — подтолкнул Мартин.

— Заместитель главы гильдии.

Значит, Март не ошибся, и на двери золочеными буквами было выведено другое имя.

Мартин сложил руки на груди, намекая на то, что не жаждет общения.

— И чем же обязан нашей личной встрече, заместитель главы Приуз? — задал вопрос тоном, граничащим с дерзостью.

Его допросили еще в первый час после прибытия в здание гильдии. Казалось бы, все выяснили и должны были либо арестовать, либо отпустить. Однако оставили тут еще на три часа, в довесок к толпе с улицы, которую тоже не распу-

стили.

Теперь глаза Приуза совершенно превратились в щелки. Он скопировал позу собеседника.

— Хотелось бы лично уточнить кое-какие моменты. Если вы, разумеется, не против.

Март был против. И отчего-то зол. Ранним утром черные маги спят, а не приходят на ковер к белым. Пусть даже этот ковер такой пушистый и расчесанный.

— Не против, — ответил сквозь зубы.

Аккуратно хамить ему никто не запретит, но открыто отказать от беседы со вторым человеком столичной Гильдии магов могло грозить крупными неприятностями, начиная с ареста и заканчивая обвинением в отказе от сотрудничества с властями.

— Мартин... Можно мне вас так называть? — Приуз подался вперед и уперся локтями в столешницу.

Март натянуто улыбнулся.

— Как вам будет угодно.

По правде говоря, Март полагал, что Приуз начнет переспрашивать его о том, что он уже сто раз рассказал мелким сотрудникам, проводящим его допрос по прибытии. Однако заместитель главы удивил.

— Мартин, расскажите мне, что произошло этой ночью на бульваре Роз. — Теперь, по крайней мере, стало ясно, откуда на этой улице столько розовых кустов, которые так понравились Мраку. — Я уже понял, что вы просто проезжали мимо.

Это подтвердили все свидетели, включая пострадавшего.

— Он выжил? — встрепнулся Март.

— Да, — Приуз чуть улыбнулся. — Обошлось. Вы успели вовремя.

— Вы — успели.

Мартин расцепил руки и перевел взгляд на свои кисти. Они были все еще перепачканы кровью, которая, казалось, въелась в кожу. Крови было чудовищно много, и просто чудо, что пострадавшему удалось дожидаться подмоги и не умереть от кровопотери, при всей живучести белых.

Пока Март зажимал куском хламиды раны на шее светлого, то успел его рассмотреть. Совсем юный — мальчишка, молодой и неопытный. Куда ему контролировать черного на задании? Конечно же, нежить решила им перекусить — почувствовала, что жертва слаба и не окажет сопротивления.

— Так что там произошло? — вновь привлек к себе его внимание Приуз. Март поднял глаза, и тот пояснил свой вопрос: — Это ведь был призрак, верно? — Мартин кивнул. — Бестелесный призрак, не подселенец, не какая-то нечисть. Так как вышло, что он отрастил себе вполне материальные клыки и напал на Хавьера?

Хавьер, значит...

Марту очень захотелось посоветовать заместителю главы почитать учебные материалы в архиве и больше не тратить его личное время. Сдержался, выдохнул. Это все недосып. Объективно: Приуз вел себя достойно и уважительно.

— Вы задавали этот вопрос другим черным магам?

Мужчина поморщился.

— Мне сказали: «Так бывает».

Мартин позволил себе усмехнуться. Об отношениях черных и белых в столице ходили легенды — ни в одном другом городе их противостояние не достигло таких высот, как здесь.

— И почему вы решили, что я дам вам более развернутый ответ?

Но Приуз не смутился и глаз не отвел; пожал плечами.

— Потому что вы не проехали мимо. Это... — Пауза. — Неплохая характеристика.

Мартин напрягся. Воевать с белыми он не стремился, но и притворяться их добрым другом также не собирался.

Зажал окровавленные ладони между колен и тоже подался вперед.

— Мне кажется, вы не за того меня приняли, господин Приуз. Я не враг вам, но и не друг. Я просто проезжал мимо, когда увидел, что человеку нужна помощь.

— Белому, — уточнил заместитель главы.

— Он от этого не перестал быть человеком, — отрезал Март. — А я от этого не стал вашим союзником.

Такие черные тоже существовали: бегали за белыми, заглядывая им в рот, лишь бы заработать себе теплое местечко. Свои таких презирали. Светлые — пользовались их услугами, но презирали не меньше. Видимо, под рукой Приуза

не нашлось ни одного черного лизоблюда, чтобы просветить его по интересующему вопросу.

— И все же, — не отставал тот. Глаза вновь стали щелками.

— Вам следовало бы позаимствовать в архиве пару учебников, — не сдержался Мартин. — Все проще не придумаешь. Когда призрак долго обитает в этом мире, он питается энергией живых, крепнет. Может подселиться — это самый частый расклад. Призраки любят обзаводиться телами. Это их инстинкт, если хотите. А может и просто жиреть на живой энергии и, если долго не будет замечен, тогда обретет способность действовать на материальные предметы. Банально: двигать вещи, уронить посуду, скрипеть половицами. Клыки, которыми тварь разорвала шею вашего Хавьера, не были материальными, это все та же энергия. Он просто хотел порвать его и порвал. Сила мысли и сила энергии — учебник начальных классов.

Черты лица Приуза неприятно заострились. Да, слова Мартина были оскорблением, и он прекрасно отдавал себе в этом отчет.

— Один из свидетелей сказал, что вы схватили призрака за «хвост». Это правда? — тем не менее продолжил замглавы допрос.

Мартин молча вытянул руки и повернул их ладонями вверх. На его коже, покрытой засохшей кровью, вздулись и еще не успели зажить крупные волдыри.

— Действует по-разному, — пояснил сухо. — Иногда разъедает, как кислота. Иногда так — будто раскаленным маслом плеснули.

Вот теперь глаза Приуза расширились.

— Почему вы сразу не показали? Вам требуется лечение.

Мартин посмотрел на него снисходительно. Белые стали бы лечить черного? Вот уж неслыханно.

— Если бы мне позволили помыть руки, этого было бы достаточно, — возразил спокойно. — Но мне велели, — процитировал: — «сидеть и не рыпаться, пока не вызовут».

Приуз поджал губы.

— Ванная комната — за дверью, — сказал затем коротко.

Неожиданно. Но отказываться Мартин не стал — кожа зудела.

Когда Мартин вернулся из ванной, с удовольствием смыв с рук чужую кровь, Приуз что-то писал. Увидев его, отложил письменные принадлежности. Поднял голову, кивнул на стул.

Март вздохнул, понимая, что отвертеться быстро не получится.

— Что стало с черным магом, который был в паре с Хавьером? — спросил, прежде чем заместитель главы гильдии успел бы продолжить свой допрос.

— Призрак уронил на него шкаф. Жив-здоров.

— И получил выговор за то, что не справился и подставил белого под удар? — продолжил за него Март.

Приуз хмыкнул.

— С чего вы взяли?

Мартин ответил прямым взглядом.

— Я не прав?

Приуз развел руками.

Чего и следовало ожидать.

Март отвернулся, уставился в стеклянные дверцы бара. Спиртное, в большом разнообразии, прямо-таки на любой вкус. И цвет. Местный глава, похоже, большой любитель выпить.

И повалиться на ковре...

— Кто была та женщина? — вновь заговорил Приуз.

— Понятия не имею, — ответил Март, не поворачивая головы.

Было бы глупо играть в дурачка, наивно моргать и спрашивать, о ком идет речь. Очевидно, что гильдейцы уже всех опросили и проследили их с Ханной путь от самого «Полумесяца». Вот только сведений о женщине не нашли. Что тоже неудивительно — Март был на сто процентов уверен, что никакая она не Ханна, а еще, учитывая обстоятельства, что ее уже нет в городе.

Знать бы еще, что это за Шкипер, которого она упомянула.

— Вы провели с женщиной ночь, катались с ней по ночью-

му городу... И не знаете, кто она? — не поверил собеседник.

Только теперь Март повернулся.

— Я провел с ней пару часов. И нет, я не просил у нее документы. Черные маги аморальны, знаете ли. А она тоже из черных, так что мы аморальны вдвойне.

Приуз помолчал. Арестует за хамство? Март слышал, что и такое в столице сплошь и рядом. Впрочем, ни в чем серьезном при таком количестве свидетелей его не обвинят. Напротив, он теперь ходячая сенсация: черный, спасающий белого!

— Я запросил ваше досье, — сказал Приуз.

— Не сомневаюсь.

— Ваша серьга... — Мартин напрягся. Если сыскарь не смог добраться до засекреченных данных, то заместителю главы столичной Гильдии магов уровень доступа вполне позволял выяснить правду. — Про одно звено толком не ясно. Несчастный случай в приюте — и только. — То самое, сожженное при попытке снять. — А вот про второе — любопытно.

Март выдержал пристальный взгляд гильдейца.

— Меня признали невиновным.

— Вы спасли девушке жизнь.

— Убив ее насильников.

— Вам было семнадцать. Это... впечатляюще.

Впечатляюще глупо, он хотел сказать?

То, что так хотел узнать сыскарь Шелли, вовсе не было

героической историей. И уж тем более любопытной, как выразился Приуз. Они с приятелем поехали в ближайший город на ярмарку по поручению преподавателей из приюта. А когда возвращались, заблудились и завернули в подворотню. А там трое почти таких же юнцов, как они сами, затащили в тупик девчонку...

Сейчас Мартин тоже не прошел бы мимо, но обошелся бы кулаками. Тогда... тогда его серьге было меньше года, он не привык... Думал раскидать их магией. А в итоге серьга среагировала, и он не сдержал поток силы от боли.

В приют его доставили без сознания. Халистер потом только сказал, что двое из троих насильников мертвы. Девчонка и третий живы. Свидетелей полно, поэтому обвинения ему не выдвинут. А еще сказал, что Март легко отделался. Новыми «призраками» за своей спиной...

— Я могу идти, господин Приуз?

— Я хотел бы пригласить вас работать в гильдии.

Они заговорили одновременно и уставились друг на друга. Мартин едва не рассмеялся.

— Нет, — покачал головой. — Конечно нет.

— Почему? Вы были бы весьма полезны. — У заместителя главы было такое лицо, будто Март отказался от манны небесной. — Ваш контролер из Прибрежья очень лестно о вас отзывался.

Его контролер просмотрел двухгодичную преступную деятельность своего подопечного.

— Я подумаю, — ответил Мартин, вспомнив Ризаля и самый быстрый способ от него отделаться — согласиться со всем. — Устроит вас такой ответ?

— Устроит, — кивнул собеседник.

Март встал.

Приуз тоже поднялся, решив проводить «гостя» по всем правилам этикета.

— Сейчас глава Деллоусис в отъезде, но, когда приедет, думаю, он захочет лично с вами познакомиться, — сказал напоследок. — В данный момент вы самый сильный черный маг в Столичном округе. И мы действительно заинтересованы в сотрудничестве. Если вам неинтересна постоянная работа, то, полагаю, возможно, мы сможем договориться о единичных случаях вашей помощи гильдии.

Увы, отказываться категорически было нельзя. За Гильдией магов — сам король. Отказ от сотрудничества — измена.

— Я учту, — отозвался Мартин. Сделал пару шагов к двери и обернулся. — Господин Приуз, а в вашем кабинете есть ковер?

Тот удивленно моргнул.

— При чем тут?..

— Ковер у вас есть? — повторил Март.

— Нет.

— Тогда если гильдии однажды понадобится от меня услуга, то я хотел бы иметь дело с вами, а не с господином

Деллоусисом, — вроде бы верно выговорил имя. Судя по тому, что его не исправили, верно.

— Я учту, — эхом отозвался Приуз.

К сожалению, то, что теперь гильдейцы не оставят его в покое, было очевидно.

Мрак устал не меньше своего хозяина и под конец пути заупрявился и встал, не желая везти седока. Март выругался, но не стал ссориться с животным: взял под уздцы и довел до дома.

Когда они вошли в ворота, было уже далеко за полдень. В это время Мартин обычно завтракал. Получалось, что он не спал больше суток.

Мартин запер ворота, обернулся и увидел, как Пьетро сбегает с крыльца и бросается навстречу.

Удачно, подумал Март. Он только хотел звать мальчишку, чтобы попросить его позаботиться о коне, а тот сам тут как тут.

Пьетро бегом преодолел разделяющее их расстояние и замер буквально в двух шагах, тяжело дыша и смотря на Мартина огромными сияющими глазами.

— Э-э... Что-то случилось? — не понял Март.

Пьетро смутился, торопливо отвел взгляд.

— Господин, мы просто...

— Что — вы просто? — Он настолько устал, что не был

настроен тянуть время и сюсюкать. На «господина» и то решил не обращать внимания.

— Мы с Миртой думали, вас убили! — выпалил мальчишка на одном дыхании.

Мартин удивленно моргнул.

— Что вы думали?

Пьетро мучительно покраснел, до корней волос.

— Мирта слышала, что кого-то убили в центре. Вzbесившийся призрак, гильдейцы, стража...

И они за него испугались, ну надо же. Март на мгновение даже потерял дар речи.

Выкрутился шуткой:

— Меня не так просто убить, знаешь ли. Паникеры. Держи. — Сунул тому в руки повод Мрака. Конь оскорбленно фыркнул. — Позаботься о нем, ладно?

— Конечно, господин, — закивал Пьетро, все еще пряча глаза — сам испугался своей реакции.

Мартин потоптался на месте, не зная, что сказать. Последнее, что было ему нужно, — привязывать к себе этого ребенка. И в то же время понимал, что, бескорыстно пытаясь ему помочь, уже это сделал.

— О любимые черти Ризаля, дайте мне сил, — пробормотал он, устало проведя ладонью по лицу.

Волдыри уже почти не болели и заметно уменьшились в размере.

— Что-что, господин? — вскинулся Пьетро. — Простите,

я не расслышал.

— Спасибо за беспокойство, вот что, — улыбнулся Март.

А еще Мартин только что понял, что уже много лет никто не беспокоился, жив ли он, вернется ли домой. Это было...
ново.

— Дуй в конюшню. Я — спать, — поторопил мальчишку и направился к дому.

Глава 8

Март наскоро что-то перекусил на кухне под жалостливые причитания заботливой Мирты и отправился к себе, где провалился в сон, едва добравшись до кровати.

Разбудил его настойчивый стук в дверь.

Мартин застонал и перевернулся навзничь. Скосил глаза на часы на прикроватной тумбе: утро.

Несмотря на то что вчера лег спать еще засветло, вставать в такую рань после приключений прошлого дня он не планировал. Да и домочадцы вроде бы уже изучили его привычки и никогда не беспокоили раньше обеда. Вообще не беспокоили, если на то пошло.

Стук повторился.

— Мартин! — донесся из коридора взволнованный голос Мирты. — Мартин, проснитесь, пожалуйста!

Первая мысль была приятной: хотя бы кто-то в этом доме перестал лишний раз величать его «господином». Следующая — тревожной и более трезвой: Мирта никогда не стала бы его беспокоить, если бы ничего не случилось.

— Иду! — крикнул Март и торопливо поднялся.

Подхватил с пола брошенные вчера штаны. Натянул и прошлепал босыми ногами к двери; распахнул рывком.

— Слава богам... — начала кухарка и быстро отвела глаза, потому как на нем не было надето ничего, кроме брюк.

— Мартин, там пришел господин...

Март нахмурился. Гостей он не приглашал совершенно точно. А если бы наведалься поверенный хозяина дома, всем хорошо знакомый господин Скипер, то Мирта бы так не разволновалась.

— Какой еще господин?

— Он сказал, что из Королевского сыска. — Кухарка всхлипнула и торопливо прикрыла губы ладонью. — Он за Петей!

Та-а-ак... Этого следовало ожидать.

Мартин скрипнул зубами.

— Хорошо, я понял, — ответил женщине твердо. — Скажите Пьетро, чтобы сидел у себя и не высывался.

— Он уже спрятался. Испугался.

Еще бы не испугаться. Вот только пора ему перестать бояться даже своей тени.

— Мирта, принесите, пожалуйста, гостю чай или другие напитки, какие он попросит, и передайте, что я скоро спущусь.

— Хорошо, господин. — Ну вот, а он только подумал, что с «господинами» покончено. Рано радовался. — Господин, они заберут Петю?

— Не заберут, — отрезал Март. — Будьте добры, поспешите. Не стоит заставлять гостя ждать.

Кухарка закивала и убежала вниз по лестнице.

Только оставшись в одиночестве, Мартин позволил себе

от души выругаться.

Собирался он дольше, чем планировал. После длительно-го сна лицо не хотело принимать бодрый вид даже от умыва-ния ледяной водой. Зато кожа на руках порадовала: от вче-рашних волдырей почти не осталось следов — так, неболь-шие припухлости.

Март нацепил чистые рубашку, брюки и безрукавку, рас-судив, что у себя дома имеет право не облачаться по всем правилам этикета. Пройдясь расческой по волосам, сразу же заправил их за ухо, чтобы серьгу было отчетливо видно, и вышел из комнаты.

В коридоре стояла мертвая тишина.

Мартин подошел к двери в комнату Пьетро и тихо стукнул в нее костяшками пальцев.

— Ты там?

Внутри что-то упало, покатилося, а затем послышались быстрые легкие шаги, и дверь приоткрылась. Не широко, всего на два пальца, и в образовавшуюся щель выглянул испуганный карий глаз.

— Господин, это вы? — голос мальчишки заметно дрожал.

— Нет, мой призрак, — огрызнулся Март. Пьетро моргну-л. — Конечно я. Успокойся и приведи себя в порядок. На-день лучшее, что у тебя есть, и жди, я тебя позову.

— Д-да, господин, — надломленно отозвался Петро.

Мартин обернулся, уже успев отойти от двери.

— Тебя никто не заберет, ясно?

— Й-асно, — пробормотал мальчишка тихо и без тени уверенности в голосе.

Вряд ли он не верил Марту, скорее искренне считал, что тот не сможет ничего сделать.

Еще чего.

— Выше нос, — велел ему Мартин. — И расчешись, будь так любезен.

После чего развернулся и поспешил вниз по лестнице.

На середине пролета замедлил шаг и спустился уже неспешной вальяжной походкой хозяина дома.

Мужчина был молод, около тридцати — точно не старше. Высокий, худощавый, но широкоплечий, значительно крупнее тонкокостного Мартина. На нем был темно-коричневый сюртук, такие же брюки и высокие сапоги до колен. Под горлом — белоснежный аккуратно повязанный шейный платок. Волосы шоколадного оттенка и длиною до плеч были собраны сзади шнурком, образуя небольшой «хвостик».

Гость прохаживался по гостиной, заложив руки за спину, и внимательно рассматривал картины на стенах.

— Вы ценитель? — Март окликнул его еще с лестницы, застав врасплох.

Мужчина резко обернулся и уставился на него светло-серыми ясными глазами. Чуть улыбнулся.

— Любитель, — ответил без тени смущения. Скользнул взглядом по серьге в ухе. — В доме черного мага ожидаешь увидеть картины с изображением склепов и черепов. А у вас — море, чайки, цветочные поля.

Март преодолел последнюю ступень и остановился напротив незваного гостя.

— Вон там в углу еще лес с бабочками.

Мужчина бросил взгляд в указанном направлении, а затем и вовсе повернулся туда всем корпусом.

— И правда, — кажется, искренне удивился.

Мартин усмехнулся про себя.

Полотна остались от прежнего хозяина. Себ только обновил обветшалые рамы у некоторых из них, и Март решил их оставить. Надо же, пригодились.

— Так чем обязан, господин?..

Мужчина стремительно повернулся. Резкий, быстрый, умело контролирующий свое тело. Такой выхватит нож и всадит его тебе промеж глаз за долю секунды.

Тем не менее пришедший был обычным человеком без дара, и ждать от него можно было действительно разве что припрятанного в сапоге кинжала. Другого оружия у гостя не наблюдалось.

Его спутники, двое, оставшиеся снаружи, но на территории двора, тоже не обладали магическими способностями.

Что только лишний раз говорило об уверенности и смелости заявившегося блюстителя порядка — не каждый сунется в дом к черному магу, не прихватив с собой другого мага, желательно белого. Или... о безрассудстве?

— Рикхард Брэниган, — представился законник. — Старший уполномоченный Королевского сыска.

Март приподнял брови: вот уж кого не ожидал увидеть у себя в гостях, так это представителя такого знатного рода. Да еще и в должности какого-то там уполномоченного.

— *Лорд* Рикхард Брэниган, я полагаю? — спокойно уточнил он, хотя и сомневался, что в столице у «тех самых» Брэниганов могли бы найтись однофамильцы.

Улыбка гостя стала несколько натянутой.

— Совершенно верно. А вы, стало быть, Мартин Халистер? — Дружелюбие Брэнигана улетучилось.

Узнавание ему не понравилось, хотя, по мнению Марта, это было сродни глупости. О том, кто такие Брэниганы, знали все, кто хотя бы чуть интересовался политикой и историей Реонерии.

— Верно, — он сдержанно кивнул. — Просто Мартин Халистер, не лорд.

Этот скандал разразился на все королевство, когда Март был еще ребенком: некая женщина из мелкого не слишком богатого рода умудрилась выйти замуж за самого лорда Брэнигана. Однако общество тогда удивил не сам факт мезальянса, а то, что у женщины уже был ребенок, рожденный

вне брака. Поговаривали, что от самого короля Лагуста, который, судя по слухам, и устроил выгодный брак своей фаворитке.

Значит, Март не ошибся в оценке возраста гостя — тот был примерно на пять лет старше него...

Звякнула посуда, и на пороге появилась кухарка с подносом в руках. Женщина смущенно улыбнулась, поставила свою ношу на столик и сделала неумелый книксен.

— Спасибо, Мирта, — кивнул ей Мартин. — Оставьте нас, пожалуйста.

— Да, господин. — Та опустила взгляд и покладисто поспешила в сторону кухни.

Март решил, что хоть раз в жизни обращение «господин» в этом доме прозвучало уместно.

— Присаживайтесь... — он пригласил гостя занять мягкие кресла у столика с угощением.

— Благодарю.

— И поведайте мне, чем я обязан вашему визиту, лорд Брэниган.

Они оба сели, не спуская друг с друга глаз.

Март подумал, что Брэниган и правда похож на покойного короля Лагуста, которого он миллион раз видел на портретах, а в детстве даже несколько раз вживую. Тот же нос, тот же цвет глаз и волос. Похоже, молва не лгала и ему нанес визит сам бастард бывшего короля — единокровный брат нынешнего.

Брэниган без лишних слов достал из внутреннего кармана сюртука бумагу и положил ее на стол, сбоку от подноса с ароматно пахнущей выпечкой.

— Угощайтесь, — светски улыбнулся Мартин. — Моя кухарка бесподобно готовит.

А сам взял документ в руки. Как он и думал, это оказалась дарственная. «Пол: мужской. Имя: Пьетро. Возраст...»

Март не стал вчитываться в параметры роста и веса купленного, а затем подаренного, как вещь, ребенка, и вернул бумагу на стол.

— Любопытные подарки люди порой делают друг другу, не находите? — Первым потянулся к еще теплomu пирожку. — Попробуйте, не пожалеете.

Брэниган поморщился от упоминания о подарках, но приглашение перекусить все же принял — непохоже, чтобы с аппетитом, скорее из вежливости.

— И правда, у вашей кухарки талант, — тем не менее оценил.

Март терпеливо ждал продолжения. Отпил чай, поглазел по сторонам, должно быть, впервые по-настоящему рассмотрев картины на стенах. Представил, что повесил бы дом черепами и склепами, как предположил гость, и чуть не рассмеялся. Он бы тогда сам боялся пройти по этой гостиной без света.

— Итак, я вас слушаю, — проронил, когда Брэниган вернул свою чашку на стол. Перекинул ногу на ногу.

— Некто господин Шельес подал королю жалобу о том, что вы похитили его раба.

Мартин приподнял бровь.

— Полагаю, выкрал среди ночи из теплой постели и утащил в свой склеп?

Уголок губ Брэнигана дернулся, однако на этот раз улыбку старший уполномоченный себе не позволил.

— Не дословно, но примерно так.

Его самого тошнило от дела о купле-продаже детей, Мартин ясно видел по глазам. Но долг службы есть долг службы.

Мартин поставил обе ноги на пол и подался вперед, уперся локтями в колени и переплел пальцы.

— А господин Шельес в своем прошении о справедливости указал, что так называемое похищение произошло тогда, когда его подручные упаковали ребенка в мешок, связав по рукам и ногам, и выбросили в реку посреди города, даже не соизволив замести следы?

На лице Брэнигана заиграли желваки. Поверил, причем сразу. Значит, уже вдоволь наобщался с вышеупомянутым господином.

— Об этом он... умолчал.

— А о том, что морил его голодом и держал на привязи, как собаку?

— Тоже... не вдавался в подробности.

Мартин оценил ответ. Откинулся на спинку кресла и снова перекинул ногу на ногу.

— Тем не менее он является собственником и требует собственность назад, — сам произнес то, что должно было стать следующей репликой визитера.

Тот благодарно кивнул.

— Рад, что вы понимаете.

— Я *всепонимаю*, лорд Брэниган, — заверил Март, намеренно выделив интонацией слово «все». — И то, что раб наверняка был застрахован. И то, что, избавившись от мальчика так, чтобы стража в скором времени обнаружила труп, господин Шельес рассчитывал получить внушительную сумму. А также я понимаю то, — холодно улыбнулся, — что ни стража, ни ваше подразделение не стало бы тратить время на поиски убийцы раба, и план господина-собственника увенчался бы успехом, если бы мне вдруг не вздумалось поплавать той ночью.

Брэниган скрипнул зубами.

— Свидетели видели мальчика в вашем доме. Вы обязаны его вернуть.

— Правда? — Мартин изобразил на лице наивное удивление. — Мое видение ситуации говорит об обратном. Мирта! — крикнул, повернув голову. — Будь так добра, позови Пьетро к нам!

Законник смотрел на него недобро и напряженно.

— Господин Халистер, я никоим образом не одобряю рабство как явление само по себе, но вам не следует пытаться давить на жалость.

Вот что он подумал: то, что Март предоставит ему сытого довольного жизнью ребенка и попросит его не забирать. «Господин законник, оставьте его мне, пожалуйста!» Так? Хорошенького же он о нем мнения.

Мартин покачал головой.

— И не собирался, лорд Брэниган.

— Можно без «лорд», я здесь по долгу службы.

Март уважительно кивнул: не всякий лорд способен не кичиться своей родословной. Впрочем, не каждый сын короля, пусть и внебрачный, отправится работать в Королевский сыск и возвращать хозяевам беглых рабов.

— Звали, господин? — Пьетро спустился в гостиную и замер, руки по швам, взгляд в пол. Этакая статуя смирению и покорности.

— Звал, звал, — откликнулся Март, досадуя, что несмотря ни на что мальчишка выглядит запуганным. — Подойди к нам.

Пьетро покорно сделал несколько шагов вперед. Все-таки не расчесался. Или его шевелюра опять успела перепутаться? Март уже не раз замечал, что кудри мальчишки превращались в нечесаное гнездо в считанные минуты.

— Как вы оцените его состояние? — поинтересовался Мартин у Брэнигана.

Тот бросил на замершего перед ними Пьетро лишь беглый взгляд, покачал головой.

— Его нужно вернуть, какие бы мотивы у вас ни были.

— Возможно, — согласился Март. Боковым зрением заметил, как вздрогнул подросток. — А возможно, и нет. — Мартин встал и прошел к комоду у стены, открыл ящик, достал бумаги. — Возьмите, можете подшить к рапорту. — Вернулся и протянул стопку законнику.

— Что это? — Тот нахмурился.

— Это чеки, господин уполномоченный, — охотно пояснил Мартин. — Суммы, потраченные на еду, одежду и лечебные снадобья для мальчика. — Он подошел к Пьетро ближе и положил ладони ему на плечи. — Не дрожи, — шикнул едва слышно и продолжил для Брэнигана, недоуменно перебирающего перечисленные бумаги: — Можете подбить и пересчитать. Три золотых и две серебряные монеты, учитывая дорогостоящее средство для заживления рубцов. А согласно статье Свода законов номер пятьсот шестьдесят восемь дробь двенадцать: если постороннее лицо потратило на содержание чужого раба более трех золотых монет, оно имеет право претендовать на владение им, либо получить компенсацию от нынешнего владельца в двойном размере. — Пьетро ощутимо вздрогнул, но Мартин предупредительно сжал его плечо. — Как думаете, господин старший уполномоченный, господин Шельес выложит мне шесть с половиной золотых за то, чтобы забрать мальчика? Насколько мне известно, страховая ставка для видов подобной собственности редко превышает две монеты.

Брэниган все еще сидел с бумагами в руках и смотрел на

стоящего перед ним Мартина широко распахнутыми глазами.

Март позволил себе усмехнуться.

— Так что скажете, господин старший уполномоченный? Тот впервые перевел внимательный взгляд на Пьетро.

— А ты сам? — спросил как-то устало. — Хочешь остаться у господина Халистера?

— Хочу, господин Брэниган! — горячо выпалил Пьетро. — Ой, то есть лорд Брэниган!

И с головой выдал то, что Март знал и так: что подслушивал еще до того, как его позвали.

Теперь и гость это понял, встретился с ним взглядом. Мартин пожал плечом.

Брэниган же неожиданно расплылся в широкой улыбке. Засунул бумаги во внутренний карман своего сюртука, отчего тот оттопырился на груди, и встал.

— Мое уважение, господин Халистер. — Протянул руку. — Вот пункт дробь двенадцать я позабыл. С удовольствием напомним господину Шельесу его содержание.

Март жесту удивился, но протянутую руку пожал. Не всякий решится дотронуться до черного.

— И вам — мое почтение, — кивнул на прощание, все еще держа вторую руку на плече окаменевшего и пока не смеющего поверить в их победу мальчишки.

— Приятно было познакомиться, — буркнул Брэниган и повернулся к двери.

Март проводил его взглядом... и вдруг заметил то, на что не обратил внимания сразу.

— Стойте! — выкрикнул прежде, чем успел подумать. Быстро отстранил от себя Пьетро. — Петь, живо дуй в свою комнату.

Тот не решился спорить.

Брэниган тоже послушался: остановился, недоуменно обернулся.

— Что-то случилось? — Нахмурил брови.

Март серьезно кивнул, продолжая изучать ауру стоящего напротив него человека.

— Случилось. Я думаю, вам следует отпустить своих людей и задержаться у меня на некоторое время.

Лицо законника вытянулось.

— С какой такой стати? — не понял он и расценил слова как угрозу.

— С той самой, что на вас наложено проклятие, от которого вы скончаетесь не позднее чем через неделю, — ответил Мартин чистую правду. — Я могу его снять. Если позволите, разумеется.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.